

2025
N 4 (74)

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА
LEGAL SCIENCE AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE
YURIDICHESKAYA NAUKA I PRAVOOKHRANITEL'NAYA PRAKTIKA

16+

Научно-практический журнал.
Учрежден Тюменским институтом повышения
квалификации сотрудников МВД России.
Издается с 2006 г. Выходит ежеквартально

Scientific and Practical Journal. Established
by Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation.
Published since 2006. Issued quarterly

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Председатель

Chairman

КОКОРИН Д.Л.,
кандидат юридических наук, доцент,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

KOKORIN D.L.,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Главный редактор

Chief Editor

ЧЕРНОВА С.С.,
кандидат юридических наук,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

CHERNOVA S.S.,
Candidate of Legal Sciences,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Ответственный редактор

Executive Editor

ЛЕТАЕВА Е.А.,
кандидат юридических наук, доцент,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

LETAEVA E.A.,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Члены редакционной коллегии:

Members of the editorial board:

БАРАНОВ В.М.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации, почетный работник
высшего профессионального образования
Российской Федерации,
Нижегородская академия МВД России

BARANOV V.M.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honoured Scientist of the Russian Federation,
Honorary Worker of Higher Professional
Education of the Russian Federation
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

БЕЗРУКОВ А.В.,
доктор юридических наук, доцент,
Сибирский федеральный университет

BEZRUKOV A.V.,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor,
Siberian Federal University

ГЕРАСИМЕНКО Ю.В.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
Уполномоченный по защите прав
предпринимателей в Омской области

GERASIMENKO Yu.V.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honoured Lawyer of the Russian Federation,
Business Rights Commissioner
in the Omsk region

ГРЕЧКИНА О.В.,
доктор юридических наук, профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации

GRECHKINA O.V.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
The Russian Presidential Academy
of National Economy and
Public Administration

ГРИШКО А.Я.,
доктор юридических наук, профессор,
Рязанский государственный
университет им. С.А. Есенина

GRISHKO A.Ya.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Ryazan State University named after
S.A. Yesenin

ИЛЬЯШЕНКО А.Н.,
доктор юридических наук, профессор,
Кубанский государственный университет

IL'YASHENKO A.N.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Kuban State University

КОМИССАРОВА Е.Г.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет

KOMISSAROVA E.G.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honoured Worker of Higher School
of the Russian Federation,
Perm State National
Research University

ЛИПИНСКИЙ Д.А.,
доктор юридических наук, профессор,
Тольяттинский государственный университет

LIPINSKIY D.A.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Togliatti State University

МАЙОРОВ В.И.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников
МВД России

MAYOROV V.I.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

МАЛЬКО А.В.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Поволжский институт (филиал)
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России) в г. Саратове

MAL'KO A.V.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honoured Scientist of the Russian Federation,
Volga Region Institute (branch) of the All-Russian
State University of Justice
(Russian Law Academy of the
Ministry of Justice of Russia)
in Saratov

НЕЗНАМОВА З.А.,
доктор юридических наук, профессор,
Уральский государственный
юридический университет
имени В.Ф. Яковлева

NEZNAMOVA Z.A.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Ural State Law University
named after V.F. Yakovlev

СЕРГЕЕВ А.Б.,
доктор юридических наук, профессор,
Челябинский государственный университет

SERGEEV A.B.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Chelyabinsk State University

СУМАЧЕВ А.В.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

SUMACHEV A.V.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation

ШАРАПОВ Р.Д.,
доктор юридических наук, профессор,
Санкт-Петербургская академия
Следственного комитета
Российской Федерации

SHARAPOV R.D.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
St. Petersburg Academy
of the Investigative Committee
of the Russian Federation

ШРУБ М.П.,
кандидат юридических наук, доцент,
Институт повышения квалификации
и переподготовки Следственного комитета
Республики Беларусь

SHRUB M.P.,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Advanced training and retraining Institute
of the Investigating Committee
of the Republic of Belarus (Belarus)

ЮЗИХАНОВА Э.Г.,
доктор юридических наук, профессор,
Санкт-Петербургский
университет МВД России

YUZIKHANOVA E.G.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
St. Petersburg University of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

**Ответственность за содержание
материалов несут авторы статей.**

**Мнение редакции журнала может
не совпадать с точкой зрения авторов
публикаций.**

**Журнал включен в Перечень российских
рецензируемых научных журналов
и изданий (категория 2 (K2)
по научным специальностям:**

**5.1.1. Теоретико-исторические правовые
науки; 5.1.2. Публично-правовые
(государственно-правовые) науки;
5.1.4. Уголовно-правовые науки**

Партнеры:

Международная ассоциация
содействия правосудию;
Российская криминологическая ассоциация

Partners:

International Union of Assistance to Justice;
Russian Association for Criminology

Адрес редакции, издателя и типографии:

625049, г. Тюмень, Тюменская область,
ул. Амурская, 75.

**Address of the Editorial Board, Publisher
and Printing House:**

Amurskaya str. 75, Tyumen,
Tyumen region, 625049, Russia.

<http://www.naukatipk.ru>; +7 3452 598 484; naukatui@mail.ru

ISSN 1998-6963

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ N ФС77-79556 от 07.12.2020 г.

Редакторы: Е.В. Карнаухова, Е.А. Пыжова.

Технический редактор: А.В. Ковальская.

Перевод на английский язык: Ю.А. Никонова.

Подписано в печать 22.12.2025. Дата выхода в свет 26.12.2025.

Формат 60x84/8. Усл. п. л. 18,1. Уч.-изд. л. 17,0.

Тираж 300 экз. Заказ N 018. Цена свободная.

© ФГКУ ДПО «ТИПК МВД России», 2025.

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Раздел 1. Методология правоохранительной деятельности

ВАЛЕЕВА Г.А. К вопросу о соотношении
процессуальной ответственности со смежными
категориями процессуального права

6

Section 1. Methodology of law enforcement activities

VALEEVA G.A. On the correlation between
the procedural liability and related
categories of procedural law

Раздел 2. Юридическая конституциология

ЛЕТАЕВА Е.А. Правовые основы медицинского
обеспечения иностранных граждан и лиц без
гражданства в Российской Федерации

18

Section 2. Legal constitutionology

LETAEVA E.A. Legal basis for medical
support of foreign nationals and stateless
persons in the Russian Federation

Раздел 3. Административное право и деликтология

ДЕСЯТОВА О.В.
Административное задержание: проблемы
и пути их решения

32

Section 3. Administrative law and delictology

DESYATOVA O.V.
Administrative detention: problems
and solutions

ВЕРХОГЛЯДОВ Я.Е.
Участковый уполномоченный полиции
как субъект выявления причин
и условий, способствовавших совершению
административных правонарушений,
и принятия мер по их устранению

43

VERKHOGLYADOV Ya.E. District police
officer as a subject of identifying the
causes and conditions that contributed
to committing administrative offences
and of taking measures on their
elimination

Раздел 4. Уголовный закон

БОНДАРЕВ С.П., МИЛЛЕРОВА Е.А. К вопросу
о необходимости внесения изменений
в часть 5 статьи 171.1 Уголовного кодекса
Российской Федерации

57

Section 4. Criminal law

BONDAREV S.P., MILLEROVA E.A.
On the issue of the need for amending
Part 5 of Article 171.1 of the Criminal Code
of the Russian Federation

ЗАХАРЧУК С.Д., МЕЛЬНИКОВА О.А. Пособия,
предоставляемые семьям с детьми,
как мера социальной поддержки
и предмет преступного посягательства

64

ZAKHARCHUK S.D., MELNIKOVA O.A.
Benefits provided to families with children
as a social support measure and a subject
of a criminal assault

ВАЛЬТЕР А.В. Квалификация налоговых
преступлений и их отграничение
от смежных составов

73

VALTER A.V. Classification of tax crimes
and their delimitation from the related
crimes

КОСМАЧЕВ С.В. Особенности объекта
преступления в области защиты авторских
прав в условиях цифровизации

86

KOSMACHEV S.V. Specificities of the
object of a copyright crime in the context
of digitalization

Раздел 5. Пенитенциарная система

ГОРБАНЬ Д.В. Охранительные правоотношения
в механизме отбывания уголовных
наказаний в виде обязательных
и исправительных работ

94

Section 5. Penitentiary system

GORBAN' D.V. Protective legal relations
in the mechanism of serving criminal
penalties in the form of compulsory
and correctional labour

Раздел 6. Государственная система и правоохранительная политика

ДЕНИСЕНКО В.В., МАЙОРОВ В.И.
Эффективность государственной политики
в области безопасности дорожного
движения: анализ достижений
и актуальных проблем

103

Section 6. State system and law enforcement policy

DENISENKO V.V., MAYOROV V.I.
Effectiveness of the state road safety
policy: analysis of the achievements
and urgent problems

Раздел 7. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

КОШЕЛЕВ Д.А. К вопросу о понятии
кодекса в современной юридической
доктрине

113

Section 7. The problems of legal science and law enforcement practice: young researchers' view

KOSHELEV D.A. On the concept
of a code in the modern legal
doctrine

ПРОКОПЧИК Ю.А. Основы
конституционного строя как правовая
гарантия обеспечения трудовых прав
граждан

121

PROKOPCHIK Ju.A. Foundations of the
constitutional system as a legal guarantee
of ensuring the labor rights
of citizens

ЧЕПИК И.В. Обеспечение
в процессе охраны и конвоирования
подозреваемых и обвиняемых прав
находящихся при них детей

132

CHEPIK I.V. Ensuring the rights of children
accompanying the suspects and accused
persons during the process of their
guarding and escorting

КАМЕНОВА Н.А. Проблемы квалификации
дорожно-транспортных преступлений
с участием транспортных средств, оснащенных
автоматизированной системой управления

141

KAMENOVA N.A. Problems of qualifying
the road traffic crimes involving
the vehicles equipped with automated
control system

Раздел 8. Обзоры, рецензии, критика

МАЙОРОВ В.И. Рецензия на монографию
А.А. Беженцева «Избранные очерки.
Часть II. Мысли о теории права и государства,
административном праве и процессе,
уголовном праве, правоохранительной
деятельности»

149

Section 8. Reviews, critiques

MAYOROV V.I. Review of the monograph
of A.A. Bezhentsev "Selected essays.
Part II. Thoughts on the theory of law
and state, administrative law
and procedure, criminal law and law
enforcement activities"

Раздел 1. Методология правоохранительной деятельности

Научная специальность: 5.1.1

К вопросу о соотношении процессуальной ответственности со смежными категориями процессуального права

Гузель Анваровна Валеева,

кандидат исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия, gavaleeva55@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7895-8134>

Аннотация. В статье исследуются проблемы единства, взаимодействия и противоречий процессуальной ответственности и процессуальных мер защиты, включающих меры пресечения, обеспечения и безопасности. Определяются их общие и отличительные признаки на основе различных критериев: целей, функций и оснований реализации. Большое внимание уделяется взаимодействию мер, характеризующему одновременно и единство названных правовых средств. Делается вывод о том, что признаки единства и взаимодействия заключаются в их вхождении в охранительный блок механизма правового регулирования общественных отношений, непосредственном обеспечении охраны и движения основных процессуальных отношений и косвенном влиянии на материально-правовые отношения юридической ответственности. Основные противоречия мер защиты и процессуальной ответственности видятся в наличии скрытой карательной функции у некоторых мер защиты, что уже сближает их с юридической ответственностью.

Ключевые слова: юридическая ответственность, процессуальная ответственность, процессуальные меры защиты, меры пресечения, меры обеспечения, взаимодействие мер защиты

Для цитирования: Валеева Г.А. К вопросу о соотношении процессуальной ответственности со смежными категориями процессуального права // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2025. N 4 (74). С. 6-17.

On the correlation between the procedural liability and related categories of procedural law

Guzel A. Valeeva,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia, gavaleeva55@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7895-8134>

Abstract. The article examines the issues of unity, interaction and contradictions of the procedural liability and procedural protective measures, including preventive, protective and security measures. Their common and distinctive features are determined based on various criteria: goals, functions and grounds for implementation. Great attention is paid to their interaction which simultaneously characterizes the unity of these legal means. It is concluded that the features of unity and interaction lie in their inclusion in the protective mechanism of legal regulation of social relations, as well as in their direct ensuring protection and development of main procedural relations, and also in their indirect influence on the substantive legal relations of legal liability. The main contradictions between the protective measures and procedural liability are seen in the concealed punitive function of some protective measures, which already brings them closer to legal liability.

Keywords: legal liability, procedural liability, procedural protective measures, preventive measures, measures of ensuring, interaction of protective measures

For citation: Valeeva G.A. On the correlation between the procedural liability and related categories of procedural law // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2025. No. 4 (74). P. 6-17.

Введение

Прежде чем исследовать проблемы соотношения процессуальной ответственности, необходимо определить, какие именно правовые категории относятся к смежным. Так или иначе все они связаны с защитой права, а именно с различными мерами процессуального принуждения: защиты, пресечения, обеспечения и безопасности. Меры пресечения, обеспечения и не обладающие их признаками иные принудительные средства могут быть отнесены к одной общей категории — мерам защиты. Такой подход при выявлении вопросов соотношения процессуальной ответственности со смежными правовыми категориями представляется более продуктивным и соответствует уровню обобщения, свойственному теории государства и права.

Более того, многие специалисты в процессуальных отраслях права классифицируют меры принуждения в юридическом процессе по двум большим группам: юридическая ответственность и меры защиты [1, с. 150] или подразделяют на санкции и процессуально-обеспечительные меры [2, с. 8]. В юридической литературе представлены и иные классификации. Например, А.В. Юдин кроме мер процессуальной ответственности к иным мерам процессуального принуждения относит «меры предупредительного воздействия, меры пресечения и меры защиты» [3, с. 342], но из его рассуждений следует, что изначально он классифицирует процессуальное принуждение на меры процессуальной ответственности и «иные меры».

Автор настоящей статьи не вступает в дискуссию о классификации мер процессуального принуждения, однако подчеркивает, что подразделяет их на процессуальную ответственность и иные меры, а в число последних включает меры пресечения, обеспечения, безопасности и собственно меры защиты. Следует отметить, что вопрос об отграничении различных мер процессуального принуждения от юридической ответственности неоднократно изучался [4; 5], в связи с чем возникает вопрос о целесообразности проведения исследования проблем, которые достаточно проработаны научным сообществом.

Ответ на данный вопрос находится в нескольких плоскостях. Во-первых, если обратить внимание на название статьи, то в нем говорится о соотношении. Соотношение — это философская категория, предполагающая исследование проблем единства, различия, взаимодействия и противоречий. В большинстве существующих научных работ акцентируется внимание только на проблемах разграничения двух названных нами правовых явлений. Во-вторых, большая часть исследований по данной проблематике все же относится к анализу разграничения норм материального права, предусматривающих меры защиты и меры юридической ответственности, а вопросам разграничения процессуальных мер защиты и процессуальных мер ответственности в научной литературе отводилось значительно меньше внимания. В-третьих, существующий уровень разработки названных понятий сложно признать достаточным, так как и в настоящее время некоторые меры процессуальной защиты продолжают необоснованно относиться к мерам процессуальной ответственности.

Основная часть исследования

Прежде всего в целях объективности необходимо указать, что для некоторых ученых «...различение мер ответственности и мер защиты в их общетеоретическом смысле не является принципиальным. Все меры процессуальной ответственности выступают одновременно и мерами процессуальной защиты» [6, с. 376]. Изначально может возникнуть мысль о том, что имела в виду общая практически для всех мер принуждения категория защиты права, но анализ позиции А.А. Павлушиной показывает, что исследователь отождествляет и не разграничивает меры защиты и юридическую ответственность. Теория указанного автора не выдерживает критики, по крайней мере с позиции оснований реализации мер защиты и процессуальной ответственности, поскольку для первых достаточно как тех или иных правомерных действий, так и предполагаемого правонарушения. Фактическим основанием юридической ответственности является исключительно юридический факт правонарушения. Утверждение об основаниях юридической ответственности

сти аксиоматично и бесспорно вследствие того, что оно обосновано в десятках работ различного уровня — от отдельных статей до монографий.

Далее А.А. Павлушина в целях искусственного соединения мер процессуальной ответственности и мер защиты указывает, что основанием процессуальной ответственности выступает как реальное, так и предполагаемое правонарушение, а вина не имеет какого-либо значения для привлечения к ответственности [6, с. 377]. Думается, что такое использование устоявшихся категорий и понятий создает теоретические основы для беззакония и несправедливости, обусловленные нарушением (пусть и в теории) основополагающих принципов юридической ответственности. Подобные рассуждения неприемлемы в связи с тем, что А.А. Павлушина расширяет сферу процессуальной ответственности, включая в нее правонарушения, посягающие на интересы правосудия [6, с. 379]. Если исходить из приведенной позиции, то и для уголовной ответственности за некоторые преступления не имеет значения наличие вины, а также реальный факт преступления, так как достаточно представления о нем. Очевидно, что это не так, да и сам автор вряд ли предполагал, что его концепция соединения мер защиты и мер юридической ответственности может иметь такое обобщение. Соответственно, в связи с этим позиция А.А. Павлушиной по данному вопросу не является системной и последовательной.

Далее следует перейти непосредственно к вопросу о разграничении процессуальной ответственности и мер защиты. В частности, А.Г. Бессолицын выделяет следующие признаки, отграничивающие юридическую ответственность от мер защиты: более широкий перечень юридических фактов, находящихся в основании их применения; предусмотренность мер защиты в диспозиции и санкции правовой нормы [7, с. 21]. Кроме того, мерам защиты свойственен ряд отрицательных характеристик, а именно: «...отсутствие осуждения, дополнительной обязанности и карательной функции» [7, с. 22]. С этим можно согласиться, но вряд ли следует признать верным его утверждение о том, что «...юридическая ответственность — это институт материально-

го права, а меры защиты — материального и процессуального» [7, с. 23].

На основании современной теории и практики правового регулирования необходимо указать, что юридическая ответственность существует и в процессуальном праве в виде относительно самостоятельного правового института. Кроме того, перечень отграничительных признаков можно дополнить. В частности, только мерам защиты свойственна функция непосредственного пресечения правонарушения, для юридической ответственности реализация этого направления правового воздействия не характерна в связи с тем, что между совершением правонарушения и началом реализации юридической ответственности, как правило, проходит относительно длительный период времени. Однако следует также отметить, что признак наличия у мер защиты функции непосредственного пресечения правонарушения не свойственен мерам обеспечения. Это обусловлено многообразием мер защиты.

К.И. Дюк предпринимает попытку разграничить процессуальные меры защиты и юридическую ответственность на основе целей их реализации, указывая на отсутствие цели кары у процессуальных мер защиты [8, с. 110]. По сути, автор в несколько иной форме приводит тезис А.Г. Бессолицына об отсутствии у мер защиты карательной функции. Каждой из функций присуща определенная цель. Цель кары соответствует карательной функции. А.В. Юдин отграничивает меры процессуальной защиты от иных мер принуждения, указывая на то, что они «...не являются мерами процессуальной ответственности» [3, с. 351].

В.В. Нырков к названным выше критериям добавляет отсутствие вины и риск как основу мер защиты [9, с. 184]. Д.Н. Кархалев помимо функционального и целевого критерия указывает, что «...универсальным критерием для разграничения мер защиты и мер ответственности является наличие внеэквивалентных имущественных лишений, характерных для гражданско-правовой ответственности» [5, с. 12].

Анализируя воззрения ученых о разграничении мер защиты и юридической ответственности, следует отметить спорность некоторых доводов, в частности наличие риска в качестве основания при-

менения мер защиты. Обоснованный риск относится к мерам самозащиты права, но данная категория не является универсальной, чтобы с ее помощью можно было бы характеризовать все разновидности мер защиты. Возможно, имелись в виду различные правоприменительные риски, но они существуют не только при реализации мер защиты. Относительно так называемых внеэквивалентных последствий, характеризующих юридическую ответственность, которая отсутствует у мер защиты, следует отметить, что данная характеристика по своей сути является развитием (конкретизацией) функционального и целевого критерия. Реализация карательной функции приводит к различным неблагоприятным последствиям для правонарушителя.

Особое внимание следует уделить обязанностям, возникающим у подвластной стороны правоотношения при реализации юридической ответственности и мер защиты. В частности, в литературе обязанность правонарушителя в правоотношении юридической ответственности называют новой, которой не существовало до момента совершения правонарушения, считая это одним из отграничительных признаков от мер защиты. Однако если возникают юридические факты, которые приводят в действие механизм реализации мер защиты, то до момента появления соответствующих юридических фактов у субъекта отсутствует обязанность подчиниться тем или иным мерам защиты, испытать на себе их действие. При этом обязанности и запреты, сопровождающиеся реализацией мер защиты, могут существенно ограничивать права и свободы граждан. В связи с этим утверждение о том, что они не несут в себе правоограничений или негативного оттенка для субъекта, не совсем верное. В то же время эта обязанность не сопровождается осуждением, а после ее реализации не следует состояние наказанности.

Таким образом, в основании разграничения мер защиты и юридической ответственности находится несколько групп признаков: во-первых, характеристики оснований (у мер защиты они шире, чем у юридической ответственности); во-вторых, функционально-целевые признаки; в-третьих, группа отрицательных признаков.

Как уже отмечалось, исследование проблем соотношения предполагает выявление единства и взаимодействия. Эти две категории указаны вместе, поскольку взаимодействие представляет собой не что иное, как момент единства. Единство характеризует статику, а взаимодействие динамику. Разграничивать данные понятия можно только теоретически. Определение моментов единства и взаимодействия предполагает также выявление общих характеристик юридической ответственности и мер защиты.

Думается, что уяснение единства юридической ответственности и мер защиты необходимо начать с определения их места в механизме правового регулирования. Меры защиты и юридическая ответственность за правонарушение входят в охранительный блок механизма правового регулирования общественных отношений. Их объединяют такие общие категории, как «охрана» и «защита». В самом простом виде защита есть момент охраны. Общественные отношения охраняются всегда, а защищаются в случае их нарушения или угрозы причинения вреда.

В.М. Ведяхин и Т.Б. Шубина верно указывают, что «...надо различать понятия меры юридической ответственности, меры защиты, меры безопасности. Данные понятия должны охватываться категорией "защита права", хотя содержание, назначение, формы осуществления этих мер различны» [10, с. 69]. Охват одной правовой категорией различных по своему содержанию правовых средств — это теоретический уровень абстракции, однако необходимо определить не только факт их отнесения к одной категории, но и реальное взаимодействие в правовой действительности.

Исследование единства и взаимодействия процессуальной ответственности и мер защиты целесообразно начинать с их институционального уровня. В процессуальном праве закреплены два относительно самостоятельных правовых института: процессуальной ответственности и процессуальных мер защиты [11, с. 4]. Институт мер защиты включает в свой состав следующие субинституты: обеспечения, пресечения, безопасности и иных мер, которые сложно отнести к той или иной группе. При этом

анализ не только на уровне процессуального права в целом, но и процессуальных отраслей права позволяет проследить закономерность в виде одновременного закрепления данных правовых институтов. Предусмотренность двух охранительных правовых институтов обусловлена необходимостью повышенной охраны общественных отношений. Следует учитывать, что процессуальная ответственность выполняет служебную роль по отношению к ответственности материально-правовой, и это в принципе обусловлено ролью процессуального права в целом – обеспечить реализацию материально-правовых норм.

Прежде всего единство и взаимодействие процессуальной ответственности и процессуальных мер защиты подчеркивает их основанность на государственном принуждении. Государственное принуждение – это своеобразный общий знаменатель, объединяющий меры защиты и процессуальную ответственность. В юридической литературе существуют различные определения процессуального принуждения. Их детальный анализ не относится к предмету настоящей статьи, в то же время необходимо привести одну из дефиниций государственного принуждения. По мнению Н.В. Макарейко, это «...качественная разновидность социального принуждения, основанная на праве, применяемая уполномоченными субъектами в установленном процессуальном порядке в виде конкретных мер, влекущих наступление негативных последствий личного, материального или организационного характера, направленная на обеспечение общественного порядка и общественной безопасности» [12, с. 252]. С автором нельзя согласиться лишь в том, что принуждение всегда несет негативные последствия. Очевидно, что данное свойство характерно только для такой формы государственного принуждения, как юридическая ответственность, и некоторых (ограниченной группы) мер защиты, но оно не является универсальным.

С одной стороны, Н.В. Макарейко прав, отмечая, что и меры защиты могут нести в себе те или иные ограничения или неблагоприятные последствия. Это подчеркивает, что признак наличия тех или иных неблагоприятных последствий для субъекта не всегда выступает главным для

отграничения мер защиты от процессуальной ответственности. Например, принудительный привод свидетеля или применение меры пресечения в виде заключения под стражу существенно ограничивают права и по своей сути неблагоприятны для субъекта.

С другой стороны, меры безопасности, которые, по нашему мнению, являются разновидностью мер защиты и применяются к различным субъектам юридического процесса, могут в некоторых случаях ограничивать права граждан. Например, к мерам безопасности относится прослушивание телефонных переговоров, но в целом оно несет больше позитивных начал субъектам, в отношении которых осуществляется, а само государственное принуждение здесь минимизировано. Тем не менее в юридической литературе меры безопасности относят к одной из разновидностей мер защиты. Принуждение в мерах безопасности минимизировано по отношению к защищаемым субъектам.

Однако реальная сила государственного принуждения увеличивается в отношении угрозоносителей. В частности, Ф.Ф. Зарипов определяет меры безопасности именно с позиции их реализации в отношении не защищаемых лиц, а субъектов, от которых предположительно исходит угроза. Это следует из определения мер безопасности, под которыми он предлагает понимать «...превентивные действия гласного и негласного характера и средства государственного воздействия на угрозоносителей с целью предупреждения с их стороны общественно опасных посягательств» [13, с. 31] на защищаемых лиц.

Так или иначе государственное принуждение характеризует все меры защиты, но степень интенсивности или выраженности у различных его видов не является одинаковой. Целесообразно еще раз подчеркнуть, что государственное принуждение – это общий знаменатель, объединяющий процессуальные меры защиты с процессуальной ответственностью, подчеркивающий их единство и взаимодействие.

Ранее уже было отмечено, что меры процессуальной защиты и ответственности входят в охранительный блок механизма правового регулирования. На данном аспекте взаимодействия необходимо оста-

новиться подробнее. Действие охранительного блока механизма правового регулирования носит не однотипный характер. Если субъекты не совершают правонарушения, то он «...функционирует по схеме: норма права — правоотношение — реализация прав и обязанностей» [14, с. 95]. В таком виде механизм правового регулирования реализуется в режиме охраны до момента совершения правонарушения. В связи с этим условно в охранительной части механизма правового регулирования можно выделить два блока — охраны и защиты. В большинстве случаев юрисдикционный процесс возникает вследствие совершения правонарушения или наличия того или иного спора. Д.А. Липинский отмечает, что «...процессуальные отношения направлены на обеспечение движения материально-правовых отношений юридической ответственности» [15, с. 102]. В целом соглашаясь с данным тезисом, представляется необходимым уточнить и развить его, но уже применительно к отношениям, возникающим в результате реализации мер процессуальной защиты и процессуальной ответственности.

Процессуальные отношения нуждаются в защите. Они не могут охранять и защищать сами себя, для этого существуют процессуальные меры защиты и процессуальная ответственность. В результате этого выстраивается логическая цепочка: правонарушение — правоотношение ответственности — процессуальные правоотношения — отношения процессуальных мер защиты — отношения процессуальных мер ответственности. Очевидно, что линейная схема носит достаточно условный характер, так как меры процессуальной ответственности и меры процессуальной защиты могут применяться и одновременно, и поочередно. Их суть вне зависимости от очередности реализации одна — обеспечить движение других отношений (их можно назвать основными, процессуальными отношениями), а через реализацию последних воздействовать на материальные правоотношения юридической ответственности, которые и обусловили возникновение юрисдикционного процесса.

Таким образом, процессуальные меры защиты не направлены на движение процессуальных отношений ответственно-

сти, они призваны обеспечить эффективность основных процессуальных отношений, а через них и динамику материально-правовых отношений. Процессуальные отношения также направлены на развитие динамики основных процессуальных отношений и через них влияют на движение материально-правовых отношений юридической ответственности.

Возникновение юрисдикционного процесса свидетельствует о том, что существующие отношения перешли в стадию защиты и в механизме правового регулирования начал действовать блок защиты. Однако это не означает, что сами процессуальные отношения автоматически защищаются. Определенное время до наступления соответствующих юридических фактов внутренний механизм защиты не работает, а функционирует механизм охраны процессуальных отношений. Юридические факты, указывающие на необходимость применения мер защиты, приводят в действие дополнительный механизм защиты процессуальных отношений, процессуальные правонарушения также влияют на его функционирование.

Взаимодействие процессуальных мер защиты и процессуальной ответственности может выражаться и в обеспечении охраны одних и тех же отношений, но при помощи различных способов. В частности, Е.В. Чуклова отмечает: «...особенностью норм процессуального института мер защиты является то обстоятельство, что они обеспечиваются санкциями не только процессуального, но и других отраслей права. Например, запрет на разглашение данных предварительного расследования обеспечивается нормой ст. 310 УК РФ, и в этом случае закрепленная в данной статье санкция является мерой воздействия на нарушителя — мерой уголовной ответственности» [15, с. 60]. У читателя может возникнуть вопрос относительно правомерности данной точки зрения, поскольку норма, закрепленная в ст. 310 УК РФ, относится к материально-правовой ответственности. Однако позиция автора настоящей статьи заключается в том, что следует различать процессуальную ответственность в узком и широком смысле. В широком смысле в ее структуру входят нормы различных отраслей права, направленные на охрану

процессуальных правоотношений, а в узком — только нормы, предусмотренные процессуальными отраслями права.

Взаимодействие процессуальных мер защиты и процессуальной ответственности предопределено и более глобальными аспектами. Например, институты процессуального права направлены на решение общих для них задач, таких как защита прав, свобод и законных интересов; защита от необоснованного обвинения, осуждения; правильное и своевременное рассмотрение различных категорий. Так или иначе, непосредственно или опосредованно и меры процессуальной защиты, и процессуальная ответственность участвуют в решении общих для них задач, стоящих перед юрисдикционным процессом.

Отмечая направленность процессуальной ответственности и процессуальных мер защиты на решение общих задач, следует перейти к вопросу об их целевом и функциональном предназначении, так как взаимодействие осуществляется и посредством выполнения общих для них функций, при помощи которых реализуется охранительный механизм процессуального регулирования. В юридической литературе указывают на различный перечень целей и функций как процессуальных мер защиты, так и юридической ответственности. Детальный анализ всех без исключения научных позиций по данной проблеме не относится к предмету настоящей статьи. Тем не менее следует указать на основные научные позиции по данному вопросу. Ученые едины во мнении о том, что у процессуальных мер защиты отсутствует как таковая карательная функция (в данном случае не принимается во внимание позиция А.А. Павлушиной, не нашедшая поддержки в юридической науке). Отсутствие у мер защиты карательной функции и ее наличие у мер юридической ответственности означает момент отрицательного взаимодействия. В то же время у юридической ответственности отсутствуют функции, характеризующие меры защиты. В частности, речь идет о функции непосредственного пресечения правонарушения.

В юридической литературе среди мер защиты выделяют восстановительную,

предупредительную, пресекательную и регулятивную функции, а также направление правового воздействия, обеспечивающее безопасность [16, с. 66]. Некоторые ученые сужают перечень функций мер защиты до ее восстановительного направления правового воздействия [17, с. 5]. А.А. Левков считает, что меры защиты реализуют восстановительную, превентивную и правообеспечительную функции [18, с. 9].

Очевидно, что нет оснований для сужения количества функций до восстановительной. Как правило, такой позиции придерживаются ученые-цивилисты, что обусловлено сложившимися представлениями и о функциях гражданско-правовой ответственности, и о направлениях правового воздействия, исходящих от мер гражданско-правовой защиты, поскольку защита права в гражданском праве связывается прежде всего с восстановлением общественных отношений. Однако переносить подобные представления на уровень теории государства и права недопустимо. Следует поддержать мнение ученых о включении в перечень функций мер защиты и регулятивного направления правового воздействия, что вытекает из формального аспекта сущности права.

Косвенно наличие у мер защиты регулятивной функции признает известный теоретик юридического процесса В.Н. Протасов, отмечая, что «...меры процессуальной защиты несут свое главное назначение — направление обеспечения оптимального эффективного функционирования процесса, а также устранение последствий неправомерного поведения участников процесса» [19, с. 143]. Обеспечение оптимального функционирования процесса — это есть его регулирование. Как уже указывалось, А.А. Левков включает в перечень функцию правообеспечения, но если внимательно проанализировать, каким содержанием наполняет ее автор, то так называемое обеспечение есть не что иное, как регулирование. Уполномоченный субъект, реализующий меру защиты, действует в рамках режима законности и применяет ее в строго указанном в нормативном правовом акте объеме, что и является регулированием

его деятельности. Другая сторона правоотношения обязана испытать на себе действие мер защиты, реализовывать запреты или обязанности, которые ими предусмотрены. Очевидно, что это выступает регулированием поведения субъектов, при этом происходящим в рамках конкретных правоотношений.

Для определения взаимодействия мер защиты и процессуальной ответственности на функциональном уровне необходимо определить направления ее правового воздействия. В данном вопросе следует присоединиться к мнению ученых, выделяющих у юридической ответственности «регулятивную, карательную, превентивную (включая общую и частную превенции), восстановительную и воспитательную функции» [20, с. 140]. Поскольку процессуальная ответственность — это одно из проявлений юридической ответственности, то логично следует вывод и о реализации ею названных выше функций. Сопоставление функций процессуальных мер защиты и процессуальной ответственности показывает наличие у них общих функций: восстановления, регулирования и превенции. Они могут действовать одновременно, взаимно усиливая друг друга, или поочередно. Из сопоставления также следует, что у мер защиты отсутствует воспитательная функция. Это во многом обусловлено и тем, что меры процессуальной защиты в большей своей части реализуются в отношении субъектов с неискаженным правосознанием.

Особо следует остановиться на взаимодействии регулятивных функций. Применительно к процессуальной ответственности регулятивная функция осуществляется прежде всего ее позитивной, а не негативной составляющей. Более того, можно отметить, что регулятивная функция позитивной процессуальной ответственности и регулятивная функция мер защиты «сливаются» воедино и разграничить их можно только теоретически. Позиция автора настоящей статьи о таком взаимодействии функций предопределена концепцией позитивной процессуальной ответственности, носящей взаимный характер. Под взаимным характером позитивной ответственности следует понимать

то, что ее имеют обе стороны правоотношения.

Например, уполномоченные субъекты, реализующие меры защиты, обязаны не превышать их пределы, действовать в соответствии с требованиями принципа законности и несут за это ответственность. В свою очередь меры защиты, применяющиеся к подвластным субъектам, предполагают исполнение и (или) соблюдение ими различных обязанностей и запретов, за что субъекты и несут юридическую ответственность. Очевидно, так представлена стандартная модель механизма правового регулирования, но применительно к мерам процессуальной защиты и ответственности. Их функциональное взаимодействие происходит в рамках охранительного блока механизма правового регулирования. В связи с этим может возникнуть вопрос о наличии существенных противоречий, так как их регулятивные функции рассматриваются в охранительном блоке. Однако охрана предполагает и регулирование.

Из функционального аспекта вытекает и целевое взаимодействие, так как цели обуславливают наличие функций. При этом среди различных целей выделяют те, которые являются определяющими для той или иной функции. «Так, цели закрепления и упорядочиванию общественных отношений соответствует регулятивная функция; цели восстановления — восстановительная функция; цели предупреждения — превентивная функция» [20, с. 130]. Функциональное взаимодействие немыслимо без целевого, но и целевое взаимодействие невозможно без функционального. Таким образом, можно утверждать о функционально-целевом взаимодействии процессуальной ответственности и процессуальных мер защиты.

Определив элементы различий, единства и взаимодействия мер защиты и процессуальной ответственности, необходимо перейти к проблемам их противоречий. Причем это могут быть противоречия двух уровней: во-первых, между процессуальными мерами защиты и процессуальной ответственностью; во-вторых, между различными институтами юридической ответственности (не процессуальными) и процессуальными мерами защиты.

Как представляется, основное противоречие между процессуальными мерами защиты и процессуальной ответственностью заключается в том, что меры процессуальной защиты, лишенные карательной функции, в своем большинстве несут для субъекта те или иные ограничения (наложение ареста на имущество, временный запрет на совершение определенных действий, отказ в принятии иска и т.п.). Более того, некоторые из мер процессуальной защиты неблагоприятны для субъекта не в меньшей степени, чем меры процессуальной ответственности, так как существенно ограничивают права и свободы. Примером того, что в большей степени ограничивает свободу и неблагоприятно для субъекта, является мера процессуальной ответственности в виде штрафа или заключение под стражу, избранное в качестве меры пресечения. Ответ очевиден. В связи с этим сложно согласиться с исследователями, указывающими, что «...применение мер защиты не влечет обременительных последствий для субъекта» [8, с. 110]. Если быть точнее, то этот критерий не является универсальным для разграничения мер ответственности и защиты. Указанные ограничения predeterminedены необходимостью предупреждения правонарушений и (или) восстановления общественных отношений. В связи с наличием такого противоречия возникает вопрос о том, выполняют ли названные меры защиты карательную функцию. Применительно к названным выше мерам ответ будет отрицательным, поскольку отсутствует осуждение как субъекта, так и деяния, им совершенного. Следовательно, субъект претерпевает правоограничения при отсутствии кары.

Наиболее яркие противоречия существуют между такими мерами уголовно-процессуальной защиты, как содержание под стражей и домашний арест, и некоторыми видами наказания. В частности, в ст. 72 УК РФ указывается, что время содержания лица под стражей засчитывается в срок лишения свободы из расчета один день: а) за один день отбывания наказания в тюрьме либо исправительной колонии строгого или особого режима; б) полтора дня отбывания наказания в воспитательной колонии либо исправительной колонии общего

режима; в) два дня отбывания наказания в колонии-поселении. Кроме того, «...время нахождения лица под домашним арестом засчитывается в срок содержания лица под стражей до судебного разбирательства и в срок лишения свободы из расчета два дня нахождения под домашним арестом за один день содержания под стражей или лишения свободы». Представляет интерес и норма УК РФ о том, что «...при назначении осужденному, содержащемуся под стражей до судебного разбирательства, в качестве основного вида наказания штрафа, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью суд, учитывая срок содержания под стражей, смягчает назначенное наказание или полностью освобождает его от отбывания этого наказания». Аналогичная по своей сути норма предусмотрена КоАП РФ, в котором закрепляется правило о том, что срок административного задержания включается в срок административного ареста (ст. 3.9).

В юридической литературе верно отмечается, что как уголовные, так и административные наказания выполняют карательную функцию [20, с. 68], а согласно действующему уголовному, административному и уголовно-процессуальному законодательству некоторые меры защиты (пресечения) засчитываются в срок наказания, из чего может последовать вывод о наличии у них карательной функции, признаваемой «числом позже». Однако анализ уголовно-процессуального законодательства показывает, что цель кары перед мерами пресечения не ставится, но фактически она реализуется еще до момента признания субъекта виновным.

Такой вывод следует также из положений действующего законодательства, предусматривающего различные компенсационные меры для субъектов, содержащихся под стражей или домашним арестом, но признанных невиновными или в отношении которых по реабилитирующим основаниям было прекращено уголовное дело. Логичным является вывод о том, что компенсация субъекту полагается за различные правоограничения, которые он претерпевал, находясь под стражей или домашним арестом.

На существующую проблему противоречий, описанных выше, можно посмотреть и под иным углом зрения, а именно в том аспекте, что они будут представлять собой уже и элемент некоего единства, которое достигнуто в результате перехода одного явления в другое, что вытекает из самой диалектики, исследования категории соотношения.

Изучая различные противоречия, нельзя не отметить искусственность обоснования некоторых переходов одного явления в другое. В частности, К.И. Дюк относит подписку о невыезде к одной из мер процессуальной защиты, закрепленной в диспозиции правовой нормы, а изменение этой меры на более строгую, например на заключение под стражу, считает уже мерой процессуальной ответственности [8, с. 112].

При этом, если субъекту изначально избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, то она выступает в качестве меры защиты. Соответственно, в одних случаях заключение под стражу — это мера защиты, а в других — ответственности. На первый взгляд, может сложиться мнение, что таким образом выражаются противоречия между различными правовыми средствами, но суть как раз и состоит в том, что средство одно, а сама подобная конструкция изменения юридической природы правового средства носит искусственный характер. Законодатель, создавая конкретное юридическое средство, закладывает в него свойства и признаки, позволяющие относить его к одной из разновидностей государственного принуждения. В зависимости от тех или иных юридических фактов, обуславливающих его применение, конкретное правовое средство (в данном случае мера пресечения в виде заключения под стражу) не может менять свою юридическую сущность.

Выводы

Соотношение мер защиты и процессуальной ответственности характеризуется их общими и отличительными признаками, единством, взаимодействием и противоречиями. В основе разграничения процессуальных мер защиты и процессуальной ответственности находятся, во-первых, характеристики оснований (у мер защиты они шире, чем у юридической ответственности); во-вторых, функционально-целевые признаки; в-третьих, группа отрицательных признаков (отсутствие карательной и воспитательной функций у мер защиты и пресекательной функции у юридической ответственности).

Характеристики единства и взаимодействия заключаются в их вхождении в охранительный блок механизма правового регулирования; предусмотренности на институциональном уровне в качестве двух относительно самостоятельных процессуальных институтов; основанности на государственном принуждении; непосредственном обеспечении охраны и движения основных процессуальных отношений и косвенно материально-правовых отношений юридической ответственности; направленности на решение общих задач, стоящих перед юрисдикционным процессом; совместном участии в регулировании и восстановлении общественных отношений, а также в предупреждении правонарушений при осуществлении общих для них функций.

Характеристики противоречий состоят в следующем: несмотря на отсутствие карательной функции, меры процессуальной защиты могут нести в себе обременения для субъектов; некоторые меры защиты могут включаться в сроки реализации мер юридической ответственности.

Список источников

1. Ануфриев А.Ю. Теоретические и практические аспекты реализации гражданской процессуальной ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. 190 с.
2. Попова З.В. Санкции в правоохранительном процессе: понятие, виды, основания применения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2008. 23 с.
3. Юдин А.В. Гражданское процессуальное правонарушение и ответственность. Санкт-Петербург, 2009. 632 с.
4. Болгова В.В., Чураков А.Н. К вопросу о соотношении мер защиты и мер ответственности в праве // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2000. N 11. С. 263-272.

5. Кархалев Д.Н. Соотношение мер защиты и мер ответственности в гражданском праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. 22 с.
6. Павлушина А.А. Теория юридического процесса: проблемы и перспективы развития: дис. ... д-ра юрид. наук. Самара, 2006. 480 с.
7. Бессолицын А.Г. О разграничении мер защиты и юридической ответственности // Закон и право. 2007. N 11. С. 14-26.
8. Дюк К.И. Цели процессуальных мер защиты // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2014. N 1. С. 100-115.
9. Ныrkov B.B. К вопросу о соотношении мер защиты и ответственности в системе правоохранительных средств // Правовая политика и правовая жизнь. 2010. N 1. С. 182-185.
10. Ведяхин В.М., Шубина Т.Б. Защита права как правовая категория // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1998. N 1. С. 60-73.
11. Липинский Д.А. Юридическая ответственность как институт права // Юрист. 2013. N 12. С. 3-7.
12. Макарейко Н.В. Государственное принуждение: монография. Москва: Юрлитинформ, 2015. 420 с.
13. Зарипов Ф.Ф. Понятие, виды и алгоритм применения мер обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. N 1. С. 30-35.
14. Степнова Ю.П. Механизм освобождения от юридической ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2022. 190 с.
15. Чуклова Е.В. Взаимодействие института процессуальной ответственности с институтами процессуальной защиты и процессуальной безопасности // Право и государство: теория и практика. 2019. N 10. С. 60-65.
16. Дюк К.И. К вопросу о понятии процессуальных мер защиты и их классификации // Общество и человек. 2010. N 1. С. 66-69.
17. Каплунов А.И. О классификации мер государственного принуждения // Государство и право. 2006. N 3. С. 3-12.
18. Левков А.А. Меры защиты в российском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2002. 26 с.
19. Протасов В.Н. Основы общеправовой процессуальной теории. Москва: Юрид. лит., 1991. 280 с.
20. Липинский Д.А. Проблемы юридической ответственности. Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2004. 420 с.

References

1. Anufriev A.Yu. Theoretical and Practical Aspects of Implementation of Civil Procedural Liability. Cand. Diss. Saratov, 2014. 190 p. (In Russ.).
2. Popova Z.V. Sanctions in Law Enforcement Proceedings: Concept, Types, Grounds for Application. Autoabstract Cand. Diss. Moscow, 2008. 23 p. (In Russ.).
3. Yudin A.V. Civil Procedural Offense and Liability. St. Petersburg, 2009. 632 p. (In Russ.).
4. Bolgova V.V., Churakov A.N. On the Relationship between Protective Measures and Liability Measures in Law. Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishchev, 2000, no. 11, pp. 263-272. (In Russ.).
5. Karkhalev D.N. The Correlation of Protective Measures and Liability Measures in the Civil Law of Russia. Autoabstract Cand. Diss. Ekaterinburg, 2003. 22 p. (In Russ.).
6. Pavlushina A.A. Theory of Legal Process: Problems and Development Prospects. Doct. Diss. Samara, 2006. 480 p. (In Russ.).
7. Bessolitsyn A.G. On the Distinction between Protective Measures and Legal Liability. Law and Right, 2007, no. 11, pp. 14-26. (In Russ.).
8. Dyuk K.I. Objectives of Procedural Protective Measures. Vector of Science, Togliatti State University, 2014, no. 1, pp. 100-115. (In Russ.).
9. Nyrkov V.V. On the Correlation of Protective Measures and Liability in the Law Enforcement System. Legal Policy and Legal Life, 2010, no. 1, pp. 182-185. (In Russ.).
10. Vedyakhin V.M., Shubina T.B. Protection of Law as a Legal Category. News of Higher Educational Institutions. Jurisprudence, 1998, no. 1, pp. 60-73. (In Russ.).
11. Lipinsky D.A. Legal Liability as a Legal Institution. Lawyer, 2013, no. 12, pp. 3-7. (In Russ.).
12. Makareyko N.V. State Coercion. Moscow, Yurlitinform Publ., 2015. 420 p. (In Russ.).
13. Zaripov F.F. Concept, Types, and Algorithm for Applying Measures to Ensure the Safety of Participants in Criminal Proceedings. Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021, no. 1, pp. 30-35. (In Russ.).

14. Stepnova Yu.P. Mechanism of release from legal liability. Cand. Diss. Samara, 2022. 190 p. (In Russ.).
15. Chuklova E.V. Interaction of the institution of procedural liability with the institutions of procedural protection and procedural security. Law and State: Theory and Practice, 2019, no. 10, pp. 60-65. (In Russ.).
16. Dyuk K.I. On the issue of the concept of procedural protective measures and their classification. Society and Man, 2010, no. 1, pp. 66-69. (In Russ.).
17. Kaplunov A.I. On the classification of measures of state coercion. State and Law, 2006, no. 3, pp. 3-12. (In Russ.).
18. Levkov A.A. Protective measures in Russian law. Autoabstract Cand. Diss. Samara, 2002. 26 p. (In Russ.).
19. Protasov V.N. Fundamentals of General Legal Procedural Theory. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1991. 280 p. (In Russ.).
20. Lipinsky D.A. Problems of Legal Liability. St. Petersburg: Legal Center Press Publ., 2004. 420 p. (In Russ.).

Раздел 2. Юридическая конституциология

Научная специальность: 5.1.2

Правовые основы медицинского обеспечения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации

Елена Андреевна Летаева,

кандидат юридических наук, доцент, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Тюмень, Россия, letaeva_lena@mail.ru

Аннотация. В статье приводится анализ правовых основ медицинского обеспечения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации. Рассматривается ряд нормативных правовых актов, регламентирующих оказание иностранным гражданам и лицам без гражданства медицинской помощи и первичное медико-санитарное обеспечение. Отмечается, что правовое регулирование в рассматриваемой сфере основывается на конституционных положениях, гарантирующих право каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь и устанавливающих принцип национального режима пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации. Правовое регулирование медицинского обеспечения осуществляется посредством а) законодательства, регламентирующего статус иностранных граждан и лиц без гражданства, и б) законодательства в области здравоохранения. Констатируется, что медицинское обеспечение иностранных граждан на территории Российской Федерации определяется их правовым статусом нахождения, гражданством, родом деятельности, видом и формой медицинской помощи.

Ключевые слова: иностранный гражданин, лицо без гражданства, право на охрану здоровья, медико-санитарное обеспечение, медицинская помощь, медицинское освидетельствование, медицинское страхование, скорая медицинская помощь

Для цитирования: Летаева Е.А. Правовые основы медицинского обеспечения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2025. N 4 (74). С. 18-31.

Legal basis for medical support of foreign nationals and stateless persons in the Russian Federation

Elena A. Letaeva,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Tyumen, Russia, letaeva_lena@mail.ru

Abstract. The article analyzes the legal basis for medical support of foreign nationals and stateless persons in the Russian Federation. A number of regulatory legal acts that govern providing the medical assistance and ensuring the primary health care to foreign nationals and stateless persons, is considered. It is noted that legal regulation in this area is based on the constitutional provisions guaranteeing everyone's right to health care and medical assistance and establishing the principle of national regime of stay for foreign nationals and stateless persons in the Russian Federation. The legal regulation of medical support is implemented through: a) legislation, regulating the status of foreign nationals and stateless persons, and b) healthcare legislation. It is stated that medical support of foreign nationals in the Russian Federation is determined by their legal status, citizenship, occupation, type and form of medical assistance.

Keywords: foreign national, stateless person, right to health care, medical and sanitary support, medical assistance, medical examination, medical insurance, emergency medical care

For citation: Letaeva E.A. Legal basis for medical support of foreign nationals and stateless persons in the Russian Federation // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2025. No. 4 (74). P. 18-31.

Правовое регулирование нахождения (пребывания и проживания) иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации включает ряд аспектов. Одним из вопросов, требующих изучения, является вопрос медицинского обеспечения иностранных граждан и лиц без гражданства. Под медицинским обеспечением в данном контексте следует понимать оказание медицинской помощи и первичное медико-санитарное обеспечение.

Несмотря на активное совершенствование правового статуса иностранных граждан и лиц без гражданства, на протяжении длительного времени вопросы медицинского обеспечения не были приоритетными ни в научных юридических исследованиях, ни в правотворческой деятельности.

В связи с этим внесение в 2025 году в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации разными субъектами законодательной инициативы нескольких проектов федеральных законов*, посвященных отдельным вопросам медицинского обеспечения иностранных граждан и лиц без гражданства, а также принятие Правительством Российской Федерации новой редакции Правил оказания медицинской помощи иностранным граж-

данам на территории Российской Федерации (далее — Правила оказания медицинской помощи иностранным гражданам)**; не может не привлечь внимания к данной сфере. Таким образом, изучение вопросов медицинского обеспечения иностранных граждан и лиц без гражданства остается назревшей проблемой, требующей изучения.

Отправной точкой для исследований настоящей тематики, претендующих на полноценное изучение того или иного вопроса, являются его (вопроса) конституционные основы. Рассматривая вопросы медицинского обеспечения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации (далее также — иностранные граждане), следует выделить из конституционной материи два ключевых сегмента конституционных положений.

Первый сегмент устанавливает право на охрану здоровья и медицинскую помощь. В Конституции Российской Федерации (далее — Конституция РФ) оно закреплено следующим образом:

1) в Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей (ч. 2 ст. 2);

2) каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений (ч. 1 ст. 41);

3) в соответствии с федеральным законом закрепляется ответственность за сокрытие должностными лицами фактов и обстоятельств, создающих угрозу для жизни и здоровья людей (ч. 3 ст. 41);

4) каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением (ст. 42).

Таким образом, Конституция РФ относит охрану здоровья и медицинскую помощь к основным правам человека и

* См.: О внесении изменений в статьи 6 и 8 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (в части установления обязанности для иностранных граждан, получивших разрешение на временное проживание или вид на жительство в Российской Федерации, ежегодно проходить медицинское освидетельствование): проект федерального закона N 940862-8; О внесении изменений в статью 13 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (о расширении перечня требований к иностранным гражданам, въезжающим в Российскую Федерацию для осуществления трудовой деятельности): проект федерального закона N 966300-8; О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (в части установления обязанности иностранных граждан, временно и постоянно проживающих в Российской Федерации, иметь действующий договор (полис) добровольного или обязательного медицинского страхования): проект федерального закона N 1021630-8. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** См.: Правила оказания медицинской помощи иностранным гражданам на территории Российской Федерации: утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 8 мая 2025 г. N 631 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2025. N 19. Ст. 2337.

определяет систему гарантий. Иначе говоря, право на охрану здоровья присуще каждому человеку вне зависимости от принадлежности к тому или иному государству. Данное право существует и реализуется в неразрывной связи со сложной системой смежных прав, включая право на жизнь, право на недискриминацию, на свободу передвижения, право на труд, право на равный доступ к образованию и др. Право на охрану здоровья непосредственно связано с понятиями «социальный», «социальное право» и «безопасность», носит исторический характер и связано со всеми формами взаимодействия «человек — общество — государство» [1, с. 11]. Тем не менее само государство определяет, в каком объеме, на каких условиях и в каком порядке граждане иностранных государств имеют право на получение медицинской помощи [2, с. 9].

При рассмотрении конституционных правомочий человека на медицинское обеспечение, исходя из положений ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, к основам общего правового регулирования медицинского обеспечения иностранных граждан целесообразно причислить и нормы универсальных международных актов (нормы международного права и международные договоры Российской Федерации), провозглашающих фундаментальные права и свободы человека и гражданина.

К ним следует отнести:

1) Всеобщую декларацию прав человека*. Согласно ст. 25 данного документа каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи, и право на обеспечение на случай безработицы, болезни, инвалидности, вдовства, наступления старости или иного случая утраты средств к существованию по не зависящим от него обстоятельствам;

2) Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, ст. 12 которого возлагает обязательства на

государств-участников признавать право каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья и принятие в числе мер предупреждение и лечение эпидемических, эндемических, профессиональных и иных болезней и борьбу с ними; создание условий, которые обеспечивали бы всем медицинскую помощь и медицинский уход в случае болезни**;

3) Декларацию о правах человека в отношении лиц, не являющихся гражданами страны, в которой они проживают, провозглашающую в числе прав, которыми иностранные граждане, проживающие на законном основании на территории государства, могут пользоваться в соответствии с национальными законами, при условии выполнения своих обязанностей, указанных в ст. 4 (соблюдение законов государства, в котором они проживают или находятся, отношение с уважением к обычаям и традициям народа этого государства), правом на охрану здоровья, медицинское обслуживание, социальное обеспечение, социальное обслуживание, образование и отдых при условии, что они выполняют требования согласно соответствующим правилам и что это не возлагает на ресурсы государства чрезмерного бремена (ст. 8)***.

В основе объема прав иностранных граждан и лиц без гражданства на медицинское обеспечение, предоставляемых в государстве внутренним законодательством, как правило, находится конституционное положение о режиме пребывания. В Российской Федерации используется принцип национального режима пребывания, установленный в ч. 3 ст. 62 Конституции РФ (второй сегмент). Согласно конституционному положению, иностранные граждане и лица без гражданства пользу-

** См.: Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах: принят Генеральной Ассамблеей ООН 16 дек. 1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. N 17. Ст. 291.

*** См.: Декларация о правах человека в отношении лиц, не являющихся гражданами страны, в которой они проживают: принята Генеральной Ассамблеей ООН 13 дек. 1985 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. N 2. Ст. 163.

* См.: Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 дек. 1948 г. // Рос. газ. 1998. 10 дек.

ются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором Российской Федерации.

Таким образом, Конституция РФ при определении статуса иностранных граждан и лиц без гражданства берет за основу правовой статус граждан Российской Федерации, исключая из него те или иные права, свободы и обязанности. Важной гарантией правового статуса иностранных граждан и лиц без гражданства является то, что он может быть ограничен только федеральным законом [3, с. 13]. При этом как международным договором, так и федеральным законом для граждан отдельных государств или отдельных категорий иностранных граждан могут устанавливаться также и дополнительные гарантии, в том числе в сфере медицинского обеспечения (привилегии).

В качестве примера такого международного соглашения Российской Федерации следует привести Договор о Евразийском экономическом союзе, участниками которого являются Российская Федерация, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика и Республика Армения*. Согласно п. 4 ст. 98 Договора о Евразийском экономическом союзе право трудящихся государств — участников Договора и членов семей на получение скорой медицинской помощи (в экстренной и неотложной формах) и иной медицинской помощи регулируется Протоколом об оказании медицинской помощи трудящимся государств-членов и членам семей (приложение N 30), а также законодательством государства трудоустройства и международными договорами, участником которых оно является.

В соответствии с названным выше Протоколом трудящимся государств — участников Договора и членам их семей предоставляются следующие гарантии медицинского обеспечения:

1) оказание медицинской помощи в порядке и на условиях, которые определе-

ны законодательством государства трудоустройства и международными договорами;

2) право на получение бесплатной скорой медицинской помощи (в экстренной и неотложной формах) в том же порядке и на тех же условиях, что и гражданам государства трудоустройства, при этом скорая медицинская помощь оказывается медицинскими организациями (учреждениями здравоохранения) государственной и муниципальной систем здравоохранения государства трудоустройства бесплатно, независимо от наличия медицинского страхового полиса;

3) возмещение затрат медицинской организации (учреждению здравоохранения) на оказание скорой медицинской помощи за счет соответствующих бюджетов бюджетной системы государства трудоустройства в соответствии с действующей системой финансирования здравоохранения;

4) оплата фактической стоимости оказанных услуг в случае продолжения лечения в медицинской организации (учреждении здравоохранения) государства трудоустройства после устранения непосредственной угрозы жизни указанных выше лиц или здоровью окружающих — непосредственно пациентами или из иных источников, не запрещенных законодательством государства трудоустройства, по тарифам или договорным ценам.

Гражданам Республики Беларусь медицинская помощь оказывается в соответствии с Соглашением между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о порядке оказания медицинской помощи гражданам Российской Федерации в учреждениях здравоохранения Республики Беларусь и гражданам Республики Беларусь в учреждениях здравоохранения Российской Федерации от 24 января 2006 г.**; принятым в целях реализации положений Договора о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 г.*** и Договора

** Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. N 21. Ст. 2395.

*** См.: О создании Союзного государства: договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь (г. Москва, 8 дек. 1999 г.) // Там же. 2000. N 7. Ст. 786.

* См.: Договор о Евразийском экономическом союзе (г. Астана, 29 мая 2014 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о равных правах граждан от 25 декабря 1998 г.* С.Ш. Мурзабаева и А.Т. Байтурина обращают внимание на дополнительные условия (гарантии) оказания медицинской помощи в рассматриваемых странах, отмечая, что бесплатная медицинская помощь оказывается за счет средств бюджетов субъектов Российской Федерации Героям Советского Союза, кавалерам ордена Славы трех степеней, а также временно пребывающим в Российской Федерации работающим гражданам, вне зависимости от принадлежности к системе обязательного медицинского страхования [4, с. 133].

Основное правовое регулирование медицинского обеспечения иностранных граждан и лиц без гражданства осуществляется федеральными законами. При этом часть отношений, которые можно условно назвать установочными, регламентируется федеральными законами, определяющими правовой статус иностранных граждан в Российской Федерации, включая их пребывание и проживание, и основная часть — федеральными законами об оказании в Российской Федерации медицинской помощи всем гражданам, устанавливающими правовой механизм медицинского обеспечения иностранных граждан и лиц без гражданства.

В первую очередь следует обратиться к Федеральному закону от 25 июля 2002 г. N 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»** (далее — Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан»). Статья 1 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан», в частности, регулирует отношения между иностранными граждана-

ми, с одной стороны, и органами государственной власти, органами местного самоуправления, должностными лицами указанных органов, с другой стороны, возникающие в связи с пребыванием (проживанием) в Российской Федерации иностранных граждан и осуществлением ими на территории Российской Федерации трудовой, предпринимательской и иной деятельности.

В связи с этим Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан» наряду с конституционными положениями является правовой платформой регулирования отношений, связанных с пребыванием иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации.

В части медицинского обеспечения Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан» устанавливает следующее:

1) иностранные граждане пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с гражданами России, за исключением случаев, предусмотренных федеральным законом (ст. 4);

2) обязанность иностранных граждан, являющихся законными представителями иностранных граждан, не достигших возраста 18 лет, недееспособных или ограниченных в дееспособности иностранных граждан, достигших возраста 18 лет, обеспечивать получение медицинской помощи (п. 3 ст. 4);

3) обязанность временно пребывающего в Российской Федерации иностранного гражданина иметь действующий на территории Российской Федерации договор (полис) добровольного медицинского страхования, заключенный со страховой организацией или с иностранной страховой организацией, имеющими право в соответствии со страховым законодательством на осуществление в Российской Федерации добровольного медицинского страхования, либо договор о предоставлении платных медицинских услуг, заключенный с медицинской организацией, находящейся в субъекте Российской Федерации, на территории которого данный иностранный гражданин намеревается осуществлять трудовую деятельность, либо полис обязательного медицинского страхования в соответствии с требованиями законода-

* См.: О равных правах граждан: договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь (г. Москва, 25 дек. 1998 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. N 47. Ст. 2625.

** О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: федер. закон от 25 июля 2002 г. N 115-ФЗ: ред. от 4 нояб. 2025 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. N 30. Ст. 3032; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

тельства Российской Федерации об обязательном медицинском страховании (далее — медицинский полис) (п. 6 ст. 13.5);

4) требование о прохождении прибывшими в Российскую Федерацию иностранными гражданами различных категорий медицинского освидетельствования на наличие или отсутствие факта употребления ими наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ, инфекционных заболеваний, представляющих опасность для окружающих, предусмотренных Перечнем, утверждаемым уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти, и заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции) (далее — медицинское освидетельствование)* (пп. 18, 19 ст. 5, п. 5 ст. 6.1, п. 5.1 ст. 8);

5) сокращение срока временно-го пребывания в Российской Федерации иностранных граждан, отказ в выдаче разрешения на временное проживание иностранному гражданину, вида на жительство, разрешения на работу (их аннулирование) в случае неисполнения данными иностранными гражданами обязан-

ностей по прохождению медицинского освидетельствования (п. 23 ст. 5, подп. 13 п. 1 ст. 7, подп. 10 п. 1 ст. 7.1, подп. 13 п. 1 ст. 9);

6) наличие медицинского полиса в качестве условия оформления (переоформления) патента (подп. 5 п. 9 ст. 13.3);

7) требование о наличии у временно пребывающих иностранных граждан из числа высококвалифицированных специалистов и неработающих членов их семей медицинского полиса либо заключенного работодателем с медицинской организацией договора на получение первичной медико-санитарной помощи и специализированной медицинской помощи; обеспечение указанной медицинской помощи является обязательным или существенным условием указанного трудового (гражданско-правового договора) (п. 14 ст. 13.2);

8) обязанность приглашающей стороны принять меры по медицинскому обеспечению приглашенного иностранного гражданина в период его пребывания в Российской Федерации (п. 5 ст. 16). Согласно Постановлению Правительства Российской Федерации от 24 марта 2003 г. N 167 «О порядке представления гарантий материального, медицинского и жилищного обеспечения иностранных граждан и лиц без гражданства на период их пребывания в Российской Федерации»** гарантией медицинского обеспечения иностранного гражданина на период его пребывания в Российской Федерации является страховой медицинский полис, оформленный в установленном порядке, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации, или предоставление иностранному гражданину при необходимости денежных средств для получения им медицинской помощи;

9) полномочия высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации по установлению перечня медицинских организаций, уполномоченных на заключение с иностранным гражданином договора на оказание ему платных медицинских услуг (подп. 5.1 п. 5 ст. 5), в том числе необхо-

* Об утверждении Порядка проведения медицинского освидетельствования, включая проведение химико-токсикологических исследований наличия в организме иностранного гражданина или лица без гражданства наркотических средств или психотропных веществ либо новых потенциально опасных психоактивных веществ и их метаболитов, на наличие или отсутствие у иностранного гражданина или лица без гражданства инфекционных заболеваний, представляющих опасность для окружающих, и заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции), формы бланка и срока действия медицинского заключения об отсутствии факта употребления наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ, а также формы, описания бланка и срока действия медицинского заключения о наличии (отсутствии) инфекционных заболеваний, представляющих опасность для окружающих: приказ Минздрава России от 19 нояб. 2021 г. N 1079н // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

** Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. N 13. Ст. 1240.

димого для получения (переоформления) патента (подп. 4 п. 2 ст. 13.3, подп. 5 п. 9 ст. 13.3), а также возлагает обязанность по установлению перечня медицинских организаций, уполномоченных на проведение медицинского освидетельствования, на территории соответствующего субъекта Российской Федерации (абз. 3 подп. 1 п. 5 ст. 6.1, подп. 5.1 п. 5 ст. 8, п. 12 ст. 13).

В субъектах Российской Федерации утверждены перечни таких организаций. В качестве примеров следует привести Постановление Правительства Чукотского автономного округа от 3 июня 2025 г. N 320 «О медицинских организациях, уполномоченных на проведение медицинского освидетельствования иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Чукотского автономного округа»*, Постановление Правительства Тюменской области от 9 марта 2007 г. N 40-п «О мерах по организации медицинского освидетельствования и выдачи медицинских документов, необходимых для получения иностранными гражданами (лицами без гражданства) вида на жительство, разрешения на временное проживание, разрешения на работу или патента»**.

В дополнение к положениям Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан» в п. 5 ст. 27 Федерального закона от 15 августа 1996 г. N 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»*** в качестве основания запрета въезда иностранного гражданина или лица без гражданства в Российскую Федерацию устанавливается отсутствие полиса медицинского страхования, действительного на территории Российской Федерации, — до его представления, за исключением (на основе взаимности) сотрудников дипломатических представительств и консульских учреждений иностранных государств, сотрудников международных организаций, членов семей указанных лиц и других категорий иностранных граждан.

* Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

** Там же.

*** Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. N 34. Ст. 4029.

Федеральный закон от 19 февраля 1993 г. N 4528-I «О беженцах»**** устанавливает, что иностранный гражданин, получивший свидетельство о рассмотрении ходатайства по существу (о признании беженцем), и прибывшие с ним члены его семьи имеют право на медицинскую помощь в соответствии с законодательством Российской Федерации (подп. 7 п. 1 ст. 6), обязуются пройти обязательное медицинское освидетельствование в установленном порядке (подп. 3 п. 2 ст. 6); лицо, признанное беженцем, и прибывшие с ним члены его семьи имеют право на медицинскую помощь наравне с гражданами Российской Федерации в соответствии с законодательством Российской Федерации, если иное не предусмотрено международными договорами Российской Федерации (подп. 7 п. 1 ст. 8).

Следующую группу законодательных актов в сфере медицинского обеспечения иностранных граждан образуют федеральные законы, регулирующие отношения в сфере здоровья и медицины, отдельные положения которых адресованы иностранным гражданам. В их числе:

1) Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»***** (далее — Федеральный закон «Об основах охраны здоровья»);

2) Федеральный закон от 30 марта 1999 г. N 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»***** (далее — Федеральный закон «О санитарно-эпидемиологическом благополучии»);

3) Федеральный закон от 29 ноября 2010 г. N 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации»***** (далее — Федеральный закон «Об обязательном медицинском страховании»);

**** О беженцах: федер. закон от 19 февр. 1993 г. N 4528-I: ред. от 23 июля 2025 г. // Рос. газ. 1993. N 54; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

***** Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 48. Ст. 6724.

***** Там же. 1999. N 14. Ст. 1650.

***** Там же. 2010. N 49. Ст. 6422.

4) Федеральный закон от 18 июня 2001 г. N 77-ФЗ «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации»*;

5) Федеральный закон от 26 марта 2022 г. N 64-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»**.

Федеральный закон «Об основах охраны здоровья» определяет, что право иностранных граждан, проживающих и пребывающих на территории Российской Федерации, на медицинскую помощь устанавливается законодательством Российской Федерации и соответствующими международными договорами Российской Федерации. Лица без гражданства, постоянно проживающие в Российской Федерации, пользуются правом на медицинскую помощь наравне с гражданами Российской Федерации, если иное не предусмотрено международными договорами Российской Федерации (ч. 3 ст. 19).

Согласно п. 3 ч. 5 ст. 84 Федерального закона «Об основах охраны здоровья» медицинские организации, участвующие в реализации программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи и территориальной программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи, имеют право оказывать платные медицинские услуги гражданам иностранных государств, лицам без гражданства, за исключением лиц, застрахованных по обязательному медицинскому страхованию, если иное не предусмотрено международными договорами Российской Федерации.

Важным положением Федерального закона «Об основах охраны здоровья» является предоставление Правительству Российской Федерации полномочия по определению Порядка организации оказания медицинской помощи иностранным гражданам.

Федеральный закон «О санитарно-эпидемиологическом благополучии» аналогично Федеральному закону «О правовом положении иностранных граждан» определяет порядок прохож-

дения медицинского освидетельствования иностранными гражданами и лицами без гражданства, наделяя в этой сфере Правительство Российской Федерации, Минздрав России и высший исполнительный орган субъекта Российской Федерации соответствующими полномочиями (п. 5 ст. 34).

Дополнительно к этому в п. 6 ст. 34 Федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии» установлено, что по результатам медицинского освидетельствования иностранные граждане и лица без гражданства получают медицинские документы о наличии или об отсутствии у них инфекционных заболеваний, представляющих опасность для окружающих, и заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции), на бумажном носителе или в форме электронного документа.

Предмет правового регулирования Федерального закона «Об обязательном медицинском страховании» включает отношения, возникающие в связи с осуществлением обязательного медицинского страхования, в том числе определение правового положения субъектов обязательного медицинского страхования и участников обязательного медицинского страхования, основания возникновения их прав и обязанностей, гарантии их реализации, отношения и ответственность, связанные с уплатой страховых взносов на обязательное медицинское страхование неработающего населения.

В теории конституционного права принято выделять два вида статуса иностранного гражданина, которые определяют объем и порядок медицинского обеспечения, — это трудовой статус (работающий, неработающий) и статус проживания иностранных граждан в Российской Федерации (постоянно проживающий, временно находящийся) [5, с. 63].

В связи с этим Федеральный закон «Об обязательном медицинском страховании» определяет случаи включения постоянно или временно проживающих в Российской Федерации (в том числе осуществляющих трудовую деятельность в Российской Федерации) иностранных граждан, а также лиц, имеющих право на медицинскую помощь в соответствии

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. N 26. Ст. 2581.

** Там же. 2022. N 13. Ст. 1953.

с Федеральным законом от 19 февраля 1993 г. N 4528-I «О беженцах», в круг застрахованных лиц (чч. 1 и 1.1 ст. 10). Исключение составляют неработающие члены семей высококвалифицированных специалистов, а также иностранных граждан, осуществляющих в Российской Федерации трудовую деятельность в расположенных на территории Российской Федерации филиалах, представительствах и дочерних организациях иностранных коммерческих организаций, зарегистрированных на территориях государств — членов Всемирной торговой организации.

При этом ч. 2 ст. 49.1 Федерального закона «Об обязательном медицинском страховании» определяет основания признания полиса обязательного медицинского страхования, выданного иностранному гражданину, недействительным в случае:

- 1) аннулирования вида на жительство;
- 2) аннулирования разрешения на временное проживание, разрешения на временное проживание в целях получения образования в отношении иностранных граждан, лиц без гражданства;
- 3) утраты или лишения статуса беженца;
- 4) утраты временно пребывающим и осуществляющим трудовую деятельность на территории Российской Федерации иностранным гражданином статуса «работающий».

В свою очередь Федеральный закон от 18 июня 2001 г. N 77-ФЗ «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации»^{*} предусматривает, что иностранные граждане получают противотуберкулезную помощь в соответствии с настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации (п. 2 ст. 3). При этом какие-либо иные правила оказания иностранным гражданам данной помощи не установлены.

К правовым основам медицинского обеспечения иностранных граждан следует также отнести и Федеральный закон от 26 марта 2022 г. N 64-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Несмотря на

то, что данный нормативный правовой акт направлен на совершенствование обращения лекарственных средств и основ охраны здоровья граждан в Российской Федерации, он содержит также делегированное Правительству Российской Федерации полномочие по принятию в 2022-2025 годах решений, предусматривающих особенности организации оказания медицинской помощи гражданам Российской Федерации, иностранным гражданам (ст. 4).

Анализируя законодательное регулирование медицинского обеспечения иностранных граждан, необходимо обратиться к приведенному в начале статьи и заслуживающему внимания проекту федерального закона N 940862-8 «О внесении изменений в статьи 6 и 8 Федерального закона “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации”», который предусматривает обязанность иностранных граждан, получивших разрешение на временное проживание или вид на жительство в Российской Федерации, ежегодно проходить медицинское освидетельствование. Как отмечается в пояснительной записке к законопроекту, он разработан в целях совершенствования миграционного контроля, обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, профилактики потребления наркотических средств и психотропных веществ, а также защиты здоровья граждан Российской Федерации; направлен на повышение прозрачности и управляемости процесса долгосрочного пребывания иностранных граждан на территории Российской Федерации и выявление лиц, представляющих угрозу общественному здоровью.

Отдельная роль в правовом регулировании медицинского обеспечения иностранных граждан отводится актам Президента Российской Федерации, как стратегическим документам, так и непосредственно регулирующим рассматриваемые отношения. К первым следует отнести Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026-2030 годы, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 15 октября 2025 г. N 738** (далее — Концеп-

^{*} Рос. газ. 2001. 23 июня.

^{**} Собр. законодательства Рос. Федерации. 2025. N 42. Ст. 6143.

ция). Согласно Концепции одной из необходимых дополнительных мер в рамках государственной миграционной политики Российской Федерации является снижение нагрузки на медицинскую сферу, связанной с пребыванием в Российской Федерации неработающих и не проходящих обучение членов семей иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность или получающих образование в Российской Федерации (подп. «б» п. 16).

Ко второй группе актов относятся указы, принимаемые Президентом Российской Федерации на основании ч. 2 ст. 3 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан», которые носят временный характер и устанавливают в целях обеспечения национальной безопасности, решения иных задач внутренней и внешней политики особенности правового положения отдельных категорий иностранных граждан. В качестве примеров следует назвать указы Президента Российской Федерации:

1) от 25 июля 2025 г. N 520 «Об особенностях правового положения граждан Республики Молдова в Российской Федерации»*;

2) от 12 июня 2025 г. N 396 «О некоторых вопросах временного пребывания в Российской Федерации отдельных категорий иностранных граждан»**;

3) от 20 марта 2025 г. N 159 «Об особенностях правового положения отдельных категорий иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации, изменении и признании утратившими силу некоторых указов Президента Российской Федерации»***;

4) от 30 декабря 2024 г. N 1126 «О временных мерах по урегулированию правового положения отдельных категорий иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с применением режима высылки»****;

5) от 6 июля 2023 г. N 495 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями

ми правового положения граждан Российской Федерации, имеющих гражданство Украины»*****.

Предметом правового регулирования указов Президента Российской Федерации такого рода могут быть отношения медицинского обеспечения; приведенные в качестве примеров указы затрагивают вопросы медицинского освидетельствования различных категорий иностранных граждан.

Как было отмечено выше, при рассмотрении законодательных основ значительная часть отношений в сфере медицинского обеспечения иностранных граждан и лиц без гражданства регламентируется нормативными правовыми актами Правительства Российской Федерации. Ряд из них уже приводился в настоящей статье.

Основным нормативным правовым актом, непосредственно регулирующим отношения в сфере медицинского обеспечения иностранных граждан, являются указанные выше Правила оказания медицинской помощи иностранным гражданам, определяющие круг иностранных граждан, которым оказывается медицинская помощь (постоянно или временно проживающие, временно пребывающие на территории Российской Федерации), и субъектов, оказывающих им медицинскую помощь (медицинские и иные осуществляющие медицинскую деятельность организации независимо от их организационно-правовой формы, а также индивидуальные предприниматели, осуществляющие медицинскую деятельность).

Медицинская помощь оказывается иностранным гражданам бесплатно в следующих случаях:

1) в экстренной форме при внезапных острых заболеваниях, состояниях, обострении хронических заболеваний, представляющих угрозу жизни пациента;

2) скорая, в том числе скорая специализированная, медицинская помощь при заболеваниях, несчастных случаях, травмах, отравлениях и других состояниях, требующих срочного медицинского вмешательства (в медицинских организациях государственной и муниципальной систем здравоохранения);

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2025. N 30. Ст. 4581.

** Там же. N 24. Ст. 3158.

*** Там же. N 12. Ст. 1288.

**** Там же. N 1. Ст. 1.

***** Там же. 2023. N 28. Ст. 5194.

3) в рамках обязательного медицинского страхования, если иное не предусмотрено Правилами оказания медицинской помощи иностранным гражданам;

4) при наступлении страхового случая в рамках обязательного медицинского страхования (временно пребывающие и осуществляющие трудовую деятельность на территории Российской Федерации иностранные граждане, лица без гражданства) в случае уплаты за них страхователями страховых взносов на обязательное медицинское страхование в течение не менее трех лет.

В иных случаях, а именно оказание медицинской помощи в неотложной форме (за исключением скорой, в том числе скорой специализированной, медицинской помощи) и плановой форме иностранным гражданам осуществляется в соответствии с договорами о предоставлении платных медицинских услуг либо договорами добровольного медицинского страхования и (или) договорами в сфере обязательного медицинского страхования.

Нормативными правовыми актами Правительства Российской Федерации также регламентируется медицинское обеспечение отдельных категорий иностранных граждан, в том числе к которым применяются меры административного принуждения.

Примером первого вида является Постановление Правительства Российской Федерации от 31 октября 2014 г. N 1134 «Об оказании медицинской помощи отдельным категориям лиц», устанавливающее дополнительные гарантии медицинского обеспечения жителям Донецкой Народной Республики или Луганской Народной Республики, Запорожской области или Херсонской области, вынужденно покинувшим указанные территории и прибывшим на территорию Российской Федерации в экстренном массовом порядке до получения ими полиса обязательного медицинского страхования либо временного свидетельства, подтверждающего оформление полиса и удостоверяющего право на бесплатное оказание застрахованному лицу медицинской помощи медицинскими орга-

низациями при наступлении страхового случая*.

К дополнительным гарантиям данной категории иностранных граждан по предоставлению бесплатной медицинской помощи относится:

1) проведение обязательного медицинского освидетельствования лиц, получивших свидетельство о рассмотрении ходатайства о признании беженцем по существу;

2) первичная медико-санитарная помощь;

3) обеспечение лекарственными препаратами, отпускаемыми населению в соответствии с Перечнем групп населения и категорий заболеваний, при амбулаторном лечении которых лекарственные средства и изделия медицинского назначения отпускаются по рецептам врачей бесплатно, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июля 1994 г. N 890**;

4) высокотехнологичная медицинская помощь и паллиативная медицинская помощь при заболеваниях и состояниях, включенных в программу государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи***;

5) проведение профилактических прививок, включенных в соответствующий календарь, по эпидемическим показаниям****;

* Об оказании медицинской помощи отдельным категориям лиц: постановление Правительства Российской Федерации от 31 окт. 2014 г. N 1134: ред. от 19 авг. 2023 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. N 45. Ст. 6227; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

** Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. N 15. Ст. 1791.

*** См., например: Программа государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов: утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 27 дек. 2024 г. N 1940 // Там же. 2024. N 53. Ст. 8753.

**** См.: Национальный календарь профилактических прививок, календарь профилактических прививок по эпидемическим показаниям и порядок проведения профилактических прививок: приказ Минздрава России от 6 дек. 2021 г. N 1122н. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

б) прохождение обязательного медицинского освидетельствования бесплатно в медицинских организациях, подведомственных исполнительным органам субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления.

Другим примером являются Правила содержания (пребывания) в специальных учреждениях МВД России или его территориального органа иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации в форме принудительного выдворения за пределы Российской Федерации, депортации или реадмиссии, утвержденные Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2013 г. N 1306* (далее — Правила содержания (пребывания) в специальных учреждениях).

Правила содержания (пребывания) в специальных учреждениях определяют условия и порядок содержания (пребывания) иностранных граждан и лиц без гражданства, в том числе вопросы первичного медико-санитарного обеспечения, в специальных учреждениях МВД России или его территориального органа.

Также правовое регулирование в сфере медицинского обеспечения иностранных граждан осуществляется нормативными правовыми актами Минздрава России как федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере здравоохранения, обязательного медицинского страхования, обращения лекарственных средств для медицинского применения, включая вопросы организации профилактики заболеваний, в том числе инфекционных заболеваний и СПИДа, медицинской помощи, медицинской реабилитации и медицинских экспертиз и других вопросов**.

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. N 2. Ст. 130.

** См.: Положение о Министерстве здравоохранения Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 19 июня 2012 г. N 608 // Там же. 2012. N 26. Ст. 3526.

В первую очередь следует обратиться к приказу Минздрава России от 6 августа 1999 г. N 315 «О Минимальном перечне медицинских услуг, оказываемых в системе медицинского страхования застрахованным иностранным гражданам, временно находящимся в Российской Федерации»***.

К минимальному перечню медицинских услуг (включая медико-транспортные услуги), оказываемых в системе медицинского страхования застрахованным иностранным гражданам, временно находящимся в Российской Федерации, относится:

1) медицинская помощь, оказываемая станциями (отделениями, пунктами) скорой медицинской помощи;

2) медицинская помощь в амбулаторных и стационарных медицинских учреждениях при внезапном расстройстве здоровья и несчастных случаях в объеме, необходимом для устранения угрозы жизни пациента и (или) снятия острой боли;

3) транспортировка медицинским транспортом или иным транспортным средством, включая медицинское сопровождение (медицинская бригада, врач, медицинская сестра), с места заболевания (происшествия) в медицинское учреждение;

4) посмертная репатриация (транспортировка) останков.

Кроме того, медицинское обеспечение регулируется следующими нормативными правовыми актами Минздрава России:

1) Положение об организации оказания первичной медико-санитарной помощи взрослому населению, утвержденное приказом Минздрава России от 14 апреля 2025 г. N 202н****, — определяет организацию оказания первичной медико-санитарной помощи взрослому населению в медицинских организациях на территории Российской Федерации, в том числе оказываемую иностранным гражданам с учетом Правил оказания медицинской помощи иностранным гражданам;

2) Порядок оказания медицинской помощи взрослому населению при заболевании, вызываемом вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции),

*** Рос. газ. 1999. 4 нояб.

**** Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

утвержденный приказом Минздрава России от 8 ноября 2012 г. N 689н, — устанавливает правила оказания медицинской помощи взрослому населению при заболевании, вызываемом вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции), в том числе иностранным гражданам. Медицинская помощь оказывается в рамках скорой медицинской помощи, первичной медико-санитарной помощи, специализированной, в том числе высокотехнологичной, медицинской помощи и паллиативной помощи;

3) приказ Минздрава России от 30 октября 2020 г. N 1183н «Об утверждении требований к комплектации лекарственными препаратами и медицинскими изделиями укладки для оказания первичной медико-санитарной помощи взрослым в неотложной форме» — устанавливает на период с 1 января 2021 г. до 1 января 2027 г. требования к комплектации лекарственными препаратами и медицинскими изделиями укладки для оказания первичной медико-санитарной помощи взрослым в неотложной форме*. В укладку входят лекарства, медицинские изделия и прочие средства. Лекарства допускается хранить в первичной упаковке или во вторичной (потребительской) упаковке без изъятия инструкции. Материал и конструкция чехла (контейнера) для укладки должны обеспечивать многократную дезинфекцию;

4) Порядок дачи информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и отказа от медицинского вмешательства, формы информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и формы отказа от медицинского вмешательства, утвержденный приказом Минздрава России от 12 ноября 2021 г. N 1051н, — устанавливает на период с 2022 по 2028 год** порядок дачи информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и отказа от медицинского вмешательства, формы информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и формы отказа от медицинского вмешательства;

* Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** Там же.

5) Порядок и сроки проведения профилактических медицинских осмотров граждан в целях выявления туберкулеза, утвержденные приказом Минздрава России от 11 апреля 2025 г. N 190н***, — устанавливают правила проведения профилактических осмотров граждан (взрослых и детей) в целях выявления туберкулеза в медицинских организациях и иных организациях, осуществляющих медицинскую деятельность, независимо от организационно-правовой формы.

В завершение проведенного анализа необходимо сделать следующие выводы:

1. Правовую основу медицинского обеспечения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации образуют положения ст.ст. 41 и 62 Конституции РФ, ч. 3 ст. 19 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Международным договором Российской Федерации могут быть установлены дополнительные гарантии медицинского обеспечения иностранных граждан и лиц без гражданства, например Договором о Евразийском экономическом союзе.

2. Правовое регулирование медицинского обеспечения иностранных граждан и лиц без гражданства осуществляется в двух сферах: в законодательстве, регламентирующем статус иностранных граждан и лиц без гражданства, а также в законодательстве о здравоохранении.

3. Основным нормативным правовым актом, регулирующим медицинское обеспечение, являются Правила оказания медицинской помощи иностранным гражданам на территории Российской Федерации, новая редакция которых вступила в силу 1 сентября 2025 г.

4. Медицинское обеспечение иностранных граждан на территории Российской Федерации определяется их правовым статусом (временно пребывающий, временно или постоянно проживающий иностранный гражданин), родом деятельности (осуществление трудовой деятельности, высококвалифицированный специалист), наличием страхового полиса обязательного медицинского страхования, принадлежностью к гражданству

*** Там же.

государства (Республика Беларусь, страны — участницы Договора о Евразийском экономическом союзе), видом и формой медицинской помощи.

5. Независимо от этого иностранному гражданину и лицу без гражданства на территории Российской Федерации гарантируется минимальный набор медицинских услуг, включающий оказание в

экстренной форме при внезапных острых заболеваниях, состояниях, обострении хронических заболеваний, представляющих угрозу жизни пациента; скорую, в том числе скорую специализированную, медицинскую помощь при заболеваниях, несчастных случаях, травмах, отравлениях и других состояниях, требующих срочного медицинского вмешательства.

Список источников

1. Сильченко Н.П. Международно-правовые механизмы обеспечения права на охрану здоровья в контексте эпидемий, представляющих глобальную угрозу: автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. Москва, 2012. 38 с.
2. Климовская Л.Р. Права пациентов на трансграничную медицинскую помощь: в ЕС и на евразийском пространстве: СНГ, ЕАЭС, Союзного государства России и Беларуси: автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. Казань, 2018. 29 с.
3. Ванюшин Я.Л. Правовое положение иностранных граждан в Российской Федерации: учебное пособие. 2-е изд., доп. Тюмень: Тюменский ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России, 2015. 103 с.
4. Мурзабаева С.Ш., Байтурина А.Т. Актуальные вопросы законодательного регулирования медицинского обеспечения трудовых мигрантов в Российской Федерации // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2013. N 14. С. 132-137.
5. Насырова А.Н. Об организационно-правовых аспектах оказания медицинской помощи иностранным гражданам // Проблемы стандартизации в здравоохранении. 2014. N 7-8. С. 62-66.

References

1. Sil'chenko N.P. International legal mechanisms for ensuring the right to health protection in the context of epidemics posing a global threat. Autoabstract Cand. Diss. Moscow, 2012. 38 p. (In Russ.).
2. Klimovskaya L.R. Patients' rights to cross-border medical care: in the EU and in the Eurasian space: CIS, EAEU, the Union State of Russia and Belarus. Autoabstract Cand. Diss. Kazan, 2018. 29 p. (In Russ.).
3. Vanyushin Ya.L. Legal status of foreign citizens in the Russian Federation. Tyumen, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 2015. 103 p. (In Russ.).
4. Murzabaeva S.Sh., Bayturina A.T. Current issues of legislative regulation of medical care for labor migrants in the Russian Federation. Eurasian integration: economics, law, politics, 2013, no. 14, pp. 132-137. (In Russ.).
5. Nasyrova A.N. On the organizational and legal aspects of providing medical care to foreign citizens. Problems of standardization in healthcare, 2014, no. 7-8, pp. 62-66. (In Russ.).

Раздел 3. Административное право и деликтология

Научная специальность: 5.1.2

Административное задержание: проблемы и пути их решения

Ольга Васильевна Десятова,

кандидат юридических наук, доцент, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Тюмень, Россия, olya.desyatova.80@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1422-6874>

Аннотация. В статье исследуются имеющиеся в Российской Федерации проблемы правового регулирования и правоприменительной деятельности, связанные с административным задержанием. В качестве объекта научного анализа выступают общественные отношения, возникающие при реализации данной меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. С помощью метода критического анализа выявлены такие ключевые проблемы, как нормативная неопределенность понятия «исключительные случаи», коллизии в исчислении сроков задержания, несовершенное регулирование правового статуса задержанного и нарушения при процессуальном оформлении. Сформулированы и обоснованы предложения по совершенствованию законодательства, направленные на гуманизацию института административного задержания, усиление гарантий прав личности и обеспечение единообразия правоприменительной практики. Полученные выводы и разработанные рекомендации обладают потенциалом для применения в нормотворческом процессе и деятельности правоохранительных органов.

Ключевые слова: административное задержание, права задержанного, протокол административного задержания, срок административного задержания, меры обеспечения производства

Для цитирования: Десятова О.В. Административное задержание: проблемы и пути их решения // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2025. N 4 (74). С. 32-42.

Administrative detention: problems and solutions

Olga V. Desyatova,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Tyumen, Russia, olya.desyatova.80@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1422-6874>

Abstract. The article examines the current legal regulation and law enforcement issues related to administrative detention in the Russian Federation. The object of this scientific analysis is the social relations arising during the implementation of this measure to ensure administrative proceedings. Some key problems, such as the regulatory uncertainty of the concept of exceptional cases, collisions in calculating detention periods, as well as imperfect regulation of the legal status of detainees and procedural irregularities are identified using the method of critical analysis. The author's proposals to improve the legislation aimed at humanizing the institution of administrative detention, as well as strengthening the guarantees of individual rights and ensuring the uniformity in law enforcement practice are formulated and substantiated. It is stated that the findings and developed recommendations have the potential for application in the rulemaking process and law enforcement activities.

Keywords: administrative detention, detainee's rights, report of an administrative detention, administrative detention period, measures to ensure administrative proceedings

For citation: Desyatova O.V. Administrative detention: problems and solutions // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2025. No. 4 (74). P. 32-42.

В системе мер, обеспечивающих производство по делам об административных правонарушениях, центральная роль отводится административному задержанию, которое представляет собой форму государственного принуждения, выражающуюся во временном ограничении свободы физического лица. Несмотря на свой обеспечительный характер и детальную регламентацию в главе 27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), в которой административное задержание определено как инструмент для достижения целей административного судопроизводства (пресечение правонарушения, установление личности, обеспечение правильности рассмотрения), данная мера объективно «конфликтует» с правом на личную неприкосновенность. Таким образом, административное задержание, с одной стороны, выступает необходимым процессуальным институтом, а с другой — является предельно жестким ограничением конституционного права, гарантированного ст. 22 Конституции Российской Федерации* (далее — Конституция РФ).

Актуальность темы настоящей статьи обусловлена наличием глубоких противоречий между декларируемыми целями административного задержания и реальной правоприменительной практикой. Детальный анализ норм КоАП РФ и сложившейся на их основе практики выявляет ряд устойчивых проблем, которые способствуют нарушению принципов законности и правовой определенности, а также фундаментальных прав граждан. Проблемное поле исследуемого института характеризуется рядом дисфункций: неопределенностью нормативных оснований (включая термин «исключительные случаи»); наличием противоречий в исчислении сроков задержания для лиц, находящихся в состоянии опьянения; дезорганизованностью правового регулирования статуса задержанного; устаревшими нормами, определяющими

круг уведомляемых лиц, а также распространенной практикой формального подхода к протоколированию акта задержания. Указанные пробелы и коллизии не только снижают эффективность административного производства, но и подрывают авторитет правоохранительных институтов, что определяет настоятельную потребность в их комплексном научном осмыслении и выработке путей оптимизации законодательства.

В связи с вышеизложенным необходимо проанализировать наиболее дискуссионные аспекты законодательства и судебно-административной практики, а также разработать детализированные предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Одной из наиболее спорных и практически значимых проблем института административного задержания остается нормативная неопределенность понятия «исключительные случаи», используемого в ч. 1 ст. 27.3 КоАП РФ в качестве основного условия правомерности применения данной меры принуждения.

Законодательная конструкция, ограничивающаяся декларативным указанием на исключительный характер задержания и не раскрывающая его содержательные критерии, создает условия для реализации правоприменителем дискреционных полномочий. Вследствие этого решение о применении существенного ограничения конституционного права на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22 Конституции РФ) фактически основывается на субъективной оценке должностного лица, что противоречит фундаментальным принципам законности и правовой определенности.

Как справедливо отмечают Л.И. Мурзина и А.А. Назарова, подобный законодательный пробел вынуждает должностных лиц органов внутренних дел действовать «на свой страх и риск», самостоятельно интерпретируя исключительность обстоятельств в каждой конкретной ситуации [1, с. 81]. Это создает значительные риски как для граждан в связи с возможным ограничением их прав без достаточных оснований, так и для сотрудников правоохранительных органов, действия которых в дальнейшем могут быть оспорены в суде.

* Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Рос. газ. 1993. 25 дек.; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

Э.Р. Бикуллова акцентирует внимание на следствии этой проблемы — возрастании процессуальной нагрузки на органы внутренних дел, которые вынуждены постоянно доказывать правомерность и обоснованность принятых решений в условиях отсутствия четких законодательных ориентиров [2, с. 447].

На практике это приводит к тому, что в качестве «исключительных» нередко трактуются обстоятельства, которые могут не отвечать действительной необходимости в такой строгой мере. Например, отсутствие документа, удостоверяющего личность, или неповиновение законному требованию сотрудника полиции, бесспорно, являются правонарушениями, но сами по себе не всегда свидетельствуют о невозможности составления протокола на месте или о реальном риске того, что лицо скроется от производства по делу. Отсутствие же в КоАП РФ не только исчерпывающего перечня таких случаев, но и развернутой системы критериев (таких как тяжесть правонарушения, характер поведения лица, реальность угрозы общественной безопасности) де-факто ставит правоприменителя перед необходимостью оценивать ситуацию на свое усмотрение.

Представляется, что преодоление данного пробела требует законодательного решения. Наиболее перспективным является внесение в КоАП РФ изменений, направленных на детализацию ст. 27.3. Целесообразно законодательное закрепление исчерпывающего перечня конкретных фактических обстоятельств, конституирующих юридический состав «исключительного случая». В данный перечень могут быть инкорпорированы, в частности:

- наличие достаточных оснований полагать, что лицо совершило административное правонарушение, в качестве наказания за которое предусмотрен административный арест;
- попытка скрыться с места совершения правонарушения;
- оказание активного противодействия процедуре установления личности;
- объективная необходимость пресечения длящегося правонарушения при условии исчерпанности иных мер воздействия.

Одновременно в КоАП РФ надлежит ввести закрытый перечень обстоятельств, исключающих правомерность применения задержания. К таковым могут быть отнесены малозначительность совершенного правонарушения; физическое состояние, требующее постоянного медицинского наблюдения. Подобная законодательная конкретизация не только минимизирует дискреционные полномочия правоприменителя, но и будет способствовать формированию унифицированной судебной и административной практики, что в конечном итоге повысит уровень гарантий прав граждан и эффективность административного судопроизводства.

Существенные проблемы правоприменительного характера, создающие риски нарушения прав граждан, возникают в контексте исчисления процессуальных сроков при задержании лиц, пребывающих в состоянии опьянения. Закрепленная в ч. 4 ст. 27.5 КоАП РФ норма, в соответствии с которой течение срока административного задержания для указанной категории лиц начинается не с момента фактического ограничения свободы, а с момента вытрезвления, содержит в себе фундаментальный дефект, выражающийся в правовой неопределенности. При установлении данного правила не были конкретизированы ни объективные медицинские критерии, ни процедурный порядок фиксации момента вытрезвления, ни субъекты, уполномоченные на принятие такого решения. Тем самым образуется правовой вакуум, в котором административно-властные полномочия по значительному ограничению свободы лица осуществляются вне четких правовых рамок.

Как обоснованно указывают некоторые исследователи [3, с. 308], данная законодательная конструкция создает предпосылки для злоупотреблений. Процесс установления факта вытрезвления, являющийся медицинской процедурой, требующей специальных знаний и проведения соответствующих исследований (анализов), на практике часто сводится к визуальной субъективной оценке сотрудника полиции. Такой подход противоречит принципам объективности и научной обоснованности. Отсутствие формализованного протокола освидетельствования, аналогичного при-

меняемому при освидетельствовании на состояние опьянения, лишает задержанного возможности в дальнейшем оспорить данный факт, а суд — возможности проверить его достоверность.

Л.И. Мурзина и Д.Р. Бегеева углубляют критику этой проблемы, акцентируя внимание на двух ключевых аспектах. Прежде всего они подчеркивают, что без участия квалифицированного медицинского работника, в частности врача-нарколога, объективное и достоверное установление момента вытрезвления невозможно. Скорость метаболизма алкоголя в организме индивидуальна и зависит от множества факторов (массы тела, состояния здоровья, скорости потребления, вида алкогольной продукции), что делает внешние признаки (внятность речи, устойчивость походки, адекватность реакций) ненадежными и легко симулируемыми. Также авторы указывают на коллизию, связанную с максимальным 48-часовым сроком задержания. В исключительных случаях — при тяжелых формах опьянения или сопутствующих заболеваниях — процесс вытрезвления может превысить установленный лимит. Данное обстоятельство создает затруднения для правоприменителя: либо незаконно продлевать срок задержания, либо освобождать лицо, находящееся в неадекватном состоянии, что не соответствует целям защиты его собственной безопасности и безопасности окружающих [4, с. 106].

В связи с этим предложение указанных авторов о необходимости законодательного закрепления четкого процедурного регламента установления факта вытрезвления видится не только обоснованным, но и крайне необходимым. Такой регламент, утверждаемый совместным нормативным правовым актом МВД России и Минздрава России, должен предусматривать обязательное участие врача наркологического профиля, проведение инструментальных или лабораторных исследований для определения концентрации алкоголя в крови, а также документальное оформление акта освидетельствования с указанием точного времени, методов исследования и полученных результатов. Кроме того, в целях обеспечения баланса между интересами производства и правами задержанного в КоАП РФ

целесообразно ввести положение, определяющее максимальный срок, в течение которого должно быть проведено медицинское освидетельствование для установления факта вытрезвления (например, 6-8 часов с момента доставления). Это позволит минимизировать периоды неопределенности и предотвратить необоснованно длительное ограничение свободы под предлогом ожидания вытрезвления.

Вместе с тем реализация данного предложения затруднительна по причине необходимости оценки организационных и финансовых последствий. Внедрение повсеместно порядка с обязательным участием врача-нарколога потребует значительных бюджетных ассигнований на обеспечение круглосуточной доступности соответствующих медицинских услуг, в том числе в отдаленных и сельских районах. Исходя из этого данная проблема должна решаться поэтапно. На первом этапе в качестве компромиссной меры возможно законодательное закрепление обязанности проведения медицинского освидетельствования в случаях, когда визуальная оценка состояния лица вызывает сомнения у сотрудника полиции или если с ней не согласен задержанный, а также при наличии технической возможности его проведения. В то же время должна быть разработана и утверждена федеральная программа по оснащению межрайонных центров и крупных отделов полиции необходимыми ресурсами, что в перспективе позволит выйти на универсальное применение медицинских критериев фиксации факта вытрезвления.

Еще одной проблемой, оказывающей непосредственное воздействие на уровень гарантированности прав личности в рамках административного процесса, является дефектная и фрагментированная регламентация правового статуса лица, подвергнутого административному задержанию. Как верно отмечают Л.И. Мурзина, А.А. Назарова и Э.Р. Бикуллова, ключевая трудность заключается в разрозненном, несогласованном закреплении прав и обязанностей задержанного во множестве нормативных правовых актов различной отраслевой принадлежности и юридической силы. Это создает предпосылки для правовых коллизий, порождает противо-

речивую судебную практику и существенно затрудняет как деятельность правоприменителя, так и реализацию задержанным своих законных возможностей для защиты [1, с. 82; 2, с. 448].

Анализ действующего законодательства выявляет значительный дисбаланс. В КоАП РФ, выполняющем функцию ключевого процессуального регулятора, ст. 27.3 регламентирует лишь одно правомочие задержанного лица — на незамедлительное уведомление родственников, администрации места работы (учебы) или защитника.

Вместе с тем более широкий перечень процессуальных прав задержанного, а именно: право на доступ к юридической помощи, право пользоваться услугами переводчика и право отказа от дачи объяснений, — имплицитно закреплен в ч. 3 ст. 14 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции»*.

При этом основополагающие правовые гарантии, обладающие высшей юридической силой, установлены непосредственно Конституцией РФ, в ст.ст. 21, 22, 45, 48 и 51 которой провозглашены такие фундаментальные права, как защита от жестокого обращения, право на свободу и личную неприкосновенность, возможность получения квалифицированной юридической помощи, а также право не свидетельствовать против себя самого. Подобная разноуровневая и разноотраслевая регламентация формирует запутанную и несистематизированную картину, не позволяющую ни должностному лицу, ни самому задержанному в полной мере и оперативно осознать весь объем его прав и обязанностей в этой стрессовой ситуации.

Правовые последствия такой фрагментации носят выраженный негативный характер. Прежде всего это создает условия для правоприменительного усмотрения, не всегда правомерного: сотрудник полиции, осуществляющий задержание, может разъяснить лишь те права, которые непосредственно указаны в КоАП РФ, не сообщая о более широких возможностях,

закрепленных в иных законодательных актах. Помимо этого, возникает правовая неопределенность в момент начала действия конкретных прав. Например, право на защиту, регламентированное ст. 25.5 КоАП РФ, формально признается за лицом, в отношении которого инициировано производство по делу, однако отсутствует однозначность в вопросе момента возникновения соответствующего правового статуса у задержанного лица. Еще одно последствие заключается в рассредоточенности норм, затрудняющей их восприятие и усвоение самими гражданами, вследствие чего снижается их способность эффективно защищаться от возможных злоупотреблений.

В связи с этим инициатива авторов, направленная на консолидацию положений о правах и обязанностях задержанных в отдельной статье КоАП РФ, представляется теоретически обоснованной и практически значимой. Создание систематизированного перечня в рамках ключевого нормативного правового акта призвано решить несколько фундаментальных задач:

1. Унификация правового статуса задержанного позволит преодолеть фрагментарность и коллизионность его регулирования, которые существуют в настоящее время между различными источниками права.

2. Установление императивного порядка действий должностного лица, обязывающего его надлежащим образом разъяснять и фиксировать в протоколе весь комплекс прав и обязанностей задержанного, что минимизирует административное усмотрение.

3. Устранение правовой неопределенности усилит режим законности, будет содействовать укреплению принципа верховенства права и повысит уровень публичного доверия к деятельности правоохранительных органов.

Следовательно, имплементация данного предложения не просто восполнит существующий законодательный пробел, но и станет шагом на пути к гуманизации и модернизации отечественного административного судопроизводства, приблизив его к современным международно-правовым стандартам.

* О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 г. N 3-ФЗ: ред. от 31 июля 2025 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 7. Ст. 900; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

Особого внимания в контексте обеспечения прав задержанных лиц заслуживает проблема нормативного определения круга субъектов, подлежащих уведомлению о факте административного задержания. Действующая редакция ч. 3 ст. 27.3 КоАП РФ устанавливает исчерпывающий перечень, ограниченный родственниками, администрацией по месту работы (учебы) и защитником. Подобный формально-бюрократический подход демонстрирует отрыв законодательной конструкции от современных социальных реалий и психологических потребностей личности, находящейся в стрессовой ситуации ограничения свободы.

Нормативная ригидность закрытого перечня порождает ряд негативных правовых и социальных последствий. В первую очередь, она игнорирует многообразие форм межличностных связей в современном обществе. Для значительного количества граждан, особенно в условиях урбанизации и мобильности, эмоциональная и социальная поддержка осуществляется не столько родственниками, сколько иными близкими лицами: проживающими совместно, но не состоящими в зарегистрированном браке; друзьями; соседями; партнерами. Отрицание возможности оперативного уведомления именно этих лиц, по существу, блокирует для задержанного доступ к наиболее действенной и оперативной помощи, нарушая его право на моральную и психологическую поддержку в критической ситуации. Кроме того, такой подход создает неравенство, ставя в заведомо невыгодное положение лиц, не имеющих формальных семейных связей или являющихся самозанятыми (плательщиками налога на профессиональный доход), для которых предложенный законом перечень может оказаться неактуальным.

С правовой точки зрения существующая норма вступает в системный конфликт с принципом уважения прав и свобод человека, закрепленным в ст. 2 Конституции РФ. Право на коммуникацию с близкими лицами, приобретающее особую значимость в ситуации изоляции, составляет неотъемлемый компонент гарантированного ст. 21 Конституции РФ права на гуманное обращение и уважение достоинства личности. Установление произволь-

ных ограничений данного права посредством исчерпывающего перечня не может считаться соразмерной мерой. Подобное ограничение не обусловлено какими-либо легитимными публичными интересами, сопоставимыми, например, с обеспечением государственной безопасности или сохранностью доказательств, которые в контексте административного судопроизводства обычно не имеют места.

Актуальность данной проблемы подтверждается материалами судебной практики, согласно которым формальное соблюдение процедуры уведомления привело к нарушению прав задержанных. Например, по делу от 20 февраля 2022 г. N 12-4289/2022, рассмотренному Санкт-Петербургским городским судом, гражданка Д. была подвергнута административному задержанию с последующим арестом на 5 суток. Несмотря на стрессовую ситуацию задержания и изоляции, ее право на уведомление было ограничено кругом лиц, предусмотренных ч. 3 ст. 27.3 КоАП РФ*. В то же время, как следует из материалов дела, у задержанной могли быть иные близкие лица (друзья, партнеры, товарищи по общественной деятельности), способные оказать ей немедленную поддержку, включая оперативную юридическую помощь. Однако действующая норма лишила ее этой возможности, поскольку разрешалось уведомление только родственников, администрации по месту работы (учебы) или защитника. Данный случай демонстрирует, как законодательное ограничение круга уведомляемых лиц может усугублять психологическую изоляцию задержанного и создавать дополнительные препятствия для организации эффективной защиты, особенно в ситуациях, когда родственные связи отсутствуют или ослаблены.

В связи с этим высказанное в научной литературе [1, с. 83; 2, с. 447] предложение о замене закрытого перечня на право задержанного ходатайствовать об уведомлении любых лиц, контактные данные которых он может предоставить, является прогрессивным и правомерным.

* Санкт-Петербургский городской суд: официальный сайт. URL: <https://sankt-peterburgsky-spb.sudrf.ru/>

Это позволит адаптировать правовую норму к реальной структуре социальных связей индивида, придав ей необходимый личностно-ориентированный характер. Реализация данного предложения не создаст непреодолимых организационных сложностей для правоприменителя, поскольку процедура уведомления сохранится, изменится лишь адресат, определяемый по волеизъявлению самого задержанного. Для минимизации потенциальных злоупотреблений и обеспечения фиксации волеизъявления задержанного соответствующая отметка с указанием контактных данных запрашиваемого для уведомления лица должна в обязательном порядке вноситься в протокол об административном задержании. Таким образом, реализация предлагаемого изменения позволит усилить гарантии прав личности, не снижая при этом эффективность административного производства, и будет способствовать гуманизации административно-юрисдикционного процесса в целом.

Существенные нарекания в доктрине административного права и правоприменительной практике вызывает действующая регламентация сроков административного задержания, особенно вопрос о моменте начала их исчисления. Законодательная конструкция, разграничивающая процедуры доставления и административного задержания, создает правовой пробел, позволяющий на практике искусственно сокращать установленные законом гарантии против произвольного ограничения свободы. Как справедливо отмечает С.Е. Чаннов [5, с. 199], а также Л.И. Мурзина и В.Р. Немудрякин [6, с. 134], основная проблема заключается в том, что срок задержания, регламентированный ст. 27.5 КоАП РФ, формально исчисляется с момента доставления лица в помещение органа внутренних дел, в то время как период собственно доставления, представляющий собой идентичное по своей правовой природе принудительное ограничение свободы передвижения, в этот срок не засчитывается.

Подобное нормативное разграничение лишено содержательного правового обоснования и порождает ряд деструктивных последствий. Как доставление, так и последующее нахождение в специальном

помещении являются последовательными стадиями единого процесса принудительного удержания лица. Субъективное восприятие задержанного, для которого ограничение свободы начинается с момента фактического пресечения его волеизъявления сотрудником правоохранительного органа, также подтверждает единство этих процедур. Игнорирование данного обстоятельства создает предпосылки для злоупотреблений, когда продолжительное, иногда намеренно затягиваемое доставление, например в отдаленный отдел полиции, неправомерно «поглощает» часть процессуального времени, отведенного законом для составления протоколов, установления личности и принятия решения по существу. В результате при формальном соблюдении трехчасового срока задержания, исчисленного с момента помещения в отдел, реальное время нахождения лица под стражей может существенно превышать установленный предел, что фактически перечеркивает гарантии, заложенные в законе.

В целях устранения указанного правового дефекта и восполнения пробела, создающего почву для произвола, представляется необходимым комплексное законодательное решение. Наиболее последовательным и логичным подходом является унификация анализируемых мер. В связи с этим предлагается:

1. Интегрировать доставление и административное задержание в единую меру обеспечения производства по делу об административном правонарушении с условным наименованием «привод и административное задержание». Прежде всего это позволит ликвидировать искусственное и порочное разграничение двух этапов одного непрерывного процесса ограничения свободы.

2. Четко обозначить в статье 27.5 КоАП РФ, что общий срок доставления и административного задержания исчисляется с момента фактического ограничения свободы передвижения лица, то есть с момента, когда оно лишено возможности покинуть местонахождение по своему усмотрению под угрозой применения принуждения. Данный момент должен быть зафиксирован в первом составляемом процессуальном документе (например, в

рапорте о доставлении) с указанием точного времени.

3. Установить для указанной меры единую максимальную продолжительность, которая не должна превышать 3 часов (или 48 часов в исключительных случаях), распространяя это время на всю совокупность действий — от момента фактического задержания до момента освобождения или передачи в суд.

Данная законодательная новелла будет способствовать достижению нескольких позитивных результатов:

- устранение существующего нормативного разрыва, обеспечив точный учет всего времени принудительного ограничения свободы;

- создание «прозрачного» и легко проверяемого критерия для оценки законности действий должностных лиц как органами, осуществляющими административное задержание, так и судом;

- повышение уровня гарантий прав граждан, исключив возможность манипулирования сроками за счет продления периода доставления.

Таким образом, предложенное решение направлено на придание административно-процессуальным нормам большей четкости и предсказуемости.

Наконец, одной из наиболее показательных и системных проблем правоприменения, непосредственно затрагивающих основы законности административного процесса, является несоблюдение процедурных гарантий при составлении протокола об административном задержании. Как обоснованно указывают Л.И. Мурзина и В.Р. Немудрякин [6, с. 135], апеллируя к эмпирическим исследованиям С.Н. Керамовой [7, с. 209], налицо устойчивая порочная практика формального подхода к оформлению данного основного процессуального документа. Речь идет о систематических нарушениях требований ст. 27.4 КоАП РФ, которые выражаются в отсутствии в протоколе фундаментальных сведений: мотивов задержания, детального описания места и времени совершения правонарушения, а также информации о присутствовавших при этом свидетелях и (или) потерпевших.

Указанные процессуальные нарушения обладают не формальным, а фунда-

ментальным характером, поскольку их наличие ставит под сомнение легитимность всех дальнейших стадий производства по делу об административном правонарушении. Одно из назначений протокола об административном задержании — исполнять гарантирующую роль. Данный документ служит основным материальным носителем информации, который в последующем позволяет осуществить верификацию правовой обоснованности и процедурной корректности применения строгой меры государственного принуждения. Отсутствие в нем мотивов задержания лишает суд или вышестоящее должностное лицо возможности оценить, действительно ли имелись те самые «исключительные случаи», оправдывающие ограничение свободы. Неуказание точного времени и места лишает задержанного возможности представить алиби, а отсутствие сведений о свидетелях — ссылаться на их показания в свою защиту. Таким образом, неточно составленный протокол не только затрудняет обжалование; но и создает непреодолимые процессуальные барьеры для защиты, трансформируясь из инструмента фиксации юридического факта в инструмент правовой неопределенности и потенциального произвола.

Иллюстрацией негативных последствий таких нарушений служит кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 19 июня 2024 г. по делу N 67-КАД24-5-К8, отсутствие в материалах которого доказательств, обосновывающих необходимость задержания на срок до 48 часов, сыграло ключевую роль. Как установил Верховный Суд Российской Федерации, в протоколе об административном задержании гражданки Д. содержались сведения о наличии у нее малолетнего ребенка, что в соответствии с ч. 2 ст. 3.9 КоАП РФ исключало возможность применения административного ареста и, как следствие, продления срока задержания сверх 3 часов. При этом сотрудники полиции не привели в протоколе никаких мотивов, которые бы опровергали это прямое законодательное ограничение или свидетельствовали о наличии исключительных обстоятельств, делающих задержание единственной мерой для достижения процессуальных целей. Верховный Суд Рос-

сийской Федерации особо подчеркнул, что сам по себе факт последующего признания лица виновным в административном правонарушении не отменяет необходимости соблюдения всех процедурных гарантий на стадии задержания, и отсутствие в протоколе правового обоснования применения этой меры в конкретных обстоятельствах делает задержание незаконным*. Данный прецедент наглядно демонстрирует, как формальное отношение к составлению протокола приводит к нарушению фундаментальных прав граждан и отмене судебных актов, принятых на основании неполноценных доказательств.

Предлагаемое рядом авторов решение, заключающееся в усилении ведомственного контроля и ужесточении ответственности за процедурные нарушения, хотя и представляется полезным, носит половинчатый характер, так как воздействует на следствие, а не на причину проблемы. Ведомственный контроль нередко является бюрократической фикцией, а привлечение к дисциплинарной ответственности — крайней мерой.

В связи с этим предлагается подход, направленный на структурирование процесса составления протокола и исключение возможности упущения ключевых реквизитов:

1. Необходимо законодательно закрепить обязательное использование унифицированного электронного шаблона (макета) протокола об административном задержании, интегрированного в служебные программные комплексы МВД России. Данный шаблон должен иметь поля, обязательные к заполнению, без которых сохранение и печать документа будут технически невозможны. Это относится прежде всего к графам «Мотивы задержания» (с выпадающим списком типовых вариантов, а также возможностью ручного ввода), «Время и место совершения правонарушения», «Сведения о свидетелях и потерпевших».

2. Целесообразно ввести в качестве обязательного реквизита протокола отметку о применении средств аудио- и видеорегистрации. Видеозапись факта за-

держания должна стать стандартной операционной процедурой, а ссылку на номер и время записи следует вносить в протокол. Во-первых, это дисциплинирует сотрудников полиции, осуществляющих задержание, а во-вторых, предоставит суду объективное доказательство для оценки правомерности действий сторон.

3. Следует установить административную ответственность по отдельной статье КоАП РФ для должностных лиц за систематическое (два раза и более в течение года) составление протоколов с грубыми нарушениями, повлекшими их отмену судом. Под грубыми нарушениями необходимо понимать отсутствие сведений о мотивах, времени, месте или свидетелях. Данным положением будет предусмотрена персонифицированная ответственность, выходящая за рамки дисциплинарного взыскания.

Представленный подход, сочетающий в себе мотивацию к корректному оформлению документов, обеспечение объективного контроля с помощью аудиовизуальных средств и ужесточение персональной ответственности, позволит перейти от констатации нарушений к созданию такой процессуальной среды, в которой соблюдение гарантий станет неотъемлемой частью служебного алгоритма.

В завершение необходимо сформулировать ряд выводов:

1. Действующая законодательная конструкция административного задержания, несмотря на ее регламентацию в КоАП РФ, содержит пробелы и коллизии, которые на практике приводят к нарушению принципов законности, правовой определенности и произвольному ограничению конституционного права на свободу и личную неприкосновенность.

2. Ключевой проблемой, порождающей правоприменительный произвол, является нормативная неопределенность понятия «исключительные случаи», используемого в ч. 1 ст. 27.3 КоАП РФ в качестве основного условия правомерности задержания. Для ее решения необходима конкретизация ст. 27.3 КоАП РФ путем закрепления в ней исчерпывающего перечня фактических обстоятельств, относящихся к юридическому составу «исключительного случая», а также закрытого перечня обсто-

* Верховный Суд Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://vsrf.ru/>

ятельств, исключающих применение данной меры.

3. Действующий порядок исчисления срока административного задержания для лиц, находящихся в состоянии опьянения (ч. 4 ст. 27.5 КоАП РФ), характеризуется правовой неопределенностью момента вытрезвления, что создает угрозу нарушения прав таких лиц. В целях обеспечения объективности и обоснованности необходима разработка и законодательное закрепление четкого процедурного регламента с обязательным участием врача-нарколога и проведением инструментальных или лабораторных исследований.

4. Разрозненное и не согласованное с Конституцией РФ закрепление прав и обязанностей задержанного в нормах КоАП РФ и Федерального закона от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции» затрудняет реализацию лицами своих законных возможностей для защиты. В связи с этим назрела необходимость консолидации норм, определяющих правовой статус задержанного, в отдельной статье КоАП РФ, в результате чего будет создан четкий алгоритм для правоприменителя.

5. Установленный ч. 3 ст. 27.3 КоАП РФ исчерпывающий перечень лиц, подлежащих уведомлению о факте задержания, не соответствует современным социальным реалиям и психологическим потребностям личности, находящейся в стрессовой ситуации. Данная норма должна быть усовершенствована посредством закрепления права задержанного ходатайствовать об уведомлении любых лиц, контактные данные которых он может предоставить, с обязательной фиксацией данного волеизъявления в протоколе.

6. Искусственное законодательное разграничение процедур доставления и административного задержания создает пробел в законодательстве, позволяющий на практике неправомерно сокращать установленные законом гарантии против произвольного ограничения свободы. Восполнение данного пробела видится в интеграции доставления и задержания в единую меру обеспечения производства с установлением единого срока, исчисляемого с момента фактического ограничения свободы передвижения лица.

7. Систематические нарушения требований к составлению протокола об административном задержании (отсутствие мотивов, точного времени и места, сведений о свидетелях) носят сущностный, а не технический характер, подрывая легитимность всего производства. Для их преодоления необходим комплекс мер, включающий законодательное закрепление обязательного использования унифицированного электронного шаблона протокола, введение отметки о применении средств аудио- и видеорегистрации и установление специальной административной ответственности для должностных лиц за грубые и систематические нарушения.

Таким образом, реализация предложенных в статье изменений законодательства позволит не только ликвидировать выявленные системные дефекты, но и выведет институт административного задержания в Российской Федерации на качественно новый уровень, обеспечив действительный баланс интересов публичного управления и гарантий прав и свобод человека и гражданина.

Список источников

1. Мурзина Л.И., Назарова А.А. Актуальные проблемы применения административного задержания // Молодежная инициатива: сборник статей VI Междунар. науч.-практ. конф., Пенза, 30-31 мая 2022 г. Пенза: Пензенский гос. аграрный ун-т, 2022. С. 80-84.
2. Бикуллова Э.Р. Проблемы применения административного задержания // Вопросы российской юстиции. 2024. N 33. С. 445-449.
3. Теткин Д.В., Иванов К.М. Актуальность проблемы административного задержания в процессе реализации административной деятельности полиции // Социально-экономические и правовые меры борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: сборник научных статей по итогам всерос. науч.-практ. конф. Рязань, 23 апр. 2020 г. Рязань: Рязанский филиал Московского ун-та МВД России им. В.Я. Кикотя, 2020. С. 305-309.
4. Мурзина Л.И., Бегеева Д.Р. Сущность административного задержания как меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях и некоторые проблемы применения // Молодежная инициатива: сборник ст. VII Междунар. науч.-практ. конф., Пенза, 5-6 июня 2023 г. / под науч. ред. Г.В. Синцова. Пенза: Пензенский гос. аграрный ун-т, 2023. С. 104-109.

5. Чаннов С.Е. Некоторые проблемы применения административного задержания // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. 2018. N 2. С. 195-205.

6. Мурзина Л.И., Немудрякин В.Р. Административное задержание как мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. Проблемы административного задержания // Молодежная инициатива: сборник ст. VII Междунар. науч.-практ. конф., Пенза, 5-6 июня 2023 г. / под науч. ред. Г.В. Синцова. Пенза: Пензенский гос. аграрный ун-т, 2023. С. 131-136.

7. Керимова С.Н. Административное задержание как мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях // Закон и право. 2021. N 10. С. 209-211.

References

1. Murzina L.I., Nazarova A.A. Actual problems of the application of administrative detention. Youth Initiative. Penza, Penza State Agrarian University, 2022. Pp. 80-84. (In Russ.).

2. Bikullova E.R. Problems of the application of administrative detention. Issues of Russian justice, 2024, no. 33, pp. 445-449. (In Russ.).

3. Tetkin D.V., Ivanov K.M. The relevance of the problem of administrative detention in the process of implementing the administrative activities of the police. Socio-economic and legal measures to combat crimes and other offenses. Ryazan, Ryazan Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, 2020. Pp. 305-309. (In Russ.).

4. Murzina L.I., Begeeva D.R. The essence of administrative detention as a measure to ensure proceedings in cases of administrative offenses and some problems of application. Youth Initiative. Penza, Penza State Agrarian University, 2023. Pp. 104-109. (In Russ.).

5. Channov S.E. Some problems of the application of administrative detention. Bulletin of Voronezh State University. Series: Law, 2018, no. 2, pp. 195-205. (In Russ.).

6. Murzina L.I., Nemudryakin V.R. Administrative detention as a measure to ensure proceedings in cases of administrative offenses. Problems of administrative detention. Youth Initiative. Penza, Penza State Agrarian University, 2023. Pp. 131-136. (In Russ.).

7. Keramova S.N. Administrative detention as a measure to ensure proceedings in cases of administrative offenses. Law and Right, 2021, no. 10, pp. 209-211. (In Russ.).

Научная специальность: 5.1.2

Участковый уполномоченный полиции как субъект выявления причин и условий, способствовавших совершению административных правонарушений, и принятия мер по их устранению

Ян Евгеньевич Верхоглядов,

Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Барнаул, Россия, barnaulaw@mail.ru

Аннотация. В статье приведены результаты исследования состояния нормативно-правового регулирования выявления причин и условий, способствовавших совершению административных правонарушений, и принятия мер, направленных на их устранение. На основании проанализированной учебной и научной литературы, а также эмпирических данных выявлены недостатки в рассмотренном направлении деятельности органов внутренних дел Российской Федерации. Особое внимание уделено роли участкового уполномоченного полиции в системе субъектов профилактики административных правонарушений. Автором названы факторы, препятствующие должной реализации отдельных задач производства по делам об административных правонарушениях. Сформулированы предложения, направленные на совершенствование деятельности участкового уполномоченного полиции по выявлению причин и условий, способствовавших совершению административных правонарушений, и принятию мер по их устранению.

Ключевые слова: административное правонарушение, административная ответственность, участковый уполномоченный полиции, профилактика административных правонарушений

Для цитирования: Верхоглядов Я.Е. Участковый уполномоченный полиции как субъект выявления причин и условий, способствовавших совершению административных правонарушений, и принятия мер по их устранению // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2025. N 4 (74). С. 43-56.

District police officer as a subject of identifying the causes and conditions that contributed to committing administrative offences and of taking measures on their elimination

Yan E. Verkhoglyadov,

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Barnaul, Russia, barnaulaw@mail.ru

Abstract. The article presents the results of studying the state of the current normative legal regulation for identifying the causes and conditions that contributed to committing administrative offences and for taking measures on their elimination. Based on the analysis of both educational and scientific literature, as well as empirical data, some deficiencies in this area of the activities of the Russian internal affairs agencies are identified. Particular attention is paid to the role of district police officers in the system of subjects of preventing administrative offences. Some obstacles to the proper implementation of certain tasks of administrative proceedings are revealed. Some proposals to improve the district police officers' activities related to identifying the causes and conditions that contributed to committing administrative offences and to taking measures on their elimination, are formulated.

Keywords: administrative offence, administrative liability, district police officer, prevention of administrative offences

For citation: Verkhoglyadov Ya.E. District police officer as a subject of identifying the causes and conditions that contributed to committing administrative offences and of taking measures on their elimination // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2025. No. 4 (74). P. 43-56.

Введение

Противодействие административным правонарушениям, количество которых значительно превалирует над количеством преступлений*, включает в себя не только непосредственное пресечение, но и иные меры принуждения: предупреждение, юридическую ответственность и т.д. Необходимость применения мер государственного воздействия обусловлена задачами законодательства об административных правонарушениях (ст. 1.2 КоАП РФ) и производства по соответствующим делам (ст. 24.1 КоАП РФ).

Данным положениям КоАП РФ правоприменитель, особенно на стадии возбуждения, уделяет неоправданно мало внимания в силу их якобы исключительно «теоретической» сущности. Возникновению подобной гипотезы способствовали итоги изучения материалов дел об административных правонарушениях, а также систематического интервьюирования слушателей факультетов заочного обучения и профессиональной подготовки Барнаульского юридического института МВД России.

Если на всестороннем, полном, объективном и своевременном выяснении обстоятельств каждого дела, разрешении его в соответствии с законом сотрудники полиции акцентируют некоторое внимание, то, к сожалению, выявление причин и условий, способствовавших совершению административных правонарушений, нередко отодвигается на второй план [1, с. 567; 2, с. 679-680]. Это отрицательно сказывается на последующем предупреждении новых деликтов, то есть на выполнении базовых задач законодательства об административных правонарушениях.

Вместе с тем обязательность установления причин и условий совершения административного правонарушения является абсолютной и определена не только в ст. 24.1, но и в п. 7 ст. 26.1 КоАП РФ, в которой последние отнесены к обстоятель-

ствам, подлежащим доказыванию. Следует установить, что понимается под такими причинами и условиями.

Нормативно прямого закрепления определений данных понятий не установлено. Более того, в УПК РФ в контексте регламентации выполнения схожих задач используется иной термин — «обстоятельства, способствовавшие совершению преступления» (ч. 4 ст. 29, ч. 2 ст. 73, ч. 2 ст. 158 УПК РФ). Вместе с тем, применив системный способ толкования отдельных положений административного законодательства, можно предположить, что под причинами рассматриваются обстоятельства, порождающие деликты, а под условиями — факторы, способствующие совершению противоправного деяния и (или) облегчающие его совершение (ч. 1 ст. 15 Федерального закона от 23 июня 2016 г. N 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»** (далее — Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений»).

Обращаясь к позициям научного сообщества, следует выделить мнения, в большей степени находящиеся в плоскости административной деликтологии [3, с. 16-17; 23], в которых справедливо указывается на недостаточную, в сравнении с науками криминального цикла, степень исследованности проблем установления, устранения причин и условий, способствовавших совершению административных правонарушений [1, с. 569]. Ряд авторов логично предлагает считать таковыми совокупность необходимых юридически значимых явлений, закономерны и неизбежно приводящих к совершению административного правонарушения, где причины — факторы (действия, бездействие, обстоятельства или их течение), приведшие к совершению противоправного деяния, а условия — факторы, облегчившие его совершение [4, с. 55; 5, с. 68].

Реализуя указанные выше положения КоАП РФ, как верно указывают А.В. Изингер и О.А. Мельникова, обязанностью субъекта

* В 2024 году поступило для рассмотрения в федеральные суды общей юрисдикции и мировым судьям: уголовных дел — 651 312; дел об административных правонарушениях — 5 967 332. Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://cdep.ru/>

** Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: федер. закон от 23 июня 2016 г. N 182-ФЗ: ред. от 8 авг. 2024 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

административной юрисдикции является не только выявление соответствующих обстоятельств и установление причинно-следственной связи между ними, но и принятие мер превентивного реагирования в виде внесенного представления (ст. 29.13 КоАП РФ) [6, с. 19]. Отсутствие должной и своевременной реакции на направленный в адрес организации и должностного лица процессуальный документ является основанием для привлечения к административной ответственности по ст. 19.6 КоАП РФ.

Таким образом, вопросы нормативного регулирования предупреждения административных правонарушений в Российской Федерации, на первый взгляд, разрешены достаточным образом. Однако мнение А.А. Карицкой, согласно которому модель представления как средства профилактики административных правонарушений в настоящее время трудно признать эффективной [7, с. 151], вновь возвращает к ранее заявленной гипотезе о том, что правоприменитель упускает причины и условия, способствовавшие совершению административных правонарушений, из перечня актуальных для него направлений деятельности. В целях дополнительной актуализации избранной темы необходимо обратиться к позициям органов государственной власти.

Еще в 2009 году Роспотребнадзор в своем официальном письме об итогах анализа практики применения норм КоАП РФ указывал, что, несмотря на четкую регламентацию действий должностных лиц органов административной юрисдикции, меры по внесению представлений принимаются далеко не во всех случаях (показатель применения мер предупреждения правонарушений службой в целом по Российской Федерации составлял 10 %)*. При этом ряд территориальных органов службы в своей деятельности не вносил представления, предусмотренные ст. 29.13 КоАП РФ. Такое бездействие невозможно охарактеризовать положительно, так как

в некоторых случаях именно причины и условия совершения административных деликтов способны раскрыть механизм события, охарактеризовать личность виновного лица, свидетельствовать о наличии либо об отсутствии обстоятельств, отягчающих или смягчающих административную ответственность [4, с. 55].

Иная ситуация, казалось бы, отмечалась в деятельности органов предварительного расследования. По данным Следственного департамента МВД России, в 2020-2021 годах при окончании расследования уголовных дел представления следователями вносились в 98 % случаев, а в некоторых регионах – в 100 % случаев [8, с. 106]. Как справедливо указывают С.О. Беляева и Л.А. Зашляпин [9, с. 78], реальным результатом подобной работы, очевидно, должно стать отсутствие новых противоправных деяний, в том числе домашнего насилия и иных правонарушений. Однако констатировать такие достижения в настоящее время невозможно в силу комплекса причин [8, с. 106-107]. В частности, в него допустимо включить недостатки в содержании представлений и деятельности по контролю за их рассмотрением [10, с. 19], а также потребность в разрешении вопросов, связанных со способами фиксации сведений о представлениях [11, с. 85-86], и т.д.

Подобные выводы исследователей, сведения об итогах деятельности органов власти подчеркивают сохраняющуюся проблематику выявления и реагирования на причины и условия, способствовавшие совершению всех видов правонарушений, ее масштабность и многогранность. Как представляется, в силу своего не должным образом раскрытого потенциала заслуживают самостоятельного рассмотрения именно законодательство об административных правонарушениях и деятельность по его применению одного из основных субъектов системы профилактики – участкового уполномоченного полиции.

Основная часть

Осознание важности выявления детерминантов совершения правонарушений, помимо КоАП РФ, проявляется и в иных законах, в том числе действовавших ранее. В частности, статьей 7 «Предупреждение

* О направлении справки о практике применения норм КоАП должностными лицами органов Роспотребнадзора: письмо Роспотребнадзора от 21 апр. 2009 г. N 01/5288-9-32. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

административных правонарушений» Кодекса РСФСР об административных правонарушениях устанавливалась обязанность для госорганов, общественных организаций, трудовых коллективов по разработке и реализации предупредительных мероприятий, выявлению и устранению причин и условий, способствующих совершению деликтов, по воспитанию в гражданах сознательности, дисциплины, соблюдения законности. Идентичное отражение данной обязанности наблюдается и в положениях ст. 225 «Задачи производства по делам об административных правонарушениях» КоАП РСФСР, которые в последующем в основе своей нашли место в ст. 24.1 КоАП РФ.

Относительно современного состояния российского законодательства необходимо указать, что одной из десяти форм воздействия, согласно ч. 1 ст. 17 базового «профилактического» Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений», является внесение представления об устранении причин и условий, способствующих совершению правонарушения. Расположенная в этом же «рамочном» законе бланкетная норма (ст. 22), детализирующая порядок применения указанной формы воздействия, направляет к специальным положениям нормативных правовых актов, регулирующих полномочия субъектов профилактики (СК России, ФСБ России, Прокуратура Российской Федерации и иные органы публичной власти), и в частности — российской полиции.

В соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции»* (далее — Федеральный закон «О полиции») в обязанности полиции входит выявление и устранение причин преступлений и административных правонарушений, а также условий, способствующих их совершению. В перечень прав полиции включено внесение в соответствии с федеральным законом руководителям и должностным лицам организаций обязательных для ис-

полнения представлений об устранении причин и условий, способствующих реализации угроз безопасности граждан и общественной безопасности, совершению преступлений и административных правонарушений (п. 12 ч. 1 ст. 13 Федерального закона «О полиции»). Фактически указанными положениями закона была изменена терминология института профилактики: «обстоятельства, способствующие их совершению» (п. 1 ст. 10, п. 13 ст. 11 Закона Российской Федерации от 18 апреля 1991 г. N 1026-1 «О милиции»), трансформировались в «причины» и «условия», однако принципиального значения для практики полиции это не имеет.

Вместе с тем результаты выполнения настоящей обязанности уже с 2011 года не располагаются в перечне показателей ведомственной статистической оценки результатов деятельности**. Однако ранее, согласно приказу МВД России от 19 января 2010 г. N 25 «Вопросы оценки деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, отдельных подразделений криминальной милиции, милиции общественной безопасности и органов предварительного расследования», в систему оценки деятельности органов внутренних дел и его отдельных подразделений (органы предварительного расследования, подразделения по делам несовершеннолетних, центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей; служба участковых отдельно в этом перечне не упоминалась) по направлению предупреждения преступлений включалось: количество представлений, вынесенных по уголовным делам, предварительное расследование по которым окончено; количество лиц, наказанных за непринятие мер по устранению обстоятельств, способствующих совершению правонарушений несовершеннолетними.

Подобному подходу оценки деятельности предшествовало последо-

* О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 г. N 3-ФЗ: ред. от 31 июля 2025 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 7. Ст. 900; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

** Вопросы оценки деятельности территориальных органов МВД России: приказ МВД России от 31 дек. 2013 г. N 1040; Вопросы оценки деятельности территориальных органов МВД России: приказ МВД России от 26 дек. 2011 г. N 1310 (утратил силу). Доступ из специализированной территориально распределенной автоматизированной системы «Юрист».

вательное нормативное закрепление и совершенствование показателей, что подтверждается содержанием приказов МВД России от 23 ноября 2002 г. N 1150 «О введении в действие систем оценки деятельности органов внутренних дел, отдельных подразделений криминальной милиции и милиции общественной безопасности, органов предварительного расследования» и от 5 августа 2005 г. N 650 «Вопросы оценки деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, отдельных подразделений криминальной милиции, милиции общественной безопасности, органов предварительного расследования».

Таким образом, при реформировании МВД России Федеральный закон «О полиции» заимствовал положения Закона Российской Федерации от 18 апреля 1991 г. N 1026-1 «О милиции» относительно обязанностей по выявлению и устранению обстоятельств, способствующих совершению правонарушений. Однако если с 2002 по 2011 год учитывались хотя бы меры по выявлению и устранению причин и условий, способствовавших совершению преступлений, пусть и игнорируя административные правонарушения, то затем показатели ведомственной оценки деятельности, претерпев изменения, полностью утратили подобный критерий.

Вместе с тем на ведомственном уровне в отчетные сведения о состоянии профилактической работы включены: количество вынесенных сотрудниками органов внутренних дел представлений об устранении обстоятельств (причин и условий), способствовавших совершению преступлений и административных правонарушений; количество составленных по ст.ст. 17.7 и 19.6 КоАП РФ протоколов в отношении лиц, не реагирующих на представления органов внутренних дел*.

Следует отметить, что представления по делам об административных правонарушениях не всегда учитывались в отчетности. Например, в приказах МВД России от 14 января 2013 г. N 14 «О форме статисти-

ческой отчетности «Профилактика — КП»», от 9 января 2008 г. N 5 «Об утверждении формы статистической отчетности «Профилактика — КП»», от 30 декабря 2005 г. N 1170 «О статистической отчетности органов внутренних дел Российской Федерации» фиксировалось количество представлений, вынесенных только по уголовным делам.

Допустимо сделать предварительный вывод о том, что подход МВД России к учету результатов деятельности его подразделений по выявлению и принятию мер по устранению причин и условий, способствующих совершению административных правонарушений, изменяется и тем самым косвенно стимулирует сотрудников к подобной профилактической работе. Однако в случае дополнения перечня показателей ведомственной статистической оценки результатами деятельности по установлению и ликвидации причин и условий совершения административных правонарушений будут созданы предпосылки к более ответственному выявлению указанных обстоятельств.

При этом схожие проблемы ранее выделялись зарубежными учеными. В частности, М.А. Кызылов и Д.А. Ким указывают на упущения правовой статистики Республики Казахстан в структуре централизованного учета административных правонарушений, а именно отсутствие в формах отчетности представлений и принятых по ним мерах при фиксации в представлениях лишь фактов привлечения к ответственности по ст. 479 «Несообщение о принятых мерах и (или) непринятие мер по устранению причин и условий, способствовавших совершению правонарушения» Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях [12, с. 47-48].

Указанными выше авторами сложившаяся ситуация была оправданно оценена как требующая корректировок в силу исключения надзора за внесенным представлением посредством дополнения форм отчетности недостающими положениями. Подобные нововведения были бы особенно востребованы в деятельности участкового инспектора полиции, который обязан в пределах своей компетенции устанавливать причины и условия, способствующие совершению правона-

* О форме статистической отчетности «Профилактика — КП»: приказ МВД России от 25 авг. 2020 г. N 597. Доступ из специализированной территориально распределенной автоматизированной системы «Юрист».

рушений, а также принимать меры по их устранению*.

Далее следует детально рассмотреть роль участкового уполномоченного полиции в изучаемом направлении профилактики. Как справедливо отмечают О.В. Десятова и А.В. Изингер, служба участковых уполномоченных полиции на всем историческом пути своего развития обладала достаточно большим объемом полномочий, и вне зависимости от наличия нормативного закрепления одной из основных задач было предупреждение правонарушений [13, с. 4-5].

Причастность участкового уполномоченного полиции к системе субъектов выявления и принятия мер по устранению причин и условий, способствующих совершению административных правонарушений, подтверждается приказом МВД России от 30 марта 2020 г. N 191 «Об утверждении Концепции развития службы участковых уполномоченных полиции территориальных органов МВД России на 2020-2023 годы»**. Согласно п. 5 Концепции одним из предназначений службы называется выявление и устранение причин и условий, способствующих противоправному поведению.

Сомнения относительно роли участкового уполномоченного полиции в выявлении и устранении обстоятельств, способствующих совершению административного правонарушения, устраняет приказ МВД России от 29 марта 2019 г. N 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности»*** (далее — приказ МВД России N 205). Согласно подп. «д» п. 14.1.1 «Наставления по органи-

зации службы участковых уполномоченных полиции», утвержденного приказом МВД России N 205, в целях обеспечения контроля за деятельностью участковых уполномоченных полиции осуществляется оценка результатов их работы по основным направлениям деятельности, где одним из критериев определения фактического состояния оперативной обстановки на участке и качества мер, принимаемых по ее нормализации, считаются внесенные в органы, объединения, организации представления (информационные письма) об устранении причин и условий, способствующих совершению на участке преступлений и административных правонарушений, и реализации названных документов.

Более того, если при профилактическом обходе будут выявлены причины и условия, способствующие совершению правонарушения, то участковый уполномоченный полиции докладывает непосредственному руководителю (начальнику) о необходимости внесения в соответствующий орган, организацию представления об устранении причин и условий, способствующих совершению правонарушения (п. 27 Инструкции по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке, утвержденной приказом МВД России N 205). Однако упоминание исключительно о руководителе и ссылка на ст. 22 Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений» в отсутствие обозначения персональных полномочий самого участкового уполномоченного полиции вносить представления (ст.ст. 23.3 и 29.13 КоАП РФ) может исказить понимание своих прав у отдельных сотрудников.

Аналогичный подход усматривался и в ранее действовавших нормативных правовых актах: приказах МВД России от 31 декабря 2012 г. N 1166 «Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции» и от 16 сентября 2002 г. N 900 «О мерах по совершенствованию деятельности участковых уполномоченных милиции». Вместе с тем последний приказ чаще указывал сотруднику на важность установления (знания, контроля) обстоятельств, способствовавших совер-

* Пункт 22 приказа МВД Республики Казахстан от 29 декабря 2015 г. N 1095 «Об утверждении Правил организации деятельности участковых инспекторов полиции и их помощников» (см.: Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/>).

** Доступ из специализированной территориально распределенной автоматизированной системы «Юрист».

*** Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

шению правонарушений (пп. 7.2.4, 9.3, 9.12 Инструкции по организации деятельности участкового уполномоченного милиции, утвержденной приказом МВД России 16 сентября 2002 г. N 900).

Утративший юридическую силу приказ МВД России от 17 января 2006 г. N 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений» по содержанию соответствовал указанным выше нормативным правовым актам в контексте устранения причин и условий, способствовавших совершению правонарушений, участковыми (пп. 7.2, 7.11). Действующий в настоящее время приказ МВД России от 24 августа 2023 г. N 619 «О некоторых организационных вопросах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по профилактике правонарушений» условно обезличил направления профилактики, объединив все подразделения органов внутренних дел и их сотрудников в категорию «субъекты ведомственной системы профилактики»*.

При этом новый подход МВД России, нашедший отражение в названном выше нормативном правовом акте, распространил на всех субъектов (в пределах их компетенции) задачу по выявлению, анализу причин, порождающих правонарушения, и условий, способствующих совершению или облегчающих их совершение, принятию мер по их устранению или нейтрализации (пп. 1.2 и 2.1). Алгоритмы решения данной задачи стали более детализированными и упорядоченными, однако предупреждение преступлений также является приоритетным, что подтверждается ссылками исключительно на ч. 2 ст. 158 УПК РФ. Прямых упоминаний о нормах КоАП РФ (ст.ст. 19.6 и 29.13) приказ не содержит.

Таким образом, нормативная основа в виде федеральных законов и приказов МВД России является итогом последовательного развития российского права и государства; при наличии ряда недостатков отмечаются положительные тенденции. Соответственно, созданы в достаточном объеме предпосылки для эффективной профилактики участковыми уполномочен-

ными полицией административных правонарушений, в том числе путем выявления причин и условий, им способствовавших, принятия мер по устранению, а также привлечения к ответственности виновных в противоправном бездействии лиц по отношению к внесенному в их адрес представлению.

Значительно расширяет предупредительный эффект изучаемого процессуального документа следующее обстоятельство: даже прекращение производства по делу об административном правонарушении в связи с истечением сроков давности привлечения к ответственности не является препятствием для внесения представления субъектом административной юрисдикции, рассматривающим дело, а для должностного лица (организации) — принятия мер, указанных в нем**. Представляется, что аналогичным образом допустимо действовать в случаях наличия иных обстоятельств, влекущих прекращение производства (например, ст. 2.9, п. 8 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ). Главным условием правомерности представления является внесение его на основании доказанных обстоятельств события правонарушения, обязательно отраженных в протоколе об административном правонарушении*** и в постановлении о прекращении производства по делу об административном правонарушении.

Кроме исследования нормативной основы в рамках заявленной темы, ее ретроспективного анализа необходимо обращение к эмпирическим данным, так как в отсутствие результатов опросов, правоприменительной практики ценность авторских выводов, а также степень обоснованности предложений снизятся. Первоочередный интерес представляют постановления по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 19.6 КоАП РФ.

** Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 30 сент. 2020 г. N 307-ЭС20-5995 по делу N А56-21344/2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

*** Пункт 14 письма Роспотребнадзора от 22 сент. 2005 г. N 0100/7716-05-32 «О применении КоАП РФ» // Там же.

* Доступ из специализированной территориально распределенной автоматизированной системы «Юрист».

Анализ отчетности Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации и МВД России показал: в 2024 году в суды поступило для рассмотрения 5 967 332 дела об административном правонарушении, среди которых возбужденных по ст. 19.6 КоАП РФ — 8778*.

Сотрудники органов внутренних дел пресекли 40 правонарушений, 22 из них пресечено службой участковых уполномоченных полиции; 14 — подразделениями по исполнению административного законодательства; 4 — иными подразделениями**. В этот же период судебные органы рассмотрели 29 дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 19.6 КоАП РФ и направленных полицией, из них 4 прекращено: 1 — за истечением срока давности привлечения к ответственности; 3 — по иным обстоятельствам. Непосредственно органами внутренних дел согласно ст. 23.3 КоАП РФ рассмотрено 3 267 183 дела об административном правонарушении***.

Подобные показатели свидетельствуют о недостаточно распространенной практике документирования полицией противоправных деяний и привлечения виновных лиц к административной ответственности по ст. 19.6 КоАП РФ. Кроме того, в 2023 году имелись случаи прекращения производства по «реабилитирующим» обстоятельствам (2 дела из 4 за отсутствием события (состава) правонарушения), что может косвенно указывать, равно как и незначительное количество регистрируемых правонарушений, на недостатки в деятельности органов внутренних дел субъективного и (или) объективного свойства.

* Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://cdep.ru/>

** Сборник по России. Раздел 1. Сведения о пресеченных административных правонарушениях, предусмотренных КоАП РФ, за январь — декабрь 2024 года // Сервис ведомственной правовой статистики МВД России. URL: <https://svps.mvd.ru/>

*** Сборник по России. Раздел 2. Сведения о рассмотрении дел об административных правонарушениях за январь — декабрь 2024 года // Там же.

Автором настоящей статьи изучено более 300 постановлений, вынесенных по ст. 19.6 КоАП РФ, согласно которым представления были внесены органами внутренних дел, за период с 2012 по 2025 год. При этом большинство представлений внесено сотрудниками различных подразделений Госавтоинспекции, указавшими следующие наиболее распространенные причины и условия, способствовавшие совершению административных правонарушений: недостатки в очистке, содержании, оборудовании, эксплуатационном состоянии дорог, наличие дорожных знаков; выпуск транспортных средств на линию без организованного должным образом контроля; отсутствие тахографа и т.п. Далее следуют представления руководителей территориальных органов внутренних дел, согласно которым наиболее распространенные причины и условия, способствовавшие совершению административных правонарушений, — это нарушение особых требований и правил розничной продажи алкогольной и спиртосодержащей продукции (отсутствие товарно-транспортных накладных; реализация после 23:00 либо из нестационарного объекта торговли и т.п.).

Интересным и неоднозначным является пример о рассмотрении участковым уполномоченным полиции дела об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 20.20 КоАП РФ. В данном случае представление об устранении причин и условий, способствующих совершению административного правонарушения, вопреки порядку, закрепленному ст. 29.13 КоАП РФ, вносил начальник ОМВД России в адрес руководителя образовательной организации, на территории которой потребление спиртосодержащей продукции стало возможным в результате неконтролируемого передвижения посторонних людей****.

Размещенных в открытом доступе постановлений и решений по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 19.6 КоАП РФ, в которых

**** Постановление мирового судьи судебного участка N 48 Аяно-Майского района Хабаровского края от 18 июля 2018 г. N 5-69/2018 // Правосудие: государственная автоматизированная система Рос. Федерации. URL: <https://sudrf.ru/>

событие было бы связано с непринятием мер по внесенному участковым уполномоченным полиции представлению, обнаружено не было. Однако имеются единичные, достаточно уникальные постановления, которые необходимо распространять в деятельности полиции как положительный опыт.

Например, комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав по итогам рассмотрения дела об административном правонарушении, предусмотренном ст. 20.21 КоАП РФ, в отношении несовершеннолетнего учащегося техникума внесла представление директору образовательной организации, в котором содержались требования: о принятии мер по устранению причин и условий, способствовавших совершению правонарушения, и недопущению их впредь; принятии мер по ограничению доступа несовершеннолетних в места, нахождение детей в ночное время в которых не допускается; принятии мер к недопущению нарушений режима проживания в студенческом общежитии. По причине отсутствия сведений о рассмотрении представления в течение месяца со дня его получения директор был привлечен к ответственности по ст. 19.6 КоАП РФ. Настоящее решение было поддержано присутствовавшим в судебном заседании прокурором*.

Одно из объяснений отсутствия доступной практики привлечения виновных лиц к административной ответственности за бездействие в отношении представлений участковых уполномоченных полиции находится в результатах анкетирования сотрудников данной службы, выполненного ранее в рамках другого научного исследования [14, с. 3-4]. Анкеты были направлены в 85 субъектов Российской Федерации, причем в каждом из них для 40 участковых уполномоченных полиции (из городской и сельской местности).

На вопрос: «Укажите количество выявленных за 2020 год в ходе профилактического обхода причин и условий, способ-

ствующих совершению правонарушений, о которых Вы доложили непосредственному руководителю для последующего внесения представлений» — всего ответило 1210 участковых уполномоченных полиции. Наиболее распространенные ответы: 0 — 309 респондентов; 1 — 315 респондентов. Оставшееся количество ответов не представлялось возможным подсчитать, так как респонденты указали лишь обстоятельства, являющиеся, по их мнению, причинами и условиями: «ненадлежащая охрана», «нет сторожей», «нет освещения», «техукрепленность», «видеонаблюдение», «непринятие мер к охране», «распитие, алкоголь» и т.п.

Заключение

Опираясь на приведенные ранее сведения, следует обозначить авторскую позицию относительно детерминантов недолжной реализации одной из важнейших задач производства по делам об административных правонарушениях:

- часть административных правонарушений, обладающих невысокой степенью общественной вредности/опасности, в ряде случаев создает ложное представление относительно отсутствия необходимости установления способствующих их совершению причин и условий;

- недостаточно четкое разграничение и последующее использование терминологического аппарата в ведомственных нормативных актах, обуславливающее сложность его толкования отдельными сотрудниками;

- не всегда высокая квалификация правоприменителя, в том числе в части предупреждения административных правонарушений [15, с. 83], когда у отдельных участковых уполномоченных полиции представление ассоциируется только с мерами реагирования следователя или прокурора, а положения ст.ст. 24.1 и 26.1 КоАП РФ известны не в полном объеме;

- субъектная ограниченность возможности реагирования на причины и условия, способствовавшие совершению административного правонарушения (только субъект, рассматривающий соответствующее дело), в отличие от УПК РФ, на основании положений которого лицо, ведущее как досудебное, так и судебное производство, вправе внести представление;

* Постановление мирового судьи судебного участка N 1 в судебном районе Нарьян-Марского городского суда Ненецкого автономного округа от 23 дек. 2020 г. N 4-588/2020 // Правосудие: государственная автоматизированная система Рос. Федерации. URL: <https://sudrf.ru/>

— право вносить представления исключительно в адрес организаций и их должностных лиц;

— отсутствие в перечне показателей ведомственной статистической оценки результатов деятельности территориальных органов МВД России количества внесенных представлений по делам об административных правонарушениях и лиц, привлеченных к административной ответственности по ст. 19.6 КоАП РФ.

Для преодоления указанных детерминантов, носящих смешанный — организационно-правовой характер, и совершенствования деятельности участковых уполномоченных полиции по выявлению причин и условий, способствовавших совершению административных правонарушений, и принятию мер по их устранению следует:

1. Унифицировать в КоАП РФ и УПК РФ подход к предупреждению правонарушений. Как справедливо было отмечено авторами ранее, на практике различия причин и условий носят достаточно условный характер [4, с. 55]. В связи с этим целесообразно предложить использование термина «обстоятельства, способствовавшие совершению административного правонарушения».

Следует привести к общему знаменателю момент, с которого исчисляется срок рассмотрения представления (в УПК РФ — момент вынесения, в КоАП РФ — момент получения). В силу скоротечности сроков давности привлечения к административной ответственности представляется необходимым внести корректировки в ст. 29.13 КоАП РФ и исчислять один месяц для принятия мер по представлению со дня его вынесения.

Более детального научного осмысления требует инициатива о наделении правом вносить представления лиц, которые ведут производство по делу об административном правонарушении на стадиях возбуждения (в частности, вносить представление после составления протокола об административном правонарушении с целью предупреждения совершения новых противоправных деяний либо после прекращения производства по «нереабилитирующим» обстоятельствам — например, пп. 6 и 8 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ), пересмотра постановлений и решений.

Следует разделить озабоченность неопределенностью сроков подготовки и внесения представления [16, с. 133-134], его реквизитов [4, с. 56] и обязательных элементов содержания [17, с. 262-263], которую целесообразно устранить путем дополнения ст. 29.13 КоАП РФ.

2. Разработать и принять приказ МВД России, детализирующий порядок внесения представлений и осуществления контроля их рассмотрения. Подобный опыт имеется в деятельности иных правоохранительных органов*, но чаще всего он носит точечный характер по наиболее актуальным направлениям деятельности**.

При проектировании нормативного правового акта необходимо учитывать содержание ранее созданных документов*** в деятельности органов внутренних дел, в частности приказа МВД России от 4 марта 2020 г. N 119 «О некоторых вопросах объявления органами внутренних дел Российской Федерации официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия

* Об утверждении Порядка осуществления территориальными органами Федерального казначейства производства по делам об административных правонарушениях: приказ Федерального казначейства от 28 нояб. 2017 г. N 328; Об утверждении регламента подготовки и ведения дел об административных правонарушениях в центральном аппарате ФАС России: приказ ФАС России от 19 июля 2019 г. N 980/19. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** О мерах по противодействию экстремистской деятельности: приказ СК России от 12 июля 2011 г. N 109; Об усилении прокурорского надзора за исполнением законов при предупреждении, выявлении, раскрытии и расследовании преступлений в сфере лесопользования: указание Генпрокуратуры России от 9 июня 2014 г. N 307/36 // Там же.

*** О мерах по предупреждению общественно опасных действий лиц, страдающих психическими расстройствами: приказ Минздрава России, МВД России от 30 апр. 1997 г. N 133/269; Методические рекомендации по организации деятельности подразделений ГИБДД МВД России по техническому надзору: утв. МВД России 19 дек. 2012 г. N 13/5-8042. Доступ из специализированной территориально распределенной автоматизированной системы «Юрист».

для совершения преступлений, административных правонарушений, разрешение которых отнесено к компетенции полиции, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения»*.

До момента создания и принятия приказа МВД России целесообразно разработать методические рекомендации по порядку выявления, устранения причин и условий, способствовавших совершению административных правонарушений, по аналогии с иными органами**. Предлагается указать, что в каждом случае рассмотрения дела об административном правонарушении руководителям важно давать оценку принятым мерам по установлению и устранению обстоятельств, способствующих совершению административных правонарушений, в том числе с позиции их достаточности, обоснованности и выполнимости.

Следует отметить, что данная деятельность не всегда осуществлялась даже судебными органами, на что ранее прямо обращалось внимание***. Не исключено, что и в настоящее время, в силу высокой нагрузки на органы правосудия, работе по устранению негативных факторов, отрицательно влияющих на состояние законности, может уделяться недостаточно внимания, поэтому целесообразно адаптировать советский опыт [18, с. 128]: для фиксации причин и условий, способствовавших совершению административного правонарушения, участковый уполномоченный полиции при направлении для рассмотрения дела по подведомственности готовит отдельный документ — пред-

ложения об устранении причин и условий, на основании которого, например, судья сможет внести представление. Альтернативный вариант — указание названных обстоятельств в разделе «иные сведения, необходимые для разрешения дела» протокола об административном правонарушении, как это ранее предлагал А.Н. Дерюга [3, с. 48-49].

3. Внести поправки в отдельные приказы МВД России в целях: включения в перечень показателей ведомственной статистической оценки результатов деятельности территориальных органов МВД России**** количества вынесенных представлений (предложений) по делам об административных правонарушениях и лиц, привлеченных к ответственности по ст. 19.6 КоАП РФ; установления обязанности первоначальной фиксации обстоятельств, способствующих совершению правонарушения (при их выявлении)*****; уточнения нормативной основы*****, понятийного аппарата и порядка действий участкового уполномоченного полиции в рамках КоАП РФ и иного административного законодательства*****.

Авторами отмечается потребность в корректировке показателей статистической оценки результатов деятельности и в иных правоохранительных органах, подтверждая общую проблематику. Например, Т.Г. Бородинова и В.В. Бородинов одним

* Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

** Методические рекомендации по порядку привлечения к административной ответственности лиц, совершивших административные правонарушения, отнесенные к подведомственности ФССП России: утв. ФССП России 4 июня 2012 г. N 07-12. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

*** О повышении роли судов в выполнении требований закона, направленных на выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступлений и других правонарушений: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 сент. 1987 г. N 5 // Там же.

**** Вопросы оценки деятельности территориальных органов МВД России: приказ МВД России от 31 дек. 2013 г. N 1040.

***** Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах МВД России заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях: приказ МВД России от 29 авг. 2014 г. N 736. Доступ из специализир. территориально распределенной автоматизир. системы «Юрист».

***** О некоторых организационных вопросах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по профилактике правонарушений: приказ МВД России от 24 авг. 2023 г. N 619.

***** О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности: приказ МВД России от 29 марта 2019 г. N 205.

из препятствий для полного включения судей в профилактику преступлений называют отсутствие достойного места в системе основных критериев оценки деятельности количества вынесенных частных постановлений (определений) [19, с. 102].

4. Подготовить обобщенные выводы Пленума Верховного Суда Российской Федерации для обеспечения единообразия судебной практики с разъяснением вопросов, возникающих при выявлении обстоятельств, способствующих совершению административных правонарушений, и реагировании на них, а также при рассмотрении дел об административных правонарушениях, квалифицируемых по ст. 19.6 КоАП РФ. Ранее роль органов правосудия отмечалась высшей инстанцией, но либо в направлениях общего совершенствования предупредительной деятельности*, либо в связи с выполнением отдельных юрисдикционных полномочий в весьма

* О повышении роли судов в выполнении требований закона, направленных на выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступлений и других правонарушений: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 сент. 1987 г. N 5; О практике вынесения судами частных определений (постановлений): постановление Пленума Верховного Суда СССР от 29 сент. 1988 г. N 11. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

кратком варианте**. В настоящее время этого недостаточно.

5. Повысить качество подготовки не только участковых уполномоченных полиции, но в целом каждого сотрудника органов внутренних дел, мотивировать их к постоянному процессу профессионального саморазвития.

Таким образом, перечень административных правонарушений, дела о которых может рассматривать участковый уполномоченный полиции, не является значительным, но при более внимательном подходе к установлению причин и условий, способствовавших совершению административных правонарушений, и отражению их как предложений в материалах дел, возбужденных им согласно п. 1 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ, качество профилактики, вероятнее всего, существенно улучшится.

Предложенные корректировки положений КоАП РФ и приказов МВД России позволят раскрыть потенциал одного из главных субъектов профилактики – участкового уполномоченного полиции, который в настоящее время реализован не в полной мере.

** О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении КоАП РФ: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. N 5 // Там же.

Список источников

1. Концептуальные основы административной деликтологии / А.В. Куракин, М.В. Костенников, Е.В. Трегубова, Н.П. Мышляев // Административное и муниципальное право. 2015. N 6. С. 563-574.
2. Куракин А.В., Костенников М.В., Мышляев Н.П. Причины и условия совершения административных правонарушений (деликтов) // Административное и муниципальное право. 2015. N 7. С. 676-683.
3. Дерюга А.Н. Концептуально-прикладные основы развития административной деликтологии: автореферат дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.14. Москва, 2012. 60 с.
4. Хмара А.М., Дрозд А.О., Шамрай В.Н. Представление как средство борьбы с административными правонарушениями в деятельности органов внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. N 3. С. 53-58.
5. Кызылов М.А., Татарян Е.Е., Татарян В.Г. Представление об устранении причин и условий, способствующих совершению административных правонарушений и преступлений ОВД Казахстана // Вестник Московского университета МВД России. 2017. N 5. С. 66-69.
6. Изингер А.В., Мельникова О.А. Административно-юрисдикционная деятельность участкового уполномоченного полиции: учебно-практическое пособие. Тюмень: Тюменский ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России, 2024. 84 с.
7. Карицкая А.А. Дефекты механизма профилактики административных правонарушений в контексте реформы контрольно-надзорной деятельности // Журнал российского права. 2024. T. 28. N 7. С. 148-160.

8. Садиокова У.В. Об эффективности реализации лицом, производящим расследование, права внесения представления об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступления // Академическая мысль. 2021. N 4. С. 105-108.

9. Беляева С.О., Зашляпин Л.А. Выявление обстоятельств, способствовавших домашнему насилию: понимание, реализация // Legal Bulletin. 2024. N 3. С. 68-82.

10. Черепанова Л.В., Торков А.А. Деятельность следователя (дознателя) и участкового уполномоченного полиции по вынесенному представлению о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2021. N 1. С. 18-21.

11. Мельникова О.А. Развитие научных идей о внесении следователем представления об устранении причин и условий, способствовавших совершению преступления (к 100-летию со дня рождения Г.М. Миньковского) // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. N 3. С. 82-87.

12. Кызылов М.А., Ким Д.А. К вопросу об учете вынесенных представлений по устранению причин и условий, способствующих совершению административных правонарушений // Вестник Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан. 2017. N 2. С. 44-49.

13. Десятова О.В., Изингер А.В. Профилактика семейно-бытового насилия в деятельности участкового уполномоченного полиции (к 100-летию со дня образования службы участковых уполномоченных полиции) // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2023. N 2. С. 4-10.

14. Расчет рабочего времени участкового уполномоченного полиции по основным направлениям деятельности: методические рекомендации / А.Г. Гришаков, Я.Е. Верхоглядов, А.А. Гайдуков [и др.]. Барнаул: Барнаульский юрид. ин-т Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. 44 с.

15. Алиуллов Р.Р. О некоторых аспектах обеспечения личной и общественной безопасности полицией // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2012. N 4. С. 80-84.

16. Решетников В.Н., Григорьев С.А. Актуальные проблемы правового регулирования внесения представлений об устранении причин и условий, способствовавших совершению административных правонарушений в сфере защиты Государственной границы // Военное право. 2021. N 4. С. 131-136.

17. Андреева Е.Ю., Быкадорова Е.В. Актуальные вопросы внесения представлений о принятии мер по устранению причин и условий, способствующих совершению административных правонарушений // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: сборник статей по материалам междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 27 марта 2020 г. Санкт-Петербург: С.-Петерб. ун-т Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. С. 260-263.

18. Сборник образцов административно- и уголовно-процессуальных документов / под ред. Н.М. Жданова. Омск: Высшая школа милиции МВД РСФСР, 1991. 256 с.

19. Бородинова Т.Г., Бородинов В.В. К вопросу об участии суда в процессе профилактики совершения преступлений и нарушений прав и свобод граждан // Общество: политика, экономика, право. 2018. N 12. С. 100-104.

References

1. Kurakin A.V., Kostennikov M.V., Tregubova E.V., Myshlyaev N.P. Conceptual foundations of administrative delictology. Administrative and municipal law, 2015, no. 6, pp. 563-574. (In Russ.).

2. Kurakin A.V., Kostennikov M.V., Myshlyaev N.P. Causes and conditions of administrative offenses (torts). Administrative and municipal law, 2015, no. 7, pp. 676-683. (In Russ.).

3. Deryuga A.N. Conceptual and applied foundations of the development of administrative delictology. Autoabstract Doct. Diss. Moscow, 2012. 60 p. (In Russ.).

4. Hmara A.M., Drozd A.O., Shamray V.N. Representation as a means of combating administrative offenses in the activities of internal affairs bodies. Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017, no. 3, pp. 53-58. (In Russ.).

5. Kyzlyov M.A., Tataryan E.E., Tataryan V.G. The idea of eliminating the causes and conditions conducive to the commission of administrative offenses and crimes of the Ministry of Internal Affairs of Kazakhstan. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017, no. 5, pp. 66-69. (In Russ.).

6. Izinger A.V., Mel'nikova O.A. Administrative and jurisdictional activities of the district police commissioner. Tyumen, Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024. 84 p. (In Russ.).

7. Karitskaya A.A. Defects of the mechanism of prevention of administrative offenses in the context of the reform of control and supervisory activities. Journal of Russian Law, 2024, vol. 28, no. 7, pp. 148-160. (In Russ.).

8. Sadiokova U.V. On the effectiveness of the implementation by the person conducting the investigation of the right to submit a submission on the elimination of circumstances that contributed to the commission of a crime. Academic thought, 2021, no. 4, pp. 105-108. (In Russ.).

9. Belyaeva S.O., Zashlyapin L.A. Identification of circumstances that contributed to domestic violence: understanding, implementation. Legal Bulletin, 2024, no 3, pp. 68-82. (In Russ.).

10. Cherepanova L.V., Torovkov A.A. Activity of the investigator (inquirer) and the district police commissioner on the proposal to take measures to eliminate the circumstances that contributed to the commission of a crime. Bulletin of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021, no. 1, pp. 18-21. (In Russ.).

11. Mel'nikova O.A. The development of scientific ideas on the introduction by the investigator of the idea of eliminating the causes and conditions that contributed to the commission of a crime (to the 100th anniversary of the birth of G.M. Minkovsky). Legal Science and Law Enforcement Practice, 2023, no. 3, pp. 82-87. (In Russ.).

12. Kyzyllov M.A., Kim D.A. On the issue of accounting for submissions on the elimination of causes and conditions conducive to the commission of administrative offenses. Bulletin of the Academy of Law Enforcement Agencies at the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, 2017, no. 2, pp. 44-49. (In Russ.).

13. Desyatova O.V., Izinger A.V. Prevention of domestic violence in the activities of the district police commissioner (on the occasion of the 100th anniversary of the formation of the district police commissioner service). Bulletin of the Tyumen Institute for Advanced Training of employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023, no. 2, pp. 4-10. (In Russ.).

14. Grishakov A.G., Verkhoglyadov Ya.E., Gaydukov A.A. [i dr.]. Calculation of the working time of the district police commissioner in the main areas of activity. Barnaul, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2022. 44 p. (In Russ.).

15. Aliullov R.R. On some aspects of ensuring personal and public safety by the police. Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2012, no. 4, pp. 80-84. (In Russ.).

16. Reshetnikov V.N., Grigor'ev S.A. Actual problems of legal regulation of introducing ideas on eliminating the causes and conditions that contributed to the commission of administrative offenses in the field of State border protection. Military law, 2021, no. 4, pp. 131-136. (In Russ.).

17. Andreeva E.Yu., Bykadorova E.V. Actual issues of introducing ideas on taking measures to eliminate the causes and conditions conducive to the commission of administrative offenses. Actual problems of administrative and administrative procedural law. St. Petersburg, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2020. Pp. 260-263. (In Russ.).

18. Collection of samples of administrative and criminal procedure documents. Omsk, Higher School of Militia of the Ministry of Internal Affairs of the RSFSR, 1991. 256 p. (In Russ.).

19. Borodina T.G., Borodin V.V. On the issue of the participation of the court in the prevention of crimes and violations of the rights and freedoms of citizens. Society: politics, economics, law, 2018, no. 12, pp. 100-104. (In Russ.).

Раздел 4. Уголовный закон

Научная специальность: 5.1.4

К вопросу о необходимости внесения изменений в часть 5 статьи 171.1 Уголовного кодекса Российской Федерации

Сергей Петрович Бондарев,

кандидат юридических наук, Ставропольский филиал Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации, Ставрополь, Россия, serzh.bondarev.1983@bk.ru

Елена Александровна Миллерова,

кандидат юридических наук, доцент, Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Россия, MillerovyEVEA@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8628-5657>

Аннотация. Статья посвящена анализу проблемных вопросов квалификации нарушений, связанных с производством, приобретением, хранением, перевозкой в целях сбыта или продаж табачной и (или) никотинсодержащей продукции, возникших после вступления в силу Постановления Правительства Российской Федерации от 30 августа 2024 г. N 1188. Отмечается, что правовая неопределенность, связанная с противоречием некоторых норм данного постановления части 5 статьи 171.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, повышает риск необоснованного возбуждения уголовных дел, негативно влияет на доверие к системе правосудия. Для устранения выявленных противоречий авторами статьи предложен ряд мер по совершенствованию уголовного законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: уголовная ответственность, незаконное предпринимательство, незаконный оборот табачной продукции, немаркированная табачная продукция, квалифицирующие признаки незаконного оборота продукции

Для цитирования: Бондарев С.П., Миллерова Е.А. К вопросу о необходимости внесения изменений в часть 5 статьи 171.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2025. N 4 (74). С. 57-63.

On the issue of the need for amending Part 5 of Article 171.1 of the Criminal Code of the Russian Federation

Sergey P. Bondarev,

Candidate of Legal Sciences, Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Stavropol, Russia, serzh.bondarev.1983@bk.ru

Elena A. Millerova,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russia, MillerovyEVEA@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8628-5657>

Abstract. The article analyzes the problematic issues on qualifying the violations related to production, acquisition, storage, transportation for distribution or sale of tobacco and/or nicotine-containing products, arisen after the entry into force of the Russian Federation Government Resolution of August 30, 2024 No. 1188. It is noted that the legal uncertainty associated with the contradiction between certain provisions of this resolution and Part 5 of Article 171.1 of the Criminal Code of the Russian Federation increases the risk of unfounded criminal prosecutions and also negatively impacts the trust in the justice system. In order to eliminate the identified contradictions, the authors propose a number of measures to improve the criminal legislation and law enforcement practice.

Keywords: criminal liability, illegal entrepreneurship, illegal tobacco products trafficking, unmarked tobacco products, qualifying elements of illegal product trafficking

For citation: Bondarev S.P., Millerova E.A. On the issue of the need for amending Part 5 of Article 171.1 of the Criminal Code of the Russian Federation // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2025. No. 4 (74). P. 57-63.

Введение

В российской правовой системе вопросы, касающиеся оборота товаров и регуляции торговли, представляют значительную сложность, поскольку возникают на «пересечении» административного, хозяйственного и уголовного права. Одним из ключевых направлений в этой области является уголовная ответственность за незаконное предпринимательство, особенно в контексте производства и распространения табачных изделий. Например, ч. 5 ст. 171.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) вводит строгие меры ответственности за нарушения, связанные с оборотом табачной продукции. Данная статья «акцентирует внимание» на обязанности по соблюдению условий, включая использование специальных марок, что направлено на защиту здоровья населения и контроль за легальностью рынка.

Постановление Правительства Российской Федерации 30 августа 2024 г. N 1188 «Об особенностях изготовления специальных марок, заказанных производителями табачной продукции до 1 сентября 2024 г., их приобретения, маркировки ими табачной продукции, учета и уничтожения поврежденных специальных марок, специальных марок, не соответствующих требованиям к образцам специальных марок, особенностях их идентификации»* (далее – Постановление Правительства РФ N 1188) содержит положения, которые закрепляют требования к табачной продукции, а также условия ее реализации. Документ устанавливает порядок допуска продукции в гражданский оборот и определяет ответственность участников рынка за допущенные нарушения. Вместе с тем некоторые его нормы вступили в противоречие с положениями ч. 5 ст. 171.1 УК РФ. Данное противоречие связано с определением квалифицирующих признаков незаконного оборота товаров, подлежащих

обязательной маркировке либо соответствующих требованиям.

Возникшее несоответствие не сводится к техническим или формальным аспектам, а затрагивает фундаментальные принципы российского права, включая иерархию нормативных правовых актов, принцип правовой определенности и единство правоприменительной практики. Коллизии между различными актами способны вызвать правовую неопределенность и затруднения в их применении, что может негативно отразиться как на защите прав потребителей, так и на интересах добросовестных участников рынка.

В связи с этим особую значимость приобретает согласованность норм различных источников права. Для обеспечения эффективного правоприменения и минимизации правовых коллизий необходим системный и комплексный подход к реформированию законодательства в сфере регулирования торговой деятельности. Это позволит сформировать более устойчивую и предсказуемую правовую среду, что, в свою очередь, является ключевым условием для стабильного развития рынка и надлежащей защиты общественных интересов.

В настоящей статье представлен всесторонний научный анализ выявленного противоречия и определены возможные пути его разрешения.

Основная часть

В последние годы отмечается существенное увеличение количества преступлений, связанных с незаконным производством и оборотом табачных изделий, что подтверждается официальной статистической информацией.

По данным Государственной информационной системы мониторинга, на территории Российской Федерации во II квартале 2025 года легально произведены и нанесены средства идентификации на 2,53 млрд пачек сигарет (или 50,5 млрд штук сигарет), что на 7,0 % больше, чем в I квартале 2025 года (2,36 млрд пачек, или 47,2 млрд штук сигарет), и на 0,6 % меньше, чем во II квартале 2024 года (2,54 млрд

* Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

пачек, или 50,8 млрд штук сигарет). Всего за 6 месяцев 2025 года было произведено и промаркировано 4,89 млрд пачек сигарет, или 97,8 млрд штук сигарет, что на 0,5 % меньше аналогичного периода 2024 года (4,91 млрд пачек сигарет, или 98,2 млрд штук сигарет).

Во II квартале 2025 года фактически осуществляли деятельность 26 производителей сигарет, 2049 организаций оптовой торговли. Сигареты производились в 17 субъектах Российской Федерации, преимущественно в Санкт-Петербурге, Ленинградской, Волгоградской и Ростовской областях. В Дальневосточном и Уральском федеральных округах сигареты не производились*. При этом объем потребления нелегально произведенных сигарет оценивается в 227,7 млн пачек, что на 1,6 % больше, чем в I квартале 2025 года (224,2 млн пачек), и на 12,5 % меньше, чем во II квартале 2024 года (260,3 млн пачек). Всего за I полугодие 2025 года объем потребления нелегально произведенных сигарет составил 451,9 млн пачек, что на 12,3 % меньше, чем за аналогичный период 2024 года (515,2 млн пачек)**.

Объем ежегодного теневого производства сигарет в Российской Федерации составляет около 24 млрд штук, что соответствует примерно 5 % от общего объема производства табачной продукции. Вследствие этого потери бюджета ежегодно составляют более 150 млрд рублей***.

Фальсифицированные табачные изделия, созданные с использованием современного оборудования, практически неотличимы от произведенных легально, что усложняет работу правоохранительных органов. Согласно результатам исследования Научного национального центра компетенций в сфере противодействия незаконному

обороту промышленной продукции, каждая девятая пачка сигарет в Российской Федерации является нелегальной****. Установленная частью 5 ст. 171.1 УК РФ уголовная ответственность за незаконное предпринимательство в сфере табачной продукции направлена на предупреждение и пресечение таких преступлений.

С целью борьбы с нелегальной табачной продукцией были отменены традиционные специальные марки, использовавшиеся для обозначения легально произведенной табачной продукции и наносившиеся на упаковки сигарет и других табачных изделий, и предусмотрена новая форма маркировки, предполагающая использование уникальных цифровых кодов, которые наносятся на каждую единицу табачной продукции и содержат информацию о производителе, дате производства, а также о других характеристиках товара. Таким образом обеспечивается более высокая степень защиты от подделок и упрощается процесс отслеживания товаров на всех этапах их обращения — от производства до продажи.

Постановление Правительства РФ N 1188 также определяет новый порядок получения и использования средств идентификации, что связано с необходимостью интеграции современных технологий в существующую инфраструктуру.

Еще одной важной особенностью переходного периода является необходимость обеспечения совместимости новых систем с уже существующими и, как следствие, одновременное присутствие на рынке табачных изделий, маркированных по старым и новым стандартам (законодательно переходное время было установлено до 1 ноября 2025 г.). При этом участники рынка могут реализовывать табачную продукцию со специальными марками, нанесенными не позднее 1 июля 2025 г. Данное обстоятельство создает дополнительные сложности для правоохранительных органов.

С учетом вступившего в силу Постановления Правительства Российской Федерации от 30 августа 2024 г. N 1187 «Об особенностях изготовления акцизных марок, заказанных импортерами табач-

* Обзор состояния розничных рынков продаж табачной продукции в субъектах Российской Федерации за II квартал 2025 года // Государственная информационная система промышленности: официальный сайт. URL: <https://gisp.gov.ru/>

** Там же.

*** Потери бюджета из-за нелегального оборота табачной и никотинсодержащей продукции ежегодно превышают 150 млрд рублей // Интерфакс: сайт. URL: <https://www.interfax.ru/>

**** URL: <https://itms.ru/products/>

ной продукции до 1 сентября 2024 г., их приобретения, маркировки ими табачной продукции, учета и уничтожения поврежденных акцизных марок, акцизных марок, не соответствующих требованиям к образцам акцизных марок» Федеральная таможенная служба прекратила с 1 сентября 2024 г. прием и рассмотрение заявлений о выдаче акцизных марок, предоставляемых в порядке, предусмотренном п. 2 Постановления Правительства Российской Федерации от 15 июня 2024 г. N 804 «Об особенностях маркировки ввозимой в Российскую Федерацию табачной продукции и осуществлении контроля за оборотом табачной продукции», поданных после 31 августа 2024 г.*

Применение данной нормы предполагает четкое понимание того, что именно относится к немаркированным табачным изделиям, а также требований, предъявляемых к специальным маркам. С принятием Постановления Правительства РФ N 1188 в правоприменительной практике возникли существенные противоречия.

Постановление Правительства РФ N 1188 также определяет новый порядок получения и использования средств идентификации, устанавливает требования к техническим характеристикам маркировочных элементов и порядок их контроля. Важным нововведением является создание единой информационной системы мониторинга за оборотом табачной продукции, которая должна обеспечить «прослеживаемость» товара на всех этапах его движения от производителя до конечного потребителя.

Именно в этот переходный период возникает основное противоречие требованиям уголовного законодательства, поскольку в ч. 5 ст. 171.1 УК РФ закреплены понятия, которые не в полной мере соответствуют новой системе маркировки [1, с. 56].

В соответствии с нормативной логикой Постановление Правительства РФ N 1188 направлено на детализацию федеральных положений в части организационно-технических аспектов оборота товаров. Однако указанное выше постановление, определяя исключения и особые

условия, фактически сужает сферу применения некоторых понятий, используемых в уголовном законе. В частности, введение специальных переходных периодов и «льготных» категорий товаров де-факто означает, что в течение льготного срока продукция, формально подпадающая под обязательную маркировку по федеральному закону, будет считаться допустимой к обороту без такой маркировки.

Это становится особенно «чувствительным» в отношении терминов «продукция без обязательной маркировки» и «продукция с поддельными средствами идентификации», имеющих ключевое значение для квалификации преступлений по ст. 171.1 УК РФ [2, с. 120]. При буквальном толковании Постановления Правительства РФ N 1188 предприниматель в период действия льготы не нарушает требования об обязательной маркировке. Однако буквальное толкование УК РФ может указывать на нарушение требований как на состав преступления, если исключения, содержащиеся в Постановлении Правительства РФ N 1188, не будут приняты во внимание.

В правовой системе Российской Федерации закреплён приоритет федерального закона над подзаконными актами. В части 5 ст. 76 Конституции Российской Федерации установлено требование о том, что в случае противоречия между федеральным законом и иным актом, изданным в Российской Федерации, действует федеральный закон**. УК РФ является федеральным законом и нормативным правовым актом прямого действия. Подзаконные акты, например постановления Правительства РФ, должны соответствовать федеральным законам, в том числе УК РФ.

Часть 5 ст. 171.1 УК РФ определяет уголовную ответственность за производство, приобретение, хранение, перевозку в целях сбыта или продажу алкогольной, табачной и (или) никотинсодержащей продукции без маркировки и (или) нане-

* Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

** Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Рос. газ. 1993. 25 дек.; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

сения информации, предусмотренной законодательством Российской Федерации, в случае, если такая маркировка и (или) нанесение такой информации обязательны, совершенные в крупном размере. Эта норма носит императивный характер и не может изменяться или ограничиваться подзаконным актом.

Постановление Правительства РФ N 1188 является актом, регулирующим порядок оборота отдельных категорий продукции, включая их маркировку, требования к документальному сопровождению и иные условия допуска на рынок. Проблема заключается в том, что постановление фактически определяет условия, при которых продукция признается «без обязательной маркировки», в ином или более узком объеме, чем это установлено ст. 171.1 УК РФ.

Основное противоречие между ч. 5 ст. 171.1 УК РФ и Постановлением Правительства РФ N 1188 заключается в разном подходе к требованиям маркировки табачной продукции.

Уголовное законодательство оперирует понятием «немаркированные табачные изделия», подразумевая под ними продукцию, не имеющую специальных марок, требование к установлению которых предусмотрено действующим законодательством. Между тем Постановление Правительства РФ N 1188 фактически исключает обращение традиционных специальных марок, внедряя заменяющую их систему цифровой идентификации Data Matrix [3, с. 299]. В результате возникает правовая неопределенность: табачные изделия, маркированные в соответствии с новыми правилами, при буквальном толковании уголовной нормы могут формально подпадать под категорию «немаркированных».

На практике это порождает существенные трудности при рассмотрении вопроса о возбуждении уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 171.1 УК РФ. Правоохранительные органы и суды вынуждены самостоятельно решать, отвечает ли новая система маркировки критериям уголовного закона. Следствием этого является отсутствие единообразия в применении норм права.

Особую сложность представляет оценка действий, совершенных в переходный период, когда на рынке одновременно присутствует продукция, маркированная в соответствии со старыми и с новыми требованиями. Производители и продавцы табачной продукции, которые добросовестно исполняют требования Постановления Правительства РФ N 1188, могут оказаться под угрозой уголовной ответственности в случае, если правоприменительные органы будут руководствоваться буквальным толкованием ч. 5 ст. 171.1 УК РФ.

В указанный переходный период правоприменительные органы вынуждены квалифицировать оборот табачной продукции, маркированной в соответствии с новыми требованиями, но не имеющей традиционных специальных марок. Это вызывает вопросы о правомерности действий как производителей, так и дистрибьюторов, что дополнительно усугубляет правовую неопределенность.

Другим важным аспектом противоречий является различие в подходах к определению субъектов ответственности. Уголовное законодательство устанавливает ответственность только для ограниченного круга лиц, тогда как новые требования к маркировке распространяются на более широкий круг участников оборота табачной продукции, включая производителей, дистрибьюторов и розничные точки. Это создает дополнительные сложности в правоприменительной практике и может привести к неправомерному привлечению к уголовной ответственности тех, кто действует в соответствии с новыми требованиями административного законодательства [4, с. 409].

По причине несогласованности норм уголовного и административного права в деятельности органов предварительного следствия возникают проблемы при квалификации действий участников табачного рынка. Буквальное толкование уголовно-правовых предписаний может привести к необоснованному возбуждению уголовных дел и, как следствие, подрыву доверия к системе правосудия и увеличению рисков для субъектов рынка. Требуется всесторонняя работа по согласованию нормативных положений рассматривае-

мых нормативных правовых актов с целью устранения правовых коллизий.

На момент подготовки настоящей статьи обширная судебная практика по применению Постановления Правительства РФ N 1188 в контексте ч. 5 ст. 171.1 УК РФ еще не была сформирована, что объясняется незначительным сроком действия документа. Однако аналогичные ситуации возникали и ранее, например при введении обязательной маркировки табачной продукции и обуви. В связи с этим имеется указание Верховного Суда Российской Федерации о том, что подзаконные акты, уточняющие порядок маркировки, не могут изменять сущностное содержание уголовно-правовых запретов*.

Заключение

Переходный период для внедрения новой системы маркировки табачной продукции установлен Постановлением Правительства РФ N 1188 с учетом объективной необходимости адаптации участников рынка к кардинально изменившимся требованиям. Данный период предусматривает поэтапное внедрение цифровых средств идентификации. Однако именно в это время возникает основное противоречие требованиям уголовного законодательства.

В диспозиции ч. 5 ст. 171.1 УК РФ содержатся понятия, которые не в полной мере соответствуют действующей системе маркировки. Наличие таких правовых расхождений негативно сказывается на деятельности правоохранительных органов, особенно органов предварительного следствия, в случае квалификации деяния по ч. 5 ст. 171.1 УК РФ. Правовая неопределенность способствует произвольному применению уголовно-правовых норм, что повышает риск нарушения прав граждан.

Для устранения выявленных противоречий между ч. 5 ст. 171.1 УК РФ и Постановлением Правительства РФ N 1188 необходимо принятие комплекса мер законодательного и правоприменительного характера:

1. Внесение изменений в уголовное законодательство. Цель — приведение его в соответствие с новыми требованиями к маркировке табачной продукции. Следует рассмотреть возможность изменения редакции ч. 5 ст. 171.1 УК РФ. Предлагается замена понятия «табачная и (или) никотинсодержащая продукция без маркировки» на более широкое понятие «табачные изделия, не соответствующие требованиям законодательства о маркировке». Такая универсальная формулировка позволит охватить различные системы маркировки. Она обеспечит долгосрочную актуальность уголовно-правовой нормы при последующих изменениях административных требований.

2. Альтернативным решением может стать принятие официальных разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Эти разъяснения должны касаться применения ч. 5 ст. 171.1 УК РФ в условиях действия новой системы маркировки табачной продукции и призваны обеспечить единообразное понимание требований уголовного закона всеми правоприменительными органами на территории страны.

3. Дополнительно должен быть проработан вопрос о введении дифференцированной ответственности в зависимости от характера нарушений маркировки. Представляется обоснованным выделение различных составов преступлений для случаев полного отсутствия маркировки, использования поддельных или недействительных маркировочных средств, а также нарушения порядка нанесения маркировки при сохранении ее подлинности.

4. Следует предусмотреть особенности квалификации деяний, связанных с оборотом табачной продукции с нарушенной целостностью маркировочных средств. Это относится к случаям повреждения, уничтожения или видоизменения элементов маркировки в процессе транспортировки, хранения или реализации товара.

5. Целесообразно рассмотреть возможность введения специальных норм об ответственности за изготовление, распространение или использование поддельных средств маркировки табачной продукции. Данные деяния представляют повышенную общественную опасность, поскольку создают условия для массового нарушения требований законодательства о маркировке.

* О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 апр. 2007 г. N 14. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Список источников

1. Жук О.Д. Об уголовной ответственности за совершение преступлений в сфере производства и оборота алкогольной и табачной продукции // Законодательство. 2024. N 12. С. 55-58.
2. Коренная А.А. Дискуссионные вопросы уголовной ответственности за производство, приобретение, хранение, перевозку или сбыт товаров и продукции без маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством (ст. 171.1 УК РФ) // Журнал прикладных исследований. 2024. N 5. С. 116-123.
3. Чернев Р.С. Направления развития администрирования акцизов в отношении табачной и никотиносодержащей продукции при переходе на цифровую маркировку // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. N 9-5. С. 299-302.
4. Рыкова И.Н., Губанов Р.С., Юрьева А.А. Состояние внешнеторговой деятельности на рынке табака в условиях угроз нелегального товарооборота в России // Международная экономика. 2025. N 5. С. 409-421.

References

1. Zhuk O.D. On criminal liability for crimes in the sphere of production and turnover of alcohol and tobacco products. Legislation, 2024, no. 12, pp. 55-58. (In Russ.).
2. Korennaya A.A. Controversial issues of criminal liability for the production, acquisition, storage, transportation or sale of goods and products without labeling and (or) applying information provided for by law (art. 171.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). Journal of Applied Research, 2024, no. 5, pp. 116-123. (In Russ.).
3. Chernev R.S. Directions for the development of excise tax administration in relation to tobacco and nicotine-containing products during the transition to digital labeling. International Journal of Humanities and Natural Sciences, 2024, no. 9-5, pp. 299-302. (In Russ.).
4. Rykova I.N., Gubanov R.S., Yur'eva A.A. The state of foreign trade activity in the tobacco market in the context of threats of illegal trade in Russia. International economics, 2025, no. 5, pp. 409-421. (In Russ.).

Вклад авторов:

Бондарев С.П. – идея, определение основных направлений исследования, сбор эмпирического материала, написание статьи;
Миллерова Е.А. – сбор и обработка материала, написание статьи, формулирование итоговых выводов.

Contribution of the authors:

Bondarev S.P. – idea of the study, determining the main directions of the research, collecting the empirical material, writing the text of the article;
Millerova E.A. – collecting and processing the material, writing the text of the article, formulating the final conclusions.

Научная специальность: 5.1.4, 5.1.2

Пособия, предоставляемые семьям с детьми, как мера социальной поддержки и предмет преступного посягательства

Сергей Дмитриевич Захарчук,

кандидат юридических наук, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Тюмень, Россия, sergey-zahar@mail.ru

Ольга Александровна Мельникова,

Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Тюмень, Россия, olstarczewa@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена понятию и предназначению социальных пособий, в том числе предоставляемых семьям с детьми, а также проблемам реализации социальной политики государства. Исследуются вопросы, связанные с преступным посягательством на социальные пособия, которое относится к специальному составу мошенничества и отличается от общего состава объемом факультативных признаков и их содержанием. На основе анализа нормативных правовых актов, материалов судебной практики авторами определяется предмет хищения, квалифицируемого по статье 159.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, выявляются его признаки. Обосновывается вывод о целесообразности усиления ответственности за совершение рассматриваемого преступления с учетом его характера и степени общественной опасности.

Ключевые слова: социальные пособия, поддержка семей с детьми, мошенничество, мошенничество при получении выплат, хищение, предмет преступного посягательства

Для цитирования: Захарчук С.Д., Мельникова О.А. Пособия, предоставляемые семьям с детьми, как мера социальной поддержки и предмет преступного посягательства // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2025. N 4 (74). С. 64-72.

Benefits provided to families with children as a social support measure and a subject of a criminal assault

Sergey D. Zakharchuk,

Candidate of Legal Sciences, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Tyumen, Russia, sergey-zahar@mail.ru

Olga A. Melnikova,

Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Tyumen, Russia, olstarczewa@yandex.ru

Abstract. The article focuses on the concept and purpose of social benefits, including those provided to families with children, as well as on the implementation of state social policy. The issues related to criminal assaults on social benefits, that fall under the special fraud components and differ from the general components in the scope and content of optional elements, are studied. The subject of theft under Article 159.2 of the Criminal Code of the Russian Federation is defined and its signs are identified by the authors based on the analysis of the regulatory legal acts and the materials of judicial practice. The conclusion on the appropriateness of increasing the responsibility for committing this type of crime, taking into account its nature and the degree of public danger, is substantiated.

Keywords: social benefits, support for families with children, fraud, entitlement fraud, theft, subject of criminal assault

For citation: Zakharchuk S.D., Melnikova O.A. Benefits provided to families with children as a social support measure and a subject of a criminal assault // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2025. No. 4 (74). P. 64-72.

Социальные пособия — осуществляемые в установленных законом случаях выплаты в денежном исчислении гражданам, относящимся к социально уязвимым группам населения, производимые ежемесячно, периодически или единовременно, целью которых является возмещение на безвозмездной основе (полностью либо частично) временно утраченного заработка или оказание материальной помощи [1, с. 160].

Как неоднократно подчеркивал Президент Российской Федерации В.В. Путин, поддержка населения и выполнение социальных обязательств перед гражданами остается безусловным приоритетом для государства. Например, в 2024 году Фонд пенсионного и социального страхования Российской Федерации (далее — Социальный фонд России, СФР) назначил единое пособие на 2,7 млн детей до 17 лет и 44,4 тыс. беременных женщин*.

Вместе с тем исследователи отмечают ряд проблем в сфере социальной поддержки населения. В частности, М.Л. Лебедева указывает, что размер пособий, как правило, является малозначительным, не влияющим на улучшение материального положения его получателя. Более того, имеющаяся система социальных пособий «...не способна адекватно реагировать на складывающуюся экономическую ситуацию в стране» [2, с. 212].

При этом меры социальной поддержки семей в настоящее время остаются значимыми, поскольку напрямую связаны с рождаемостью, защитой семьи и детства, реализацией семьей своих общественно значимых функций. М.Л. Лебедева подчеркивает, что социально-демографическая ситуация, сложившаяся на современном этапе развития государства, свидетельствует о повышенной значимости института материнства и детства, и это обуславливает необходимость создания системы социальной защиты, четко определенной федеральным законодательством [2, с. 211].

Т.А. Семенюк в качестве цели пособий, выплачиваемых государством, так-

же называет создание благоприятных социальных условий для рождения детей, улучшение демографической ситуации в стране. По мнению указанного автора, подобный подход, связанный с выплатой пособий в период беременности (женщине) и после родов (одному из родителей, опекуну, усыновителю или приемному родителю), является частью государственных мер, направленных на охрану материнства и поддержку семей с детьми [3, с. 747].

Проводимая в обозначенном направлении политика государства соответствует ст.ст. 7, 31, 38, 39 Конституции Российской Федерации. Кроме того, Президент Российской Федерации В.В. Путин неоднократно акцентировал внимание общественности на значимости социального обеспечения граждан, имеющих детей, подчеркивая, что многодетность должна стать в России нормой и образом жизни для всех ее народов [3, с. 748].

В настоящее время в Российской Федерации предусмотрены следующие виды пособий гражданам, имеющим детей:

1. Установленные Федеральным законом от 19 мая 1995 г. N 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей»** (далее — Федеральный закон «О государственных пособиях»):

1.1. Единовременное пособие при рождении ребенка.

1.2. Единовременное пособие при передаче ребенка на воспитание в семью.

1.3. Единовременное пособие беременной жене военнослужащего, проходящего военную службу по призыву.

1.4. Пособие по беременности и родам.

1.5. Ежемесячное пособие в связи с рождением и воспитанием ребенка.

1.6. Ежемесячное пособие по уходу за ребенком до 1,5 лет.

1.7. Ежемесячное пособие на ребенка военнослужащего, проходящего военную службу по призыву.

2. Установленные Федеральным законом от 29 декабря 2006 г. N 256-ФЗ «О дополнительных мерах государствен-

* Соцфонд назначил единое пособие на 2,7 млн детей и более 44 тыс. беременных женщин с начала года // Соцфонд России: официальный сайт. URL: <http://sfr.gov.ru>

** О государственных пособиях гражданам, имеющим детей: федер. закон от 19 мая 1995 г. N 81-ФЗ: ред. от 23 июля 2025 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. N 21. Ст. 1929; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

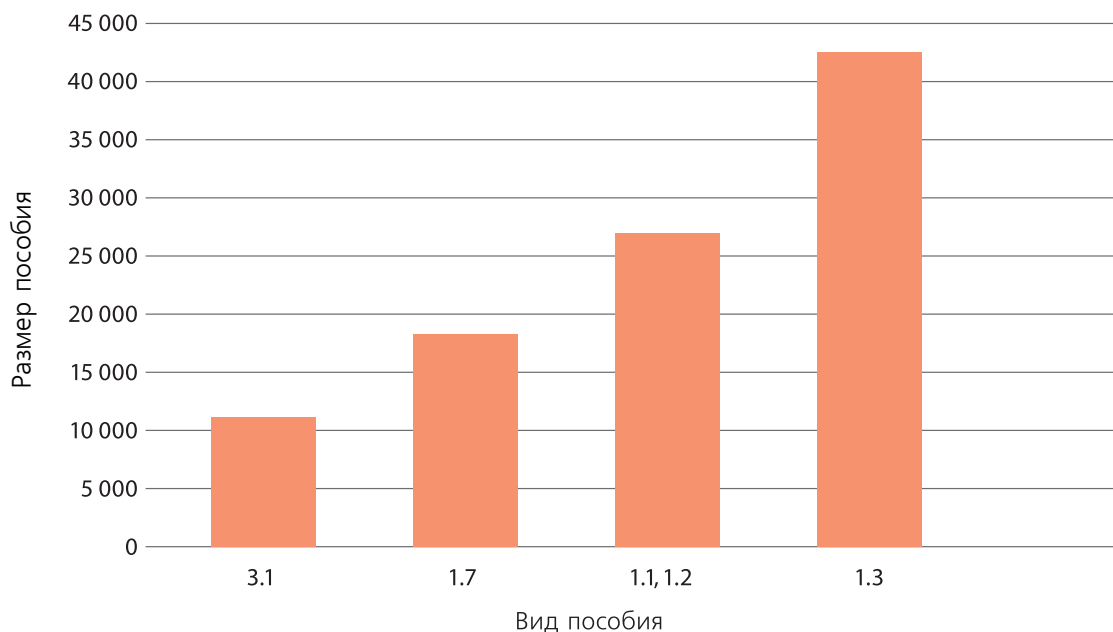

Рис. 1. Размеры выплачиваемых в 2025 году государственных пособий гражданам, имеющим детей***

ной поддержки семей, имеющих детей*» (далее — Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки»):

2.1. Материнский капитал.

3. Установленные Указом Президента Российской Федерации от 26 февраля 2013 г. N 175 «О ежемесячных выплатах лицам, осуществляющим уход за детьми-инвалидами и инвалидами с детства I группы**»:

3.1. Ежемесячная выплата лицам, осуществляющим уход за ребенком-инвалидом до 18 лет или инвалидом с детства I группы.

4. Иные выплаты на ребенка, установленные в субъекте Российской Федерации.

Следует рассмотреть некоторые из них.

Единовременное пособие при рождении ребенка предназначено для всех семей и не зависит от уровня дохода семьи и количества детей. Право на пособие имеет один из родителей, опекун, усыновитель или приемный родитель (ст. 11 Федерального закона «О государственных пособиях»). При рождении двух и более детей пособие выплачивается на каждого ребенка. Если работают оба родителя, то получить выплату может любой из них. Если трудоустроен только один из родителей, то пособие выплачивается ему. В случае расторжения брака право на единовременное пособие предоставляется ро-

* О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей: федер. закон от 29 дек. 2006 г. N 256-ФЗ: ред. от 31 июля 2025 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. N 1 (ч. I). Ст. 1929; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

** О ежемесячных выплатах лицам, осуществляющим уход за детьми-инвалидами и инвалидами с детства I группы: указ Президента Российской Федерации от 26 февр. 2013 г. N 175: ред. от 29 дек. 2024 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

*** Диаграмма не отражает показатели, имеющие двойное и более исчисление. Например, материнский капитал (2.1): 690 266,95 руб. — на первого ребенка; 912 162,09 руб. — на второго ребенка; 221 895,14 руб. — при рождении второго ребенка, если семья ранее уже получала материнский капитал; ежемесячное пособие по уходу за ребенком до 1,5 лет (1.6): минимальный размер — 10 103,83 руб., максимальный размер — 68 995,48 руб. и т.п.

дителю, совместно с которым проживает ребенок.

Процессуальный порядок получения пособия напрямую связан с наличием трудовых отношений у родителей ребенка. В частности, при выплате пособия работающим гражданам Социальный фонд России самостоятельно запрашивает необходимую информацию (о трудоустройстве родителей, о том, что пособие на данного ребенка не было назначено ранее, о расторжении брака и др.). Таким образом, подавать заявление в СФР о выплате единовременного пособия при рождении ребенка необходимо только неработающим гражданам.

Несмотря на простоту и понятность процедуры получения указанного вида пособия, исследователи выделяют ряд проблем. Например, Т.А. Семенюк указывает, что для женщины беременность, рождение ребенка связаны со следующими обстоятельствами, требующими особой правовой защиты: снижение активности, в том числе в трудовой деятельности, снижение уровня дохода, увеличение расходов. Анализируя указанные обстоятельства, автор приходит к выводу о том, что пособие не выполняет своей функции — компенсации заработка [3, с. 755].

В качестве путей решения обозначенной проблемы Т.А. Семенюк формулирует несколько предложений (в большей степени касающихся работодателей):

- максимальный и минимальный размер пособия, которое можно получить в отпуске по уходу за ребенком, целесообразно устанавливать исходя из показателей экономического развития региона;

- на работодателя должна возлагаться обязанность по увеличению доступности для сотрудников, находящихся в отпуске по беременности и родам, информации по правовым и финансовым вопросам;

- необходимо разработать механизм адаптации для женщин, родивших ребенка, включая индивидуальный подход к рабочему времени [3, с. 755].

Материнский капитал остается одной из основных государственных мер поддержки семей с детьми. Реализация соответствующей программы началась в

2007 году и продолжится по 31 декабря 2030 г. (ч. 1 ст. 13 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки»).

Право на материнский капитал возникает в случаях, предусмотренных ч. 1 ст. 3 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки» (в частности, при рождении (усыновлении) ребенка), при этом выплату могут получить как женщины, так и мужчины (например, мужчины, являющиеся единственными усыновителями первого ребенка, ранее не воспользовавшиеся правом на материнский капитал, если решение суда об усыновлении вступило в законную силу начиная с 1 января 2020 г.).

С 15 апреля 2020 г. сертификат выдается в беззаявительном порядке, оформляется в виде электронного документа, но может быть получен и в бумажном виде, а также в виде выписки из федерального регистра о выдаче государственного сертификата. Срок действия (использования) материального капитала не ограничен, однако потратить его можно только на следующие цели: улучшение жилищных условий, оплата образования детей, социальная адаптация ребенка-инвалида, ежемесячные выплаты на ребенка, формирование накопительной пенсии, распоряжение остатком материнского капитала (до 10 тыс. руб.).

С.Н. Марков и Н.В. Алексеева выделяют следующую проблематику, касающуюся развития программы материнского капитала:

- 1) отсутствие надлежащей законодательной регламентации отдельных вопросов, связанных с распоряжением средствами материнского капитала;

- 2) несовершенство процедуры определения субъекта, обладающего правом на получение материнского капитала;

- 3) отсутствие законодательного закрепления вопроса о правовом режиме средств материнского капитала (например, при разделе совместно нажитого имущества);

- 4) неэффективность предоставления возможности распоряжения денежными средствами материнского капитала «здесь и сейчас» [4, с. 79].

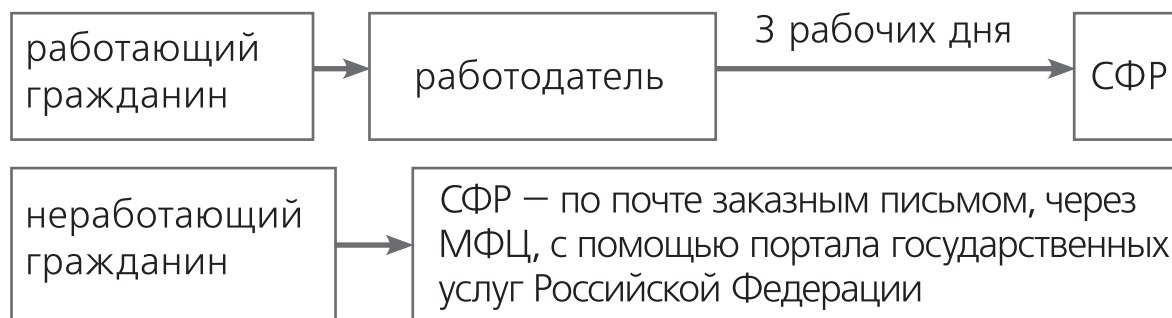

Рис. 2. Порядок оформления пособия

Ежемесячное пособие по уходу за ребенком до 1,5 лет. Право на данное пособие имеет лицо, фактически ухаживающее за ребенком и находящееся в отпуске по уходу за ним (мать, отец, иной родственник или опекун).

Претендовать на пособие могут лица, указанные в ст. 13 Федерального закона «О государственных пособиях» (например, обучающиеся на очном отделении профессиональных образовательных организаций и образовательных организаций высшего образования*; проходящие военную службу по контракту или службу в правоохранительных органах).

Порядок оформления пособия, а также перечень необходимых документов взаимосвязан с категорией заявителя (см. рис. 2).

Исследуя вопросы пособий, предоставляемых семьям с детьми, М.Л. Лебедева выделяет ряд обозначенных выше проблем, связанных с рассматриваемым видом пособий [2, с. 212].

Решение указанных проблем М.Л. Лебедева видит:

- 1) в поддержке самообеспечения семьи;
- 2) поддержке семей с детьми, оказавшихся в особо трудных условиях (многодетные, неполные семьи, семьи беженцев, безработных, семьи с инвалидами и т.п.);
- 3) совершенствовании системы семейных пособий, социальных гарантий для детей в сфере образования, здравоохранения, культуры, оздоровительного от-

дыха, развитии социального страхования и частичной компенсации расходов в сфере платных услуг [2, с. 211].

С.Н. Марков и Н.В. Алексеева в качестве одной из основных проблем, связанных с социальной поддержкой семей с детьми, указывают на то, что в ряде случаев данные меры социальной поддержки (социальные выплаты) являются предметом преступных посягательств [4, с. 82-83].

С приведенной точкой зрения следует согласиться, так как, согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, количество лиц, осужденных по ст. 159.2 УК РФ (мошенничество при получении выплат), составило: в 2024 году — 4466, в 2023 году — 3527, в 2022 году — 2531, в 2021 году — 3223, в 2020 году — 2640, в 2019 году — 2205, в 2018 году — 1946, в 2017 году — 2310, в 2016 году — 2074, в 2015 году — 1775**. Анализ статистических данных позволяет констатировать ежегодное увеличение преступных посягательств на различные виды социальной поддержки (в том числе на пособия для семей с детьми). При этом используются разные способы хищения бюджетных средств, направленных на социальную поддержку населения.

Представляется, что состав преступления, предусмотренного ст. 159.2, которая была включена в УК РФ Федеральным

* С 2024 года право на пособие сохраняется также и в случае выхода родителя на работу до достижения ребенком 1,5 лет.

** Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://www.cdep.ru>

законом от 29 ноября 2012 г. N 207-ФЗ*, относится к специальному составу мошенничества и требует установления присущих ему обязательных признаков. О специальном характере данной нормы может свидетельствовать то, что она отличается от общей нормы объемом факультативных признаков и их содержанием. В частности, ст. 159.2 УК РФ конкретизирует предмет хищения, в качестве которого выступают социальные выплаты.

Вопросы, связанные с квалификацией действий по ст. 159.2 УК РФ, вызывают у правоприменителей определенные сложности, обусловленные наличием конкуренции уголовно-правовых норм, регламентирующих данные общественные отношения. На это обращает внимание Н.Ю. Скрипченко, которая полагает, что при квалификации деяния в первую очередь необходимо определить правовую природу нарушенных общественных отношений, возникающих в связи с выплатами [5, с. 89].

Более того, как полагают ученые, «...за период действия ст. 159.2 УК РФ обнаружились проблемы, существенным образом усложняющие ее применение. На них указывали правове­ды, ряд их был выявлен следственной и судебной практикой. Наряду с прочими к этим проблемам следует отнести: некорректное название статьи 159.2 УК РФ; противоречивое и неполное обозначение в диспозиции ч. 1 ст. 159.2 УК РФ предмета хищения; неточное описание способа совершения преступления. Представляется, что причины возникновения перечисленных недочетов в первую очередь обусловлены различным пониманием авторами законопроекта и законодателем целей и оснований выделения дан-

ной специальной нормы о мошенничестве, круга охватываемых ею деяний» [6, с. 86].

Следует отметить, что диспозиция ст. 159.2 УК РФ сформулирована по типу бланкетной, требующей обращения к иным отраслям права. В связи с этим в научной литературе справедливо отмечается: «...толкование уголовного закона должно осуществляться с обращением к значению соответствующих терминов, приводимому в других законодательных актах, нормы которых относятся в том числе к отраслям гражданского права и права социального обеспечения» [7, с. 5].

Обращение к иным отраслям права применительно к ст. 159.2 УК РФ обусловлено необходимостью определения предмета хищения. Из содержания диспозиции ст. 159.2 УК РФ следует, что предмет посяательства существенно сужен и ограничивается социальными выплатами. Соответственно, данная норма направлена на охрану общественных отношений не только в сфере собственности, но и в сфере социального обеспечения.

Согласно ч. 1 исследуемой статьи предметом преступления являются денежные средства или иное имущество, похищаемые при получении пособий, компенсаций, субсидий и иных социальных выплат, установленных законами и иными нормативными правовыми актами. Следовательно, существенное влияние на квалификацию деяния в данном случае будет оказывать правильное определение предмета преступного посяательства и выяснение его правовой природы, поскольку в соответствии с положениями нормативных правовых актов не все выплаты (пособия, компенсации, субсидии) относятся к социальным выплатам.

В научной литературе высказана точка зрения, в соответствии с которой «...квалификация преступления по ст. 159.2 УК РФ... возможна при условии, что отношения по поводу выплаты регулируются нормами права социального обеспечения...», а «конечными» источниками выплаты являются государственный, муниципальный бюджеты или средства внебюджетных фондов [7, с. 9]. Соглашаясь с предложенной позицией, необходимо отметить, что анализ нормативных правовых актов позволяет выделить общий признак, относящийся к

* О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 29 нояб. 2012 г. N 207-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. N 49. Ст. 6752. Проект федерального закона был подготовлен Верховным Судом Российской Федерации. Согласно пояснительной записке к законопроекту он направлен на криминализацию специальных видов мошенничества, а также дифференциацию уголовной ответственности за тот или иной вид преступного поведения с учетом общественной опасности. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

социальным выплатам, а именно то, что они выплачиваются из бюджетов различных уровней (федерального, регионального, муниципального), а также из государственных внебюджетных фондов, и ущерб в первую очередь причиняется государству.

Таким образом, для квалификации действий, связанных с посягательствами на пособия, предоставляемые семьям с детьми в рамках мер социальной поддержки, необходимо определить правовую природу данных пособий и источник их финансирования.

Высшие судебные органы — Верховный Суд Российской Федерации и Конституционный Суд Российской Федерации — конкретизировали предмет мошенничества при получении выплат и способ его совершения**.

Исходя из вышеизложенного, предмет преступления, квалифицируемого по ст. 159.2 УК РФ, — это исключительно денежные средства или иное имущество, представляющие собой государственные или муниципальные выплаты, пособия, субсидии и компенсации, предоставляемые в рамках социальной поддержки населения. Следовательно, предмет престу-

пления, предусмотренного ст. 159.2 УК РФ, ограничен именно социальными выплатами и финансовыми ресурсами бюджета.

Специфика ст. 159.2 УК РФ проявляется в таком факультативном признаке объекта преступления, как предмет (социальные выплаты), что требует выявления факта незаконного получения денежных средств, выделенных из бюджета или фонда социального обеспечения, с нарушением установленного порядка. Как отмечалось выше, социальные выплаты — это форма государственной помощи, выражающаяся в предоставлении гражданам денежных выплат или иных материальных ресурсов для обеспечения их жизненных потребностей и уменьшения материальных проблем. Пособия предоставляются отдельным категориям населения, которые находятся в социально уязвимом положении, например в связи с временной нетрудоспособностью, беременностью и родами, безработицей, а также семьям с детьми, малоимущим и другим льготным категориям граждан. При этом пособия могут быть единоразовыми или регулярными выплатами и представляют собой меры социальной защиты населения, направленные на поддержку жизненного уровня и компенсацию утраты дохода в случаях социальной необходимости. Они устанавливаются и регламентируются нормативными правовыми актами Российской Федерации. Таким образом, социальная поддержка в виде пособий — это систематическая форма помощи, обеспечивающая граждан необходимыми средствами для покрытия социально обусловленных нужд и повышения качества жизни.

Однако в литературе указывается на определенные недостатки законодательной конструкции ст. 159.2 УК РФ в части изложения способа совершения данного преступления. Например, Л.М. Прозумен-тов и А.В. Архипов отмечают: «...еще одной проблемой, существенным образом усложняющей применение рассматриваемой нормы о мошенничестве, является недостаточно ясное описание в диспозиции ч. 1 ст. 159.2 УК РФ способов совершения преступления, к которым закон отнес: а) представление заведомо ложных и (или) недостоверных сведений (активный

** См.: Пункт 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. N 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». Согласно п. 2 определения Конституционного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2025 г. N 1199-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Терентьева Романа Григорьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 4 статьи 1 Федерального закона от 29 ноября 2012 года N 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» ст. 159.2 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за мошенничество при получении выплат, то есть за хищение денежных средств или иного имущества при получении пособий, компенсаций, субсидий и иных социальных выплат, установленных законами и другими нормативными правовыми актами, путем представления заведомо ложных и (или) недостоверных сведений, а равно путем умолчания о фактах, влекущих прекращение указанных выплат. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

обман) и б) умолчание о фактах, влекущих прекращение указанных выплат (пассивный обман)» [6, с. 87].

Правоприменителям при определении способа совершения данного преступления следует обращать внимание на наличие у лиц оснований, предусмотренных нормативными правовыми актами, для получения соответствующих социальных выплат или предоставления им иного имущества, а также целевого использования произведенных выплат и предоставленного имущества.

По мнению Т.В. Кленовой, «...в соответствии с принципом дифференциации уголовной ответственности пределы наказания в специальной норме должны определяться иначе, чем в общей норме; также специальные нормы (одного ряда с общей нормой) должны отличаться по пределам наказания друг от друга. Введение специального запрета с санкцией, повторяющей санкцию общей запрещающей нормы, либо нескольких специальных запретов с аналогичными санкциями заведомо бессмысленно. Тем более будет оцениваться как ошибочное решение о введении специальных составов преступлений, если оно мотивируется возросшей опасностью деяний, а санкции предлагаются более мягкие, чем санкция общей нормы. Именно так произошло при конкретизации общей нормы об уголовной ответственности за мошенничество» [8, с. 27].

Анализ санкции общей нормы (ст. 159 УК РФ) и специальной нормы (ст. 159.2 УК РФ) свидетельствует о том, что санкция специальной нормы значительно мягче. Однако это противоречит общему подходу, выработанному в теории уголовного права. О парадоксальности такого подхода законодателя свидетельствуют мнения ученых [9, с. 7].

Очевидно, что санкция специальной нормы должна предусматривать более суровое наказание для лица, совершившего преступление, поскольку преступление, квалифицируемое по ст. 159.2 УК РФ, посягает не только на общественные отноше-

ния в сфере собственности, но и на общественные отношения в сфере социального обеспечения.

Вышеизложенное позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Существующие проблемы выдачи и использования пособий являются следствием пробелов в действующем законодательстве, неправомерно сложившейся практики. Указанные обстоятельства требуют дальнейшего совершенствования правовой основы, а также научного исследования вопросов, связанных с социальными пособиями.

2. Меры социальной поддержки семей напрямую взаимосвязаны с рождаемостью, защитой семьи и детства, реализацией семьей своих общественно значимых функций.

3. Для женщины период беременности и рождения ребенка является основным фактором снижения трудовой активности и доходов, требует особой правовой защиты. В большинстве случаев пособие не выполняет своей функции – компенсировать заработок.

4. В связи с тем, что предусмотренное ст. 159.2 УК РФ преступление является специальным видом мошенничества и потерпевшим при его совершении выступает государство в лице соответствующих государственных органов власти, целесообразно пересмотреть характер и степень общественной опасности данного деяния.

5. Необходимо уточнить предмет мошенничества, конкретизировать законодательство относительно перечня социальных выплат и других форм государственной поддержки, что снизит возможность злоупотреблений и скроет потенциальные риски «неспециальных» случаев мошенничества.

6. Необходимо усилить меры ответственности, предусмотрев более строгие санкции за специальные виды мошенничества, а также при наличии квалифицирующих признаков, что повысит эффективность сдерживающих мер.

Список источников

1. Борискова И.В. Социальные пособия в Российской Федерации // Территория науки. 2017. N 1. С. 160-164.
2. Лебедева М.Л. Меры государственной поддержки семей с детьми: правовые аспекты // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2025. Vol. 2-3. С. 211-213.
3. Семенюк Т.А. Анализ предоставленных мер поддержки трудоустроенным женщинам и семьям с детьми в 2024 году // Вестник науки. 2025. N 1. Т. 2. С. 747-759.
4. Марков С.Н., Алексеева Н.В. Материнский капитал: сущность, механизм, проблемы и перспективы развития // Вопросы студенческой науки. 2019. Вып. N 8. С. 77-87.
5. Скрипченко Н.Ю. Мошенничество при получении выплат (ст. 159.2 УК РФ): законодательное регулирование и практика применения // Право: история и современность. 2018. N 3. С. 88-94.
6. Прокументов Л.М., Архипов А.В. Ошибки законодательного построения ст. 159.2 УК РФ // Уголовное право. 2015. N 1. С. 85-90.
7. Болдырев В.А. Мошенничество с целью получения социальных выплат: предмет преступления // Уголовное право. 2014. N 3. С. 4-12.
8. Кленова Т.В. О разграничении смежных и конкурирующих составов преступлений (на примере мошенничества) // Уголовное судопроизводство. 2014. N 1. С. 25-30.
9. Колоколов Н.А. Преступления против собственности: комментируем новеллы УК РФ // Мировой судья. 2013. N 1. С. 6-15.

References

1. Boriskova I.V. Social Benefits in the Russian Federation. Territory of Science, 2017, no. 1, pp. 160-164. (In Russ.).
2. Lebedeva M.L. State Support Measures for Families with Children: Legal Aspects. International Journal of Humanities and Natural Sciences, 2025, vol. 2-3, pp. 211-213. (In Russ.).
3. Semenyuk T.A. Analysis of the Support Measures Provided to Employed Women and Families with Children in 2024. Science Bulletin, 2025, no. 1, vol. 2, pp. 747-759. (In Russ.).
4. Markov S.N., Alekseeva N.V. Maternity Capital: Essence, Mechanism, Problems, and Development Prospects. Issues of Student Science, 2019, issue no. 8, pp. 77-87. (In Russ.).
5. Skripchenko N.Yu. Fraud in Receiving Payments (Article 159.2 of the Criminal Code of the Russian Federation): Legislative Regulation and Application Practice. Law: History and Modernity, 2018, no. 3, pp. 88-94. (In Russ.).
6. Prozumentov L.M., Arkhipov A.V. Errors in the Legislative Construction of Article 159.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. Criminal Law, 2015, no. 1, pp. 85-90. (In Russ.).
7. Boldyrev V.A. Fraud for the purpose of receiving social payments: the subject of the crime. Criminal Law, 2014, no. 3, pp. 4-12. (In Russ.).
8. Klenova T.V. On the distinction between related and competing crimes (using fraud as an example). Criminal proceedings, 2014, no. 1, pp. 25-30. (In Russ.).
9. Kolokolov N.A. Crimes against Property: Commenting on the Novels of the Criminal Code of the Russian Federation. World Judge, 2013, no. 1, pp. 6-15. (In Russ.).

Вклад авторов:

Захарчук С.Д. – сбор и обработка материала, написание статьи, формулирование итоговых выводов;

Мельникова О.А. – идея, сбор и обработка материала, написание статьи, формулирование промежуточных выводов.

Contribution of the authors:

Zakharchuk S.D. – collecting and processing the material, writing the text of the article, formulating the final conclusions;

Melnikova O.A. – idea of the study, collecting and processing the material, writing the text of the article, formulating the interim conclusions.

Научная специальность: 5.1.4

Квалификация налоговых преступлений и их отграничение от смежных составов

Александр Валерьевич Вальтер,

Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Тюмень, Россия, T89612047813@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблем квалификации налоговых преступлений в условиях повышенной бланкетности диспозиций статей 198-199.4 Уголовного кодекса Российской Федерации. Констатируется существенная зависимость норм, устанавливающих ответственность за налоговые преступления, от Налогового кодекса Российской Федерации и актов финансового законодательства, создающая специфические сложности при разграничении со смежными и сопутствующими составами преступлений. Разработаны типология повышенной бланкетности (базовая, усиленная, процедурная) и критерии допустимой бланкетности: автономия, предсказуемость, воспроизводимость. На основе контент-анализа приговоров судов, вынесенных в период с 2010 по 2024 год, предложен коэффициент бланкетности «В», отражающий степень нормативной зависимости уголовно-правовых норм от внешних источников. Сформулированы некоторые критерии разграничения налоговых преступлений и смежных составов (статьи 159, 171.1, 193.1-196, 201, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) на основе источника бланкетного восполнения диспозиции и семантических маркеров правоприменительных текстов. Предложены практические алгоритмы квалификации налоговых преступлений с учетом повышенной бланкетности.

Ключевые слова: налоговое преступление, бланкетная норма, уклонение от уплаты налогов, квалификация преступлений, разграничение составов преступлений

Для цитирования: Вальтер А.В. Квалификация налоговых преступлений и их отграничение от смежных составов // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2025. N 4 (74). С. 73-85.

Classification of tax crimes and their delimitation from the related crimes

Alexander V. Valter,

Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Tyumen, Russia, T89612047813@gmail.com

Abstract. This article considers the problems of classifying the tax crimes in the context of the increased blanket character of the scopes of Articles 198-199.4 of the Criminal Code of the Russian Federation. The significant dependence of the provisions establishing the liability for tax crimes on the Tax Code of the Russian Federation and the financial legislation, which creates some specific difficulties in delimitating them from the related crimes, is ascertained. A typology of the increased blanket character (basic, intensive and procedural) and criteria for acceptable blanket character (autonomy, predictability and reproducibility) are developed. Based on a content analysis of sentences handed down between 2010 and 2024, a blanket character coefficient "B", reflecting the degree of regulatory dependence of criminal law norms on the external sources, is proposed. Some criteria for delimitating the tax crimes from the related crimes (Articles 159, 171.1, 193.1-196, 201 and 145.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) are formulated based on the source of the blanket supplement of the article's scope and semantic markers of the law enforcement texts. Some practical algorithms for classifying tax crimes are proposed, taking into account the increased blanket nature of the crime.

Keywords: tax crime, blanket norm, tax evasion, classification of crimes, delineation of crime elements

For citation: Valter A.V. Classification of tax crimes and their delimitation from the related crimes // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2025. No. 4 (74). P. 73-85.

© Вальтер А.В., 2025

Налоговые преступления, предусмотренные ст.ст. 198-199.4 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), занимают особое место в системе преступлений в сфере экономической деятельности, что обусловлено их высокой латентностью и сложностью уголовно-правовой квалификации. Специфика данных норм заключается в их бланкетном характере, при котором диспозиции не содержат исчерпывающего описания признаков объективной стороны, а отсылают к положениям Налогового кодекса Российской Федерации (далее — НК РФ), актам финансового и иного законодательства*. Н.И. Пикуров справедливо отмечает, что бланкетная диспозиция как форма уголовного закона предполагает конкретизацию (детализацию) признаков состава преступления с помощью нормативных предписаний других отраслей права [1, с. 26]. При этом способы изложения бланкетной диспозиции также могут быть разными, что усложняет ее понимание.

Бланкетность в уголовном праве представляет собой технико-юридический прием законодательной экономии, однако ее избыточное применение может привести к утрате уголовно-правовой определенности нормы: «...не отвергается очевидный факт, что бланкетные нормы в ряде случаев провоцируют юридические ошибки...» [2, с. 168].

В уголовно-правовой доктрине ранее уделялось существенное внимание проблемам феномена бланкетности уголовно-правовых норм, корреспондирующим связям норм уголовного закона и положений иных отраслей права [3, с. 16; 4, с. 11; 5, с. 11]. Данное обстоятельство обуславливает ключевую проблему, связанную с определением объема внешних отсылок, который позволяет уголовно-правовой норме сохранить самостоятельность и не превратить ее в часть налогового администрирования.

Проблема усугубляется тем, что НК РФ подвергается частым изменениям (с 2015 по

2024 год внесено более 340 поправок, затрагивающих вопросы налогообложения). Включение в 2017 году в НК РФ ст. 54.1 трансформировало понимание противоправности налогового поведения и потребовало пересмотра устоявшихся подходов к квалификации деяний по ст. 199 УК РФ. Однако до настоящего времени не сформулирован критерий допустимой бланкетности — того предела нормативной зависимости, за которым уголовное право утрачивает собственное регулятивное значение.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2019 г. N 48** (далее — Постановление Верховного Суда РФ N 48) частично восполнило пробелы в толковании бланкетных признаков, однако не решило все проблемы терминологической вариативности судебных текстов и разграничения налоговых преступлений со смежными составами.

В связи с этим автором настоящей статьи осуществлена разработка критериев допустимой бланкетности норм о налоговых преступлениях и сформирована методика их разграничения со смежными, а также сопутствующими составами преступлений на основе источников бланкетного восполнения. С этой целью использовались формально-юридический и сравнительно-правовой методы, контент-анализ судебных актов, семантический анализ правоприменительных текстов. Эмпирическую базу составили 326 приговоров и постановлений судов, вынесенных в период с 2010 по 2024 год по уголовным делам, возбужденным по ст.ст. 198-199.2 УК РФ***.

Бланкетные нормы представляют собой пример реализации технико-юридического приема законодательного закрепления уголовно-правового запрета, при котором часть диспозиции выводится за пределы УК РФ и конкретизируется посредством обращения к нормативным

** Рос. газ. 2019. 4 дек.

*** См., например, приговоры: Шпаковского районного суда Ставропольского края от 29 июня 2021 г. по делу N 1-36/2021; Советского районного суда г. Казани от 28 сент. 2022 г. по делу N 1-737/2022; Октябрьского районного суда г. Иркутска от 10 марта 2024 г. по делу N 1-42/2024 // Судебные решения РФ: сайт. URL: <https://судебныерешения.рф>

* См., например: О бухгалтерском учете: федер. закон от 6 дек. 2011 г. N 402-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 50. Ст. 7344; Об обществах с ограниченной ответственностью: федер. закон от 8 февр. 1998 г. N 14-ФЗ // Там же. 1998. N 7. Ст. 785.

актам Минфина России, ФНС России* и др. Данная техника обусловлена невозможностью описать в уголовном законе сложные экономико-правовые процессы, подверженные частым изменениям.

По степени нормативной зависимости бланкетные нормы о налоговых преступлениях, как было обосновано ранее, обладают признаком «повышенной налоговой бланкетности» [6, с. 99], а также подразделяются на три типа:

1) базовая бланкетность (ст. 198 УК РФ) — уголовное право сохраняет автономию; внешние акты уточняют термины и процедурные аспекты** исполнения налоговой обязанности (например, ст.ст. 80-81, 119 НК РФ);

2) усиленная (нормативно-насыщенная) бланкетность (ст.ст. 199, 199.1 УК РФ) — признаки состава подлежат системной реконструкции через нормы НК РФ и финансового законодательства; квалификация невозможна без обращения к ст. 54.1 НК РФ (пределы осуществления прав налогоплательщика), ст.ст. 171-172 НК РФ (налоговые вычеты), ст.ст. 24, 226 НК РФ (статус налогового агента).

В частности, относительно приговоров, вынесенных по уголовным делам, возбужденным по ст.ст. 198-199.2 УК РФ, среднее количество отсылок к нормам налогового и иного финансового законодательства составило 36. По приговорам, вынесенным на основании иных составов преступлений в сфере экономической деятельности, этот показатель составил в среднем 4 отсылки к финансовому законодательству;

3) процедурная бланкетность (ст. 199.2 УК РФ) — состав преступления обусловлен нарушением порядка принудительного исполнения публичной налоговой обязанности; уголовно-правовые признаки определяются через систему мер взыска-

ния (ст.ст. 46-47, 69, 76 НК РФ). Отсутствие хотя бы одного элемента, касающегося процедуры взыскания налогов, исключает состав преступления.

В связи с этим представляется целесообразным предложить критерии допустимой бланкетности, образующие методологический фильтр правоприменения по ст.ст. 198-199.4 УК РФ:

1. Автономия — уголовно-правовой запрет должен сохраняться внутри УК РФ. Внешние нормы конкретизируют признаки предмета, объекта или процедур исполнения обязанности, но не создают самостоятельно основание уголовной ответственности. Как указано в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ N 48, «...уклонение от уплаты налогов признается совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий и предвидело наступление последствий в виде непоступления денежных средств в бюджет». Данная формулировка демонстрирует, что уголовно-правовая оценка вины производится средствами уголовного закона, а не на основании акта налоговой проверки. Сохранение автономии обеспечивает действие принципа законности (ст. 3 УК РФ), когда преступность и наказуемость деяния определяются только федеральным законом, а не административной практикой налоговых органов или ведомственными разъяснениями. Критерий автономии требует, чтобы уголовно-правовые признаки, в том числе субъективной и объективной стороны состава преступления, определялись средствами уголовного закона и уголовно-процессуального доказывания (ст.ст. 73, 85-88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), а не извлекались из логики налогового контроля.

Указанной точки зрения об автономии уголовного закона, принципов законности и допустимости выхода за рамки текстуального законодательного изложения придерживаются и иные авторы, например Н.А. Лопашенко [7, с. 15], М.А. Кауфман [8, с. 90] и др.

2. Предсказуемость — проистекает из конституционного принципа правовой определенности (ст.ст. 15, 54 Конститу-

* О практике применения статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации: письмо ФНС России от 10 марта 2021 г. N БВ-4-7/3060@. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** О признании недействующим абзаца седьмого письма Федеральной налоговой службы от 16 окт. 2015 г. N СД-4-3/18072: решение Верховного Суда РФ от 10 июня 2019 г. N АКПИ19-296 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. N 3.

ции Российской Федерации* (далее — Конституция РФ). Адресат должен иметь возможность, руководствуясь положениями УК РФ, НК РФ и разъяснениями Верховного Суда РФ, предвидеть, какое поведение может быть признано преступным. Недопустимо использование писем ФНС России** и Минфина России в качестве нормативной основы квалификации.

Оценка предсказуемости в сфере уголовного закона состоит в том, что закон, во-первых, программирует поведение людей в будущем и, во-вторых, текущей практикой своего применения подтверждает значимость и актуальность закрепленных в нем поведенческих норм. Как указывают Ю.Е. Пудовочкин и М.М. Бабаев, «...непредсказуемость правоприменения проявляет себя... при наличии дефектов уголовного закона — в непредсказуемом выборе вида правовой нормы, произвольном толковании текста уголовного закона, недопустимом варианте эволютивного толкования нормы, непредсказуемом выборе санкции...» [9, с. 134].

О проблеме предсказуемости квалификации нарушения налогового законодательства и наказания также упоминает А.И. Ковлер при исследовании вопросов дозволенной налоговой оптимизации, когда «...торговые компании, которые работали в зоне льготного налогообложения, использовали метод "перенесения места получения прибыли" в эту зону...» [10, с. 231].

В контексте налоговых преступлений предсказуемость означает, что совокупность норм УК РФ, НК РФ и разъяснений Верховного Суда РФ должна образовывать непротиворечивый и верифицируемый набор признаков состава преступления. Например, лицо, удержавшее налог на доходы физических лиц (НДФЛ) с заработной платы работников и не перечислившее удержанную сумму в бюджет в установ-

ленный срок, должно понимать следующее: что оно нарушает публичную обязанность налогового агента, зафиксированную в ст.ст. 24 и 226 НК РФ; что при наличии прямого умысла на неперечисление и крупного размера неуплаты его действия подпадают под признаки состава преступления, предусмотренного ст. 199.1 УК РФ; что добровольная уплата налога и пени до вынесения приговора суда влечет освобождение от уголовной ответственности по специальному основанию (ст. 76.1 УК РФ).

3. Воспроизводимость — способность уголовной нормы быть примененной без обращения к неопределенному множеству внешних источников. Если для квалификации требуется «цепочка» из норм НК РФ, законов субъектов Российской Федерации, инструкций ФНС России, писем Минфина России, то уголовная норма теряет воспроизводимость [11, с. 7].

Как указывает Л.Д. Гаухман, в бланкетных нормах УК РФ содержатся ссылки не только на законы, но и на другие нормативные правовые акты, «...причем нормы ряда этих законов еще и конкретизируются, детализируются, разъясняются и порой корректируются иными нормативными правовыми актами. Такое положение создает исполнительной власти возможность непосредственно влиять на изменение — расширение или ограничение — сферы уголовной ответственности, тогда как это является исключительной прерогативой законодательной власти...» [12, с. 49]. По мнению Н.И. Пикурова и Н.В. Иванова, «...языковое толкование оценочного понятия "бланкетный" позволяет предположить, что "бланкетную" норму можно сравнить с чистым "бланком", заполняемым правотворческими органами зачастую без каких-либо правовых ограничений...» [13, с. 598].

Проблема воспроизводимости наиболее остро проявляется при квалификации преступлений, предусмотренных ст. 199.2 УК РФ, диспозиция которой построена по модели «процедурной бланкетности», характеризующейся тем, что преступность деяния обусловлена нарушением строго определенной последовательности административных мер принудительного взыскания, установленных главой 11 НК РФ. Отсутствие хотя бы одного

* Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Рос. газ. 1993. 25 дек.; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

** О практике применения статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации: письмо ФНС России от 10 марта 2021 г. N БВ-4-7/3060@. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

элемента налогового взыскания исключает состав преступления по ст. 199.2 УК РФ. Как указано в п. 24 Постановления Пленума Верховного Суда РФ N 48, сокрытие денежных средств или имущества может быть вменено лицу только при условии, что налоговым органом были приняты меры принудительного взыскания в соответствии со ст.ст. 46 и 47 НК РФ.

«Повышенная бланкетность» норм о налоговых преступлениях проявляется не только на уровне материального права (зависимость диспозиций ст.ст. 198-199.4 УК РФ от положений налогового законодательства), но и на процессуальном уровне, что обуславливает терминологическую несогласованность между УК РФ, УПК РФ и НК РФ.

Ключевые для ст.ст. 198-199.4 УК РФ понятия, такие как «ущерб» (УК РФ), «вред, причиненный преступлением» (УПК РФ) и «недоимка» (НК РФ), используются в правоприменительной практике в качестве синонимов, однако имеют различное нормативное содержание. Аналогичная коллизия наблюдается при определении момента окончания преступления, когда в НК РФ используется категория «срок уплаты налога» (ст. 57 НК РФ), а УК РФ устанавливает размер неуплаты налогов «за три финансовых года подряд» (примечание к ст. 199 УК РФ), что требует сложной темпоральной реконструкции с учетом вышеуказанных трех правовых источников.

Введение специального повода для возбуждения уголовного дела (ч. 1.3 ст. 140 УПК РФ) усилило процессуальную бланкетность, то есть решение следователя о возбуждении уголовного дела по ст.ст. 198-199.2 УК РФ императивно обусловлено наличием только материалов, «...которые направлены налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах», в следственные органы [14, с. 24]. Однако понятие вышеуказанных «материалов» не конкретизировано, что также порождает правовую неопределенность. В законе не указано, должен ли следователь располагать только решением о привлечении к ответственности налогоплательщика (ст. 101 НК РФ), или требуется полный комплект документов ФНС России, включая акт проверки (ст. 100 НК РФ), возражения налогоплательщика и протокол рассмотрения материалов проверки.

Отсутствие четкого перечня необходимых документов приводит к тому, что органы предварительного следствия вынуждены самостоятельно определять достаточность материалов налогового контроля для принятия решения о возбуждении уголовного дела. Это нарушает принцип правовой определенности и создает риски необоснованного отказа в возбуждении уголовного дела либо, напротив, преждевременного решения о наличии признаков преступления по нормам о налоговых преступлениях и возбуждении уголовного дела при недостаточности доказательственной базы.

Указанная бланкетная и семантическая рассогласованность негативно влияет на качество квалификации и расследования налоговых преступлений. Во-первых, терминологическая вариативность (ущерб, вред, недоимка) затрудняет единообразное применение норм о крупном и особо крупном размере, поскольку суды при исчислении размера неуплаты ориентируются на различные процессуальные документы: решение налогового органа о привлечении к ответственности; заключение эксперта; справки ФНС России о состоянии расчетов с бюджетом и т.д. Во-вторых, нечеткость темпоральных критериев («финансовый год» в УК РФ и «налоговый период» в НК РФ) приводит к ошибкам при определении момента окончания преступления и исчислении сроков давности привлечения к уголовной ответственности, нарушению конституционных прав при доступе к правосудию и др. [15, с. 156; 16, с. 19].

В-третьих, неопределенность содержания «материалов налоговой проверки» как специального повода фактически делегирует ФНС России функцию предварительного установления признаков преступления, что противоречит принципу процессуальной самостоятельности следователя (ст. 38 УПК РФ) и может размывать границу между налоговым правонарушением и налоговым преступлением. Указанные обстоятельства требуют унификации терминологии на межотраслевом уровне и разработки алгоритма процессуально-материальной квалификации, учитывающего специфику бланкетного регулирования ст.ст. 198-199.4 УК РФ.

Автором настоящей статьи для количественной оценки повышенной бланкетности с учетом «нормативной зависимости» по ст.ст. 198-199.2 УК РФ предложен также расчет данного коэффициента зависимости от иных норм права — «В» по формуле:

$$B = N_1 / N_2,$$

где В — бланкетный коэффициент «нормативной зависимости»,

N_1 — количество внешних ссылок, упоминаний НК РФ, нормативных правовых актов в области финансов, бухгалтерского учета, федеральных законов и ведомственных актов;

N_2 — количество ссылок на УК РФ, разъяснения Пленума Верховного Суда РФ.

На основе контент-анализа 326 судебных приговоров и постановлений, вынесенных по уголовным делам, возбужденным по ст.ст. 198-199.2 УК РФ, установлены следующие пороговые значения:

1) по статье 198 УК РФ коэффициент «В» установлен на уровне 2,8 — «базовый уровень», характеризуется в основном уголовно-правовой автономией. Как правило, в приговорах указываются ст.ст. 23, 80, 81 и 119 НК РФ;

2) по статье 199 УК РФ коэффициент «В» установлен на уровне 4,2 — «усиленный уровень», характеризуется фискальной терминологией, смещением в налоговую семантику. Как правило, в приговорах указываются ст.ст. 54.1, 169-172, главы 21 и 25 НК РФ, а также нормативные правовые акты в области бухгалтерского учета, иное финансовое законодательство;

3) по статье 199.1 УК РФ коэффициент «В» установлен на уровне 3,9 — «усиленный уровень», характеризуется фискальной терминологией, смещением в налоговую семантику. Как правило, в приговорах указываются ст.ст. 24, 226, 226.1, 123 НК РФ;

4) по статье 199.2 УК РФ коэффициент «В» установлен на уровне 4,5 — «высокий уровень» — процедурный, характеризуется фискальной терминологией, смещением в налоговую семантику. Как правило, в приговорах указываются ст.ст. 69, 46, 47, 76 НК РФ;

5) следует отдельно отметить и ст. 199.3 УК РФ, коэффициент «В» прогнозируется на уровне 2,9-3,1 — «базовый уровень» (отсутствие судебной практики).

По структуре диспозиции норма полностью аналогична ст. 198 УК РФ, уклонение осуществляется путем занижения базы для начисления взносов, иного заведомо неправильного исчисления, непредставления расчета либо включения в него заведомо недостоверных сведений. Бланкетное восполнение — Федеральный закон от 24 июля 1998 г. N 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» (далее — Федеральный закон «Об обязательном социальном страховании») (ст.ст. 3-6, 22 — понятие страхователя, обязанности по уплате взносов)*, глава 34 НК РФ (ст.ст. 419-432 — порядок исчисления и уплаты страховых взносов, тарифы);

6) по статье 199.4 УК РФ коэффициент «В» в связи с отсутствием судебной практики прогнозируется на уровне 4,0-4,3 — «усиленный уровень». По структуре диспозиции норма полностью аналогична ст. 199 УК РФ, так как уклонение осуществляется путем занижения базы для начисления взносов, иного заведомо неправильного исчисления, непредставления расчета либо включения в него заведомо недостоверных сведений. Бланкетное восполнение: идентично ст. 199.3 УК РФ (Федеральный закон «Об обязательном социальном страховании», глава 34 НК РФ). За период с 2017 по 2025 год судебная практика по ст.ст. 199.3 и 199.4 УК РФ отсутствует, причиной являются низкие тарифы на страховые взносы (от 0,2 до 8,5 %), которые существенно затрудняют достижение крупного размера неуплаты по сравнению со «стандартными» страховыми взносами.

Динамика коэффициента «В» (от 2,8 до 4,5) демонстрирует переход от относительной самостоятельности уголовно-правовых норм к нормам, содержание которых критически зависит от внешнего налогового регулирования. Степень «нормативной зависимости» прямо коррелирует с характером посягательства: чем ближе состав к

* Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний: федер. закон от 24 июля 1998 г. N 125-ФЗ: ред. от 28 дек. 2024 г. // Рос. газ. 1998. 12 авг.; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

процедурам исполнения налоговых обязанностей, тем выше коэффициент «В».

Правовая норма представляет собой не изолированный элемент правовой системы, а компонент сложноорганизованной межотраслевой структуры, функционирующей посредством взаимодействия с нормами иных отраслей права. А.В. Сельский также указывает, что применительно к нормам о налоговых преступлениях это означает, что уголовно-правовая норма встраивается в регулятивный механизм налогового законодательства, заимствуя из него материальные признаки состава преступления, однако сохраняя собственное содержание в части оценки общественной опасности деяния, формы вины и социально-правовых последствий [17, с. 4].

В связи с этим следует отметить и методологические основания разграничения норм о налоговых преступлениях. В частности, разграничение норм о налоговых преступлениях со смежными составами целесообразно производить по двухуровневой уголовно-правовой методике: классический подход в соответствии с доктриной о составе преступления и с учетом бланкетно-семантического анализа.

Традиционная методика квалификации преступлений, основанная на учении о составе преступления (объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона), применительно к нормам о налоговых преступлениях существенно ограничена: она не учитывает межотраслевую природу бланкетных норм, при которой содержание уголовно-правового запрета критически зависит от внешних источников. Следует отметить, что классическая четырехэлементная структура состава преступления, сложившаяся в отечественной доктрине еще в первой половине XX века, изначально не учитывала феномен бланкетности как функционального элемента уголовно-правового регулирования.

В результате в правоприменительной практике фиксируется «семантический разрыв» между юридическим смыслом состава преступления, выраженным в тексте УК РФ, и фактическими признаками деяния, описанными в налоговом или финансовом законодательстве. Такой разрыв особенно очевидно проявляется при квалификации норм о налоговых преступле-

ниях, где внешние нормативные источники становятся не только уточняющим, но и структурообразующим фактором.

В связи с этим целесообразно в перспективе рассматривать бланкетность как пятый методологический элемент состава налогового преступления, обеспечивающий межотраслевое нормативное наполнение признаков состава без разрушения уголовно-правовой базы диспозиции. Включение данного элемента в систему квалификации позволяет перейти от статичного описания состава к динамической модели, в которой каждое деяние анализируется по концептуальной схеме: налоговое правонарушение — межотраслевое нормативное наполнение (НК РФ и иные нормативные правовые акты финансового законодательства) — признаки состава преступления — квалификация деяния.

Такая конструкция обеспечивает гибкость и воспроизводимость квалификации, особенно в условиях нормативных изменений и имеющейся семантической неопределенности правоприменительных текстов.

Более того, в перспективе данный подход в сочетании с инструментами искусственного интеллекта и методами семантического анализа позволит перейти от описательного уровня квалификации к прогностическому, когда нейросетевой алгоритм сможет не только воспроизвести структуру состава преступления, но и смоделировать процентную вероятность смешения налоговых и смежных составов преступления.

Предлагаемая двухуровневая методика восполняет данный пробел путем введения второго — бланкетно-семантического уровня анализа, который включает:

а) установление источника нормативного восполнения диспозиции. Если содержание уголовно-правовой нормы конкретизируется исключительно НК РФ (например, ст.ст. 54.1, 171-172 для определения необоснованности налоговой выгоды), то деяние квалифицируется по ст. 199 УК РФ. Если для квалификации применяются нормы таможенного, валютного, корпоративного или трудового законодательства, то это смежные составы (ст.ст. 193.1, 194, 201, 145.1 УК РФ);

б) семантический анализ правоприменительных текстов. Терминология,

используемая в обвинительном заключении, приговоре и материалах проверки, отражает отраслевую принадлежность деяния. Преобладание налогово-правовых терминов («налоговая база», «налоговый вычет», «декларация», «необоснованная налоговая выгода») свидетельствует о налоговом преступлении; доминирование гражданско-правовой семантики («обман», «ущерб», «хищение», «безвозмездное изъятие») — о мошенничестве.

Данная концепция, как представляется, позволяет формализовать процесс квалификации, снижает риски в ходе квалификации состава преступления, количество судебных ошибок при конкуренции норм и обеспечивает воспроизводимость правоприменительных решений в условиях повышенной бланкетности.

В частности, относительно ст.ст. 198, 199 и ст. 159 УК РФ (мошеннические действия, связанные с незаконным возмещением налога на добавленную стоимость (далее — НДС), правовая позиция высшей судебной инстанции сформулирована в п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ N 48: представление в налоговый орган документов, содержащих заведомо ложные сведения, в целях получения из бюджета денежных средств в качестве возмещения НДС при отсутствии права на такое возмещение образует состав мошенничества (ст. 159 УК РФ).

В данном случае возможны дополнительные критерии разграничения:

— по предмету преступления. Например, для ст.ст. 198 и 199 УК РФ предметом являются налоговая декларация и иные документы налогового учета (ст.ст. 80-81, 23 НК РФ), искажение которых влечет неисполнение обязанности по уплате налогов. Неуплаченные налоги (недоимка) при этом представляют собой последствие, а не предмет преступления. Для статьи 159 УК РФ предметом выступают денежные средства бюджетной системы Российской Федерации, которые налогоплательщик незаконно получает на свой расчетный счет путем обмана налогового органа под видом возмещения НДС;

— по характеру деяния и последствий. Деяния при совершении налоговых преступлений (ст.ст. 198 и 199 УК РФ) характеризуются как действием, так и

бездействием — неисполнением обязанности по представлению достоверной налоговой информации и уплате налогов, что влечет непоступление средств в бюджет. Мошенничество при незаконном возмещении НДС (ст. 159 УК РФ) характеризуется только активными действиями — представлением заведомо ложных документов с целью обмана и фактическим незаконным получением бюджетных средств (хищение);

— по источнику бланкетного восполнения норм. Для статей 198 и 199 УК РФ квалификация требует системного применения ст. 54.1 НК РФ (пределы осуществления прав по исчислению налоговой базы и налога), ст.ст. 171-172 НК РФ (порядок применения налоговых вычетов), что позволяет установить необоснованность налоговой выгоды как основание привлечения к уголовной ответственности. Для статьи 159 УК РФ нормы НК РФ (ст.ст. 171-172) используются исключительно для установления отсутствия права на возмещение НДС, однако квалификация производится по признакам хищения (обман, изъятие чужого имущества, причинение ущерба собственнику) через ст. 158 УК РФ и п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ N 48;

— по поводу семантических особенностей относительно приговоров, вынесенных по уголовным делам, возбужденным по ст. 199 УК РФ, установлено, что преобладают термины «необоснованная налоговая выгода», «отсутствие деловой цели», «формальный документооборот», «незаконная налоговая оптимизация», «уменьшение налоговой обязанности» и др., а по ст. 159 УК РФ чаще употребляется финансовая терминология — «хищение бюджетных средств», «причинение ущерба бюджету», «безвозмездное изъятие» и др.

Относительно ст.ст. 199.1 и 145.1 УК РФ следует отметить, что разграничение основано на факте незаконного удержания налога. Как указано в п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ N 48, «...под неисполнением обязанностей налогового агента понимается непорочное в установленный срок сумм налогов, подлежащих удержанию с налогоплательщика». Следовательно, в случае установления умышленного факта неза-

конного удержания налога на доходы физических лиц и перечисления денежных средств в бюджет Российской Федерации при наличии средств квалификация должна осуществляться по ст. 199.1 УК РФ. При этом денежные средства, удержанные в качестве налога, утрачивают статус частной собственности и приобретают публично-правовой характер; перечисление таких средств образует налоговое преступление. Источник бланкетного восполнения по ст. 199.1 УК РФ — ст.ст. 24 и 226 НК РФ (статус и обязанности налогового агента).

В случае отсутствия факта незаконного удержания налога налогоплательщиком и имеющегося факта невыплаты заработной платы предусмотрена квалификация деяний по ст. 145.1 УК РФ. Источником бланкетного восполнения указанной нормы выступает Трудовой кодекс Российской Федерации (ст.ст. 136, 142 и 236, регламентирующие порядок и сроки выплаты заработной платы, ответственность работодателя), а также ст.ст. 2 и 37 Конституции РФ, закрепляющие гарантии трудовых прав граждан.

Необходимо отметить также разграничение по ст. 199.2 и ст.ст. 195, 196, 201 УК РФ. В частности, для диспозиции нормы, содержащейся в ст. 199.2 УК РФ, характерно то, что она построена по модели процедурной бланкетности, при которой состав преступления обусловлен нарушением строго определенной последовательности административных мер принудительного взыскания, установленных главой 11 НК РФ. Обязательна последовательность мер принудительного взыскания: требование об уплате налогов (ст. 69 НК РФ) — решение о взыскании (ст. 46 НК РФ) — налоговое инкассовое поручение и иные меры по взысканию имущества налогоплательщика (ст. 47 НК РФ) — приостановление операций по счетам (мера обеспечительного характера, препятствующая выводу активов, — ст. 76 НК РФ) — определенные действия налогоплательщика по сокрытию имущества и денежных средств. Отсутствие последовательности по уведомлению налогоплательщика и решений о взыскании налогов исключает состав преступления по ст. 199.2 УК РФ.

Критерием разграничения вышеуказанных составов преступлений является наличие соответствующей налоговой процедуры взыскания и умышленный вывод активов организации из-под налогового «инкассо» или сокрытие имущества организации (ст. 199.2 УК РФ).

Для статей 195, 196 и 201 УК РФ указанная процедурная последовательность не требуется, достаточно установить признаки банкротства (неспособность удовлетворить требования кредиторов) и умысел на причинение ущерба кредиторам или создание препятствий для погашения задолженности предприятия. Таким образом, если посягательство осуществляется на имущественные интересы организации или кредиторов при отсутствии процедур налогового взыскания с учетом налогового законодательства НК РФ, то деяния могут квалифицироваться с учетом ст.ст. 201, 195 и 196 УК РФ.

Источники бланкетного восполнения по ст. 199.2 УК РФ — ст.ст. 46-47, 69, 76 НК РФ; по ст. 195 и 196 УК РФ — Федеральный закон от 26 октября 2002 г. N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»*, по ст. 201 УК РФ — Гражданский кодекс Российской Федерации (ст.ст. 53 и 53.1), Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. N 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»**, Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. N 208-ФЗ «Об акционерных обществах»***.

Относительно источника бланкетности для ст. 171.1 УК РФ решающим критерием является Федеральный закон от 22 ноября 1995 г. N 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции»****, технические регламенты (требования к маркировке); для ст. 199 УК РФ — ст.ст. 54.1, 171-172 НК РФ (порядок исчисления акциза и НДС).

По объективной стороне преступления, квалифицируемые по ст. 171.1 УК РФ,

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. N 43. Ст. 4190.

** Там же. 1998. N 7. Ст. 805.

*** Там же. 1996. N 1. Ст. 1.

**** Рос. газ. 1995. 29 нояб.

характеризуются нарушением режима оборота алкогольной продукции (отсутствие маркировки), а для ст. 199 УК РФ центральным элементом объективной стороны выступает искажение налоговой отчетности.

Кроме того, необходимо выделить и сопутствующие (инфраструктурные) составы преступления, которые создают для противоправных налоговых схем, предусмотренных ст.ст. 198-199.4 УК РФ, организационно-правовые условия:

- статьи 173.1 и 173.2 УК РФ — для создания фиктивных контрагентов с целью имитации налогоплательщиком хозяйственных операций;

- статья 172 УК РФ — открытие «технических» банковских расчетных счетов для обналичивания денежных средств;

- статья 174.1 УК РФ — дальнейшая легализация доходов, полученных в результате уклонения от уплаты налогов;

- статья 327 УК РФ — изготовление поддельных бухгалтерских документов, счетов-фактур для обоснования налоговых вычетов.

Данные составы не конкурируют с налоговыми составами преступлений, а сочетаются с ними по правилам совокупности. В отличие от смежных составов, которые взаимоисключают налоговые преступления (конкуренция норм) при квалификации одного и того же деяния, сопутствующие (инфраструктурные) составы характеризуются тем, что образуют самостоятельные эпизоды преступной деятельности, направленной на обеспечение или сокрытие неуплаты налогов. Например, если создано фиктивное юридическое лицо (ст. 173.1 УК РФ), от его имени изготовлены поддельные счета-фактуры (ст. 327 УК РФ), эти документы включены в налоговую декларацию для уменьшения налоговой базы (ст. 199 УК РФ), то деяние квалифицируется по совокупности всех указанных составов преступлений, поскольку каждое действие представляет собой самостоятельное оконченное преступление с собственным объектом посяательства. Как указано в п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ N 48, «...действия лица, использовавшего в целях уклонения от уплаты налогов заведомо подложный документ, при наличии оснований

подлежат дополнительной квалификации по статье 327 УК РФ».

На основании вышеизложенного следует сформулировать ряд выводов:

1. Нормы ст.ст. 198-199.4 УК РФ характеризуются повышенной межотраслевой налоговой бланкетностью, включающей при этом коэффициент нормативной зависимости (средний коэффициент «В» $\approx 3,7$), в связи с чем уголовно-правовое содержание существенно зависит от НК РФ и иных актов финансового законодательства.

2. Обоснованы три критерия допустимой бланкетности по ст.ст. 198-199.4 УК РФ (автономия — предсказуемость — воспроизводимость), образующие методологический фильтр правоприменения. Соблюдение данных критериев должно обеспечить баланс между гибкостью межотраслевого регулирования и требованиями принципа законности.

3. Разработан проект методики по разграничению налоговых преступлений со смежными составами на основе источника бланкетного восполнения диспозиции и семантических особенностей составов преступлений по ст.ст. 198-199.4 УК РФ. В частности, если содержание нормы конкретизируется исключительно НК РФ, то это специальный налоговый состав. Если восполнение уголовной нормы опирается на таможенное, валютное, корпоративное законодательство, то это смежные составы преступлений, предусмотренные ст.ст. 159, 171.1, 193.1, 194-196, 201, 145.1 УК РФ.

4. Установлены практические алгоритмы квалификации по формуле: налоговое правонарушение — межотраслевое нормативное наполнение (НК РФ и иные нормативные правовые акты финансового законодательства) — признаки состава преступления — квалификация деяния. Данные алгоритмы обеспечивают воспроизводимость состава преступления при бланкетной конструкции.

5. Разработанная двухуровневая методика квалификации (классический анализ состава преступления и бланкетно-семантический элемент) представляет собой уголовно-правовую новацию, позволяющую формализовать процесс разграничения налоговых преступлений со

смежными составами, выделяя составы сопутствующих преступлений, в условиях терминологической вариативности и нормативной нестабильности внешних источников. При этом данная методика создает основу для дальнейшей автоматизации правоприменения по ст.ст. 198-199.4 УК РФ с использованием технологий искусственного интеллекта* [18, с. 21].

Кроме того, следует отметить отсутствие до настоящего времени судебной практики по ст.ст. 199.3 и 199.4, включенным в УК РФ в 2017 году. Это подтверждает гипотезу о том, что превышение порога допустимой бланкетности с учетом экономической реальности при низких ставках по страховым взносам влечет создание норм, формально существующих в УК РФ, но не применяемых из-за чрезмерной процедурной усложненности.

Таким образом, «повышенная бланкетность» норм о налоговых преступлениях является не дефектом уголовного закона, а индикатором адаптации уголовного права к динамике публично-финансовых отношений. Разработанный автором настоящей статьи концепт двухуровневой методики квалификации норм о налоговых преступлениях, включающий бланкетно-семантический компонент, позволяет перейти от формально-доктринального к когнитивно-аналитическому подходу, в котором бланкетность будет выступать системным элементом состава преступления, а не внешним его признаком.

В перспективе данный подход открывает возможность автоматизированной интерпретации уголовных норм на основе коэффициента «В» и семантических моделей, что согласуется с современной тенденцией «машиночитаемого уголовного права» и рекомендациями цифровой трансформации судебной аналитики.

Виртуальная симуляция с использованием новейших прогностических возможностей искусственного интеллекта на ближайшие 10 лет (2026-2035 годы) осно-

ванная на дискретно-событийной модели процессуальных стадий (доследственная проверка — стадия возбуждения уголовного дела по ст.ст. 198-199.4 УК РФ — расследование уголовного дела — судебное разбирательство — приговор), показала, что разработанная концепция бланкетно-семантической методики квалификации достаточно эффективна.

В условиях моделирования типовых и сложных уголовных дел о налоговых преступлениях установлено, что внедрение методики позволит:

- сократить средний срок расследования на 1,8 месяца (или $\approx 20\%$ от среднего периода по делам данной категории);

- уменьшить продолжительность судебного разбирательства на 1 месяц (или $\approx 15\%$);

- совокупно сократить общий срок разрешения уголовного дела (от стадии возбуждения уголовного дела до вынесения приговора) до 3 месяцев;

- повысить точность квалификации и полноту совпадения с признаками состава преступления в 2,3 раза;

- минимизировать риск «фрагментарной квалификации» и ускорить процесс правовой верификации доказательств.

Полученные результаты подтверждают, что интеграция нового метода с дальнейшей возможностью элементов машинного моделирования способна стать инструментом повышения эффективности судопроизводства по уголовным делам о налоговых преступлениях. Данный подход согласуется с положениями Концепции информационной политики судебной системы на 2020-2030 годы (одобрена Советом судей Российской Федерации 5 декабря 2019 г.)**, стратегическими направлениями цифровой трансформации правосудия Российской Федерации до 2030 года*** и мнением иных исследователей [19, с. 317].

** Концепция информационной политики судебной системы на 2020-2030 годы (одобрена Советом судей Российской Федерации 5 дек. 2019 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

*** Концепция информатизации Верховного Суда Российской Федерации: утв. приказом Председателя Верховного Суда РФ от 15 февр. 2021 г. N 9-П // Там же.

* Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ N 2024666290. Российская Федерация. Искусственный интеллект противодействия налоговым преступлениям: N 2024664695: заявл. 29.06.2024: опубл. 11.07.2024 / Вальтер А.В., Гончаров Д.Ю.

Список источников

1. Пикуров Н.И. Квалификация преступлений с бланкетными признаками состава. Москва: Российская академия правосудия, 2009. 288 с.
2. Кипарисов Ф.Г. Понятие бланкетных норм права // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. N 2. С. 166-169.
3. Бойко А.И. Бланкетность – гордиев узел уголовного права // Библиотека уголовного права и криминологии. 2013. N 1. С. 7-17.
4. Пикуров Н.И. Стоит ли разрубать гордиев узел бланкетности // Библиотека уголовного права и криминологии. 2013. N 2. С. 6-12.
5. Арямов А.А. Бланкетность – гордиев узел или кокетливый бантик // Библиотека уголовного права и криминологии. 2013. N 3. С. 4-12.
6. Вальтер А.В. Повышенная бланкетность как проблема квалификации налоговых преступлений // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. N 4. С. 94-99.
7. Лопашенко Н.А. Размышления об уголовном праве. Принципы уголовного законодательства. Уголовный закон. Преступление, проступок и состав преступления. Авторский курс: монография. Москва, 2020. 437 с.
8. Кауфман М.А. Конституционный принцип законности: уголовно-правовой аспект // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. N 4. С. 85-91.
9. Пудовочкин Ю.Е., Бабаев М.М. Непредсказуемость в сфере создания и применения уголовного закона: проблемы типологии и оценки // Журнал российского права. 2025. N 2. С. 121-136.
10. Ковлер А.И. Европейская конвенция: проблемы толкования и имплементации: монография. Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; Норма: ИНФРА-М, 2019. 400 с.
11. Михайлова И.А. Бланкетные нормы в уголовном законе и их применение органами внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2009. 290 с.
12. Гаухман Л.Д. Проблемы УК РФ: бланкетность, декларативность, казуистичность // Уголовное право в XXI веке: материалы Междунар. науч. конф. Москва, 2002. С. 48-61.
13. Пикуров Н.И., Иванов Н.В. Бланкетная форма конструирования в уголовном праве // Юридическая техника. 2013. N 7 (ч. 2). С. 597-603.
14. Панкратьев А.Н. Применение и развитие специального повода возбуждения уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 198-199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации // Российский следователь. 2024. N 6. С. 22-26.
15. Волженкин Б.В. Экономические преступления. Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 1999. 296 с.
16. Жутаев А.С. Органы, осуществляющие контроль и надзор в области налогов и сборов: правовое регулирование их взаимодействия // Налоги. 2020. N 4. С. 17-21.
17. Сельский А.В. Бланкетные нормы в уголовном законодательстве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2010. 191 с.
18. Вальтер А.В. Искусственный интеллект в противодействии налоговым преступлениям // Материалы криминалистических чтений. Барнаул: Барнаульский юрид. ин-т МВД России, 2024. С. 20-22.
19. Шундилов К.В. Искусственный интеллект в российском правосудии: состояние и перспективы // Образование и право. 2023. N 8. С. 315-321.

References

1. Pikurov N.I. Qualification of Crimes with Blanket Elements of Composition. Moscow, Russian Academy of Justice, 2009. 288 p. (In Russ.).
2. Kiparisov F.G. The Concept of Blanket Legal Norms. Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021, no. 2, pp. 166-169. (In Russ.).
3. Boyko A.I. Blanketness: the Gordian Knot of Criminal Law. Library of Criminal Law and Criminology, 2013, no. 1, pp. 7-17. (In Russ.).
4. Pikurov N.I. Is It Worth Cutting the Gordian Knot of Blanketness? Library of Criminal Law and Criminology, 2013, no. 2, pp. 6-12. (In Russ.).
5. Aryamov A.A. Blanketness – a Gordian Knot or a Coquettish Bow. Library of Criminal Law and Criminology, 2013, no. 3, pp. 4-12. (In Russ.).
6. Val'ter A.V. Increased Blanketness as a Problem of Qualifying Tax Crimes. Law and Order: History, Theory, Practice, 2024, no. 4, pp. 94-99. (In Russ.).
7. Lopashenko N.A. Reflections on Criminal Law. Principles of Criminal Legislation. Criminal Law. Crime, Misdemeanor, and Corpus Delicti. Author's Course. Moscow, 2020. 437 p. (In Russ.).
8. Kaufman M.A. Constitutional Principle of Legality: Criminal Law Aspect. Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice, 2022, no. 4, pp. 85-91. (In Russ.).

9. Pudovochkin Yu.E., Babaev M.M. Unpredictability in the Sphere of Creation and Application of Criminal Law: Problems of Typology and Assessment. *Journal of Russian Law*, 2025, no. 2, pp. 121-136. (In Russ.).
10. Kovler A.I. European Convention: Problems of Interpretation and Implementation. Moscow, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Norma: INFRA-M Publ., 2019. 400 p. (In Russ.).
11. Mihaylova I.A. Blanket Norms in Criminal Law and Their Application by Internal Affairs Bodies. Cand. Diss. Moscow, 2009. 290 p. (In Russ.).
12. Gauhman L.D. Problems of the Criminal Code of the Russian Federation: Blanket Nature, Declarative Nature, Casuistry. *Criminal Law in the 21st Century*. Moscow, 2002. Pp. 48-61. (In Russ.).
13. Pikurov N.I., Ivanov N.V. Blanket Form of Construction in Criminal Law. *Legal Technique*, 2013, no. 7 (part 2), pp. 597-603. (In Russ.).
14. Pankrat'ev A.N. Application and Development of a Special Reason for Initiating Criminal Cases on Crimes Provided for in Articles 198-199.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Russian Investigator*, 2024, no. 6, pp. 22-26. (In Russ.).
15. Volzhenkin B.V. *Economic Crimes*. St. Petersburg, Yurid. tsentr Press Publ., 1999. 296 p. (In Russ.).
16. Zhutayev A.S. Bodies exercising control and supervision in the field of taxes and fees: legal regulation of their interaction. *Taxes*, 2020, no. 4, pp. 17-21. (In Russ.).
17. Sel'skiy A.V. Blanket norms in the criminal legislation of Russia. Autoabstract Cand. Diss. Moscow, 2010. 191 p. (In Russ.).
18. Val'ter A.V. Artificial intelligence in countering tax crimes. Materials of forensic readings. Barnaul, Barnaul Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024. Pp. 20-22. (In Russ.).
19. Shundikov K.V. Artificial intelligence in Russian justice: status and prospects. *Education and Law*, 2023, no. 8, pp. 315-321. (In Russ.).

Научная специальность: 5.1.4

Особенности объекта преступления в области защиты авторских прав в условиях цифровизации

Сергей Валерьевич Космачев,

Главное управление Министерства внутренних дел Российской Федерации по Челябинской области, Челябинск, Россия, kosm_sv_@mail.ru

Аннотация. В условиях стремительной цифровизации общества проблема определения объекта преступления, ответственность за совершение которого закреплена статьей 146 Уголовного кодекса Российской Федерации, приобретает особую актуальность. Автором настоящей статьи анализируется диссонанс между формальной квалификацией деяния, предусмотренного нормой, которая размещена в главе о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина, и его реальной социально-экономической природой. Аргументируется, что истинный объект рассматриваемого преступления — не абстрактное право на результат творческой деятельности, а имущественные интересы правообладателей, которым причиняется значительный ущерб посредством незаконного использования объектов авторского права. На основе анализа научных позиций формулируется теоретическое положение о необходимости переноса статьи 146 Уголовного кодекса Российской Федерации в главу 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» уголовного закона.

Ключевые слова: объект преступления, авторские права, нарушение авторских прав, уголовная ответственность, интеллектуальная собственность

Для цитирования: Космачев С.В. Особенности объекта преступления в области защиты авторских прав в условиях цифровизации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2025. N 4 (74). С. 86-93.

Specificities of the object of a copyright crime in the context of digitalization

Sergey V. Kosmachev,

Main Directorate of the Ministry of the Interior of the Russian Federation for the Chelyabinsk region, Chelyabinsk, Russia, kosm_sv_@mail.ru

Abstract. It is noted that the problem of determining the object of the offence incriminated by Article 146 of the Criminal Code of the Russian Federation, is of particular relevance amidst the rapid digitalization of our society. The dissonance between the formal classification of the act provided for by the norm, which is located in the chapter on crimes against the constitutional human and civil rights and freedoms, and its actual socioeconomic nature, is analyzed. It is argued that the real object of the crime under consideration is not the abstract right to the results of creative activity, but the property interests of right holders, who suffer significant damage through the illegal use of copyright objects. The theoretical position on the need to transpose Article 146 of the Criminal Code of the Russian Federation into Chapter 22 "Crimes in the sphere of economic activity" is formulated based on the analysis of scientific positions.

Keywords: object of crime, copyrights, copyright infringement, criminal liability, intellectual property

For citation: Kosmachev S.V. Specificities of the object of a copyright crime in the context of digitalization // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2025. No. 4 (74). P. 86-93.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации* указывается, что состояние инновационной сферы в науке, промышленности, образовании, здравоохранении и культуре являются ключевыми индикаторами конкурентоспособности России. Сохранение и преумножение интеллектуального потенциала нации, охрана прав на интеллектуальную собственность не только стимулируют индивидуальное развитие личности, но и повышают благосостояние населения, укрепляют социально-экономическую безопасность государства. Экономический суверенитет и безопасность в значительной степени зависят от того, насколько в государстве охраняются общественные отношения, связанные с интеллектуальной собственностью. Интеллектуальная собственность охраняется мерами административного, гражданского и уголовного права.

Проблема эффективной защиты интеллектуальной собственности в современной России находится на пересечении технологических, экономических и правовых вызовов. Активный процесс цифровизации всех сфер жизни, особенно информационно-коммуникационных технологий, кардинально изменил характер и масштабы нарушений авторских прав. Появление новых платформ для распространения контента (в том числе файлообменные сети, стриминговые сервисы и др.) сделало борьбу с «пиратством» в сфере интеллектуальной собственности крайне сложной задачей.

Однако до поиска методов противодействия противоправным деяниям необходимо обратиться к основанию уголовно-правового регулирования — определению объекта преступления. Следует отметить, что отношения собственности имеют место в сфере интеллектуальных благ. Общественные отношения, связанные с интеллектуальной собственностью, имеют признаки, общие с традиционными (материальными) отношениями

собственности: в интеллектуальной сфере существует присвоение и отчуждение соответствующих благ (знаний, информации и т.п.); содержание конструкций фактически включает три правомочия: владение (обладание), пользование (использование), распоряжение; исключительные права являются имущественными правами.

Квалификация любого общественно опасного деяния невозможна без точного установления всех его признаков, закрепленных в ст. 8 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), одним из которых является объект. Настоящая статья направлена на выявление специфики объекта преступлений, предусмотренных ст. 146 УК РФ, в свете современных реалий цифровой эпохи. Цель автора настоящей статьи — показать, что отнесение данного состава к преступлениям против конституционных прав и свобод человека и гражданина препятствует эффективной защите имущественных интересов правообладателей и требует системных изменений законодательства и правоприменительной практики.

Исходное положение. Фундаментальным вопросом в теории и на практике является определение объекта преступлений, предусмотренных ст. 146 УК РФ. В настоящее время данная статья размещена в главе 19 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина» УК РФ. Эта классификация формально указывает на то, что ее непосредственным объектом являются общественные отношения, связанные с реализацией гражданами их конституционных прав на научное и художественное творчество. Представляется, что данный подход не соответствует сути происходящего в реальных условиях современности.

Изучению объекта преступления уделялось достаточно внимания в трудах российских ученых-правоведов как в дореволюционный, так и в советский период истории. В 60-е годы XX века научная мысль была сосредоточена на проблеме научного обоснования понятия «объект преступления», его общественных и существенных характеристиках, отмечалась его центральная роль, теоретическая и практическая значимость, которую невозможно переоценить для уголовного законодатель-

* Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. N 400 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://www.pravo.gov.ru>

ства. Например, Б.С. Никифоров указывает на необходимость полноты охвата и отграничения преступных посягательств на те блага и интересы, которые специально охраняются уголовным законом, от любого другого воздействия (и в этом смысле «безразличного» для уголовного права).

Обосновывая данное положение, Б.С. Никифоров подчеркивает значение общего определения объекта преступления для установления границ преступного, для отграничения преступления от других правонарушений, поскольку преступление есть правонарушение, посягающее на определенные объекты, но не на любые, а только на некоторые интересы, охраняемые вследствие их значения для общества уголовным законом. Отсюда следует, что правонарушения, посягающие на иные интересы (блага), не являются преступлениями и поэтому не должны влечь уголовного наказания. Если преступлением является правонарушение, причиняющее объекту не любой, а определенный уголовным законом вред, именно тот, который законодатель стремится предотвратить угрозой уголовного наказания, то правонарушения, причиняющие объекту иной какой-либо вред, не предусмотренный в уголовном законе, не являются преступлениями [1, с. 4-5].

Определение объекта преступления в действующем УК РФ отсутствует, но его сущность раскрыта в правовой доктрине, где объект преступления определяется как охраняемые законом общественные отношения, на которые посягает преступление и которым оно причиняет вред либо создает реальную угрозу такого вреда. Общественные отношения, являющиеся объектом преступления, включают: субъектов (участников); социальные блага (в том числе собственность); установленный правовой порядок охраны [2, с. 68-69].

В современных юридических исследованиях изучению объекта преступления продолжает уделяться значительное внимание. Е.В. Щелконогова подчеркивает, что именно выявление объекта позволяет раскрыть социальную и юридическую сущность преступления и определить границы применимости нормы [3, с. 129]. Г.В. Верина, анализируя сложившиеся к настоящему времени концепции объекта преступления, отмечает, что единой концепции

понимания объекта преступления пока не выработано. Наряду с концепцией «объект преступления — общественные отношения», есть и иные, например, ««совокупность благ, охраняемых уголовным законом», «ценности, охраняемые уголовным законом от преступных посягательств» и др. [4, с. 4]. Например, указывается, что объектом преступления являются не только общественные отношения, но и определенные «блага» и «интересы» [5, с. 71-72].

В соответствии с изменяющимися условиями общественной и политической жизни в стране в научных работах придается большое значение рассмотрению различных аспектов объекта преступления, в то время как соотношению понятий объекта уголовно-правовой охраны и объекта преступления в доктрине уголовного права, по мнению Г.П. Новоселова и Л.Ю. Федосеевой, уделяется значительно меньше внимания, так как большинство исследователей исходят из максимальной схожести, если не сказать тождественности этих понятий [6, с. 60]. По утверждению О.К. Зателепина, «...объектом уголовно-правовой охраны является то, что защищается государством от общественно опасных посягательств, а объектом преступления — то, чему преступник в результате общественно опасного посягательства причинил вред» [7, с. 17].

Относительно объекта посягательств на авторские права интересна точка зрения А.А. Лебедевой и М.С. Скомороховой о необходимости разграничения понятий «объект преступления» и «объект уголовно-правового обеспечения в сфере интеллектуальной собственности»: «...они отражают связь объекта и субъекта деятельности. Соответственно, понятие "объект преступления" отражает связь преступника и той ценности, на которую он посягает. Это то, чему причиняет вред преступник, нарушая интеллектуальные права. Объект уголовно-правовой охраны характеризует связи государства и той ценности, которую оно охраняет. Это та ценность в области интеллектуальной собственности, которую охраняет государство» [8, с. 343].

В настоящее время в науке уголовного права изучение объекта преступления и объекта уголовно-правовой охраны продолжается, с одной стороны, это соответствует обогащению научно-теоретического

знания, с другой — указывает на изменяющийся контекст действительности, что в итоге влияет на уточнение и дифференциацию (кодификация, классификация и др.) в соответствии с условиями реальности и, следовательно, позволяет осуществлять совершенствование уголовно-правовых норм.

Развивающиеся социально-экономические отношения и научно-технический прогресс влияют на перечень объектов правовой охраны. Таким образом, он не является ригидным (неизменным, раз и навсегда установленным). Объект преступления в цифровую эпоху также требует уточнения.

Статья 2 УК РФ, определяя задачи действующего уголовного закона, по сути, содержит перечень наиболее значимых объектов преступлений. Следует рассмотреть закрепленную в Особенной части УК РФ классификацию объектов преступления (разделы VII-XII): права и свободы человека и гражданина; экономическая деятельность (собственность, имущественные права); общественный порядок и общественная безопасность; окружающая среда; государственная власть и конституционный строй Российской Федерации; мир и безопасность человечества. При анализе системы объектов учитывается прежде всего степень схожести и самостоятельности признаков объекта относительно друг друга.

Важным вопросом для теории и практики является определение объекта преступлений, предусмотренных ст. 146 УК РФ. В исследовании С.И. Улезько справедливо отмечается, что «...основным непосредственным объектом преступления является то общественное отношение, изменение которого составляет социальную сущность данного преступления и в целях охраны которого издана уголовно-правовая норма. Основным объектом относится к той же сфере общественных отношений, что и родовой объект преступления, поэтому они совпадают с ним по содержанию... в настоящее время УК РФ поделен на разделы, главы и статьи. Четырехзвенная легальная структура УК РФ подтвердила тенденцию к развитию логического подхода формирования легальных видов объекта. При анализе системы объектов

учитывается прежде всего степень схожести и самостоятельности признаков объекта относительно друг друга, когда нижестоящий объект является составной частью вышестоящего» [9, с. 70, 72].

Главенствующая роль в защите интеллектуальных прав личности возлагается на государство. Статьей 44 Конституции Российской Федерации* каждому гарантирована свобода всех видов творчества (технического, художественного, литературного и др.) и преподавания. Таким образом, следуя логике, ст. 146 УК РФ размещена в главе 19 кодекса «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина». Это формально указывает на то, что непосредственным объектом состава преступления, предусмотренного данной статьей, являются общественные отношения, связанные с реализацией гражданами их конституционных прав и свобод, в том числе на научное и художественное творчество.

Действующий УК РФ был принят в 1996 году, в период смены концептуальной парадигмы правовой системы, от догмата государства к превалированию интересов личности, гарантированных Конституцией прав и свобод человека и гражданина. Таким образом, акцент сделан именно на саморазвитии личности и свободе самореализации, а не на экономической стороне использования интеллектуальной собственности правообладателя.

Современные реалии показывают, что успешное развитие экономики и общества должно быть защищено действенными мерами уголовно-правовой охраны интеллектуальной собственности, в том числе авторских и смежных прав. А.И. Золотов и Л.В. Столбина на основе анализа правоприменительной практики органов предварительного расследования и суда констатируют, что уголовное преследование по ч. 1 ст. 146 УК РФ осуществляется крайне редко, несмотря на регулярно публикуемые в СМИ заявления «пострадав-

* Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Рос. газ. 1993. 25 дек.; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

ших» о «присвоении авторства текстов» и «краже идей» [10, с. 21].

Развитие Российской Федерации характеризуется ускоренным внедрением цифровых технологий в экономику и социальную сферу, созданием условий для инноваций и высокотехнологичного бизнеса, новых возможностей для малого и среднего предпринимательства, индивидуальных инициатив. Т.М. Лопатина и Е.А. Русскевич подробно рассматривают «две стороны медали» цифровой эпохи, отмечая не только прогрессивную сторону, но и имеющиеся проблемы и грядущие риски. Цифровая экономика задает ускоренные темпы общественного развития. При этом, с одной стороны, создаются пути и способы, а также ресурсы для формирования новых социальных и экономических потребностей граждан, с другой стороны, активизируются криминальные интересы определенного круга лиц, осваивающих «новое пространство», выступая «теневой» стороной прогресса. Таким образом, уголовно-правовая охрана интеллектуальных прав сохраняет свою актуальность и непреходящее прикладное значение, получив новое направление под влиянием цифровизации [11, с. 77].

Принятие четвертой части Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) существенно отразилось на состоянии правового регулирования интеллектуальной собственности, однако многие вопросы правового статуса участников этих отношений, а также статуса ряда объектов остались неразрешенными.

Современная отечественная юриспруденция рассматривает интеллектуальную собственность как совокупность имущественных прав на объективно выраженный результат интеллектуального труда, что отражено в части четвертой ГК РФ. Основная цель уголовного закона — защита этих имущественных интересов от крупного экономического ущерба, который наносится правообладателям в результате незаконного использования их произведений, фонограмм, программ для ЭВМ, баз данных и др. Финансовые потери от интеллектуального «пиратства» исчисляются миллиардами рублей и подрывают экономическую основу инновационной деятельности.

Одной из основных причин низкой эффективности в Российской Федерации механизма защиты интеллектуальной собственности в сфере цифровизации является «...слабый отклик системы права на расширение перечня прорывных и перспективных цифровых технологий» [12, с. 120].

«Цифровая среда порождает целый ряд специфических рисков, связанных с защитой интеллектуальной собственности: 1) кража и несанкционированное использование результатов творческой деятельности; 2) проблемы цифрового плагиата; 3) нелегальное воспроизведение авторских продуктов; 4) утечка конфиденциальной информации; 5) распространение контрафактной продукции...» [13, с. 179-180]. Цифровизация привела к тому, что объект преступления стал еще более сложным и многогранным. Он уже не ограничивается простым материальным экземпляром, но охватывает всю цепочку создания, распространения и монетизации цифрового контента. Преобладание имущественного интереса становится очевидным.

Учитывая вышеизложенное, представляется более логичным и обоснованным перенос ст. 146 УК РФ из главы 19 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина», в главу 22 «Преступления в сфере экономической деятельности». Реализация этого предложения была бы последовательным продолжением признания интеллектуальной собственности как особой категории имущественных прав. Предложение можно усилить еще двумя аргументами: во-первых, указав на дореволюционное уголовное законодательство, которое относило преступления против авторских прав к имущественным преступлениям, что логично подтверждает историческую преемственность данного подхода в российском законодательстве; во-вторых, обратиться к международной практике в этом вопросе. Например, С.Н. Титов провел расширенный анализ современной уголовно-правовой охраны интеллектуальной собственности в зарубежных странах (на примерах романо-германской правовой семьи и англосаксонской правовой семьи), убедительно показав, что все преступления, включающие посягательства на объекты интеллектуальной собственности,

отнесены к преступлениям в сфере экономической деятельности [14, с. 45].

Таким образом, в современных условиях общественным отношениям, включающим имущественную составляющую интеллектуальной собственности, причиняется гораздо больший вред, в отличие от права на интеллектуальную собственность в общем понимании. Более того, аналогичный подход уже применяется в Особенной части УК РФ (ст. 180*). Следует отметить, что состав преступления, предусмотренного ст. 180 УК РФ, сформулирован как двухобъектный.

П.В. Замосковцевым относительно классификации объектов по горизонтали (двухобъектные преступления) указывается следующее: «...во всех случаях, когда преступление одновременно посягает на несколько разнородных интересов, лежащих в сфере различных родовых объектов, более правильно говорить о суммарном непосредственном объекте того или иного общественно опасного деяния, т.е. о суммарном объекте уголовно-правовой охраны» [15, с. 16]. Сущность двухобъектного преступления заключается в том, что при посягательстве на дополнительный объект преступления неизбежно причиняется вред непосредственному объекту.

Непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 180 УК РФ, выступают общественные отношения, направленные на охрану добросовестной конкуренции, а дополнительным объектом — общественные отношения, охраняющие интеллектуальную собственность. Следовательно, ст. 180 УК РФ охраняет как общественные интересы, обеспечивающие честный товарооборот и конкуренцию, так и частные имущественные права правообладателей. Посягательство на эти объекты выражается в незаконном многократном использовании чужих средств индивидуализации, что наносит крупный ущерб владельцам или третьим лицам. Это подтверждается современной правопримени-

тельной практикой и научной доктриной, подчеркивающей важность разграничения основного (общественные отношения в сфере рынка и конкуренции) и дополнительного объекта (право интеллектуальной собственности правообладателя) в квалификации состава преступления по ст. 180 УК РФ.

Относительно преступления, предусмотренного ст. 146 «Нарушение авторских и смежных прав» УК РФ, в качестве непосредственного (основного) объекта выступают общественные отношения в сфере права на интеллектуальную собственность, то есть авторские и смежные права, под которыми понимаются права авторов и лиц, обладающих смежными правами (исполнители, организаторы эфира, звукозаписи и пр.). Именно эти нематериальные права охраняются законом и нарушаются противоправными действиями, квалифицируемыми по ст. 146 УК РФ; в качестве дополнительного объекта выступают общественные отношения, направленные на охрану имущественных интересов авторов и иных правообладателей. Нарушение авторских прав влечет причинение крупного материального ущерба, что составляет дополнительный объект посягательства.

Таким образом, расположение ст. 180 в главе 22 УК РФ является обоснованным и целесообразным, поскольку экономической составляющей общественных отношений, охраняемых данной нормой, причиняется существенно больший вред, чем праву интеллектуальной собственности. Аналогичный подход в современный период, когда бурно развиваются общественные отношения в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, логично применить и к ст. 146 УК РФ, поскольку нарушение авторских и смежных прав является двухобъектным преступлением, которое включает охрану интеллектуальных прав и имущественных интересов.

В заключение следует отметить, что современная квалификация преступлений в сфере интеллектуальной собственности требует переосмысления природы их объекта: ст. 146 УК РФ должна быть перенесена из главы о преступлениях против конституционных правах и свобод человека и гражданина в главу 22 «Преступления в сфере экономической деятельности»,

* Статьей 180 УК РФ закреплена уголовная ответственность за незаконное использование чужого товарного знака, знака обслуживания, наименования места происхождения товара или сходных с ними обозначений для однородных товаров, если это деяние совершено неоднократно или причинило крупный ущерб.

поскольку реальным объектом предусмотренного данной статьей состава преступления являются не абстрактные права на результаты творческой деятельности, а имущественные интересы правообладателей. Только преодоление этих системных проблем позволит перейти от реактивной борьбы с последствиями к проактивной, стандартизированной и эффективной системе защиты интеллектуальной собственности.

Таким образом, существует глубокий диссонанс между формальной квалификацией состава и его реальной социаль-

но-экономической природой, что лишает уголовно-правовую охрану своей эффективности. Представляется, что в эпоху цифровизации общества акцент в первую очередь следует делать на охране экономической составляющей объектов интеллектуальной собственности как непосредственного (основного) объекта и охране интеллектуальной собственности правообладателя как дополнительного объекта, что важно для охраны экономической безопасности государства, правильной квалификации преступлений и привлечения виновных лиц к уголовной ответственности.

Список источников

1. Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. Москва, 1960. 232 с.
2. Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / отв. ред. А.В. Наумов, А.Г. Кибальник. 6-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2025. 448 с.
3. Щелконогова Е.В. Значение объекта преступления для системы особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. N 2. С. 128-133.
4. Верина Г.В. Об истоках современных концепций объекта преступления // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2016. N 1. С. 4-7.
5. Карабанова Е.Н. Понятие объекта преступления в современном уголовном праве // Журнал российского права. 2018. N 6. С. 69-77.
6. Новоселов Г.П., Федосеева Л.Ю. Объект уголовно-правовой охраны и объект преступления: соотношение и уголовно-правовое значение // Российское право: образование, практика, наука. 2019. N 4. С. 60-70.
7. Зателепин О.К. Соотношение понятий уголовно-правовой охраны и объекта преступления в российской науке уголовного права // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2017. N 3. С. 14-17.
8. Лебедева А.А., Скоморохова М.С. Тенденции в определении объекта преступлений в сфере интеллектуальной собственности // Вопросы российской юстиции. 2024. N 30. С. 338-345.
9. Улезько С.И. Классификация объектов преступления // Общество и право. 2013. N 4. С. 70-74.
10. Золотов А.И., Столбина Л.В. Актуальные проблемы реализации уголовно-правовой защиты авторских и смежных прав: новое время авторства // Вестник Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина. 2018. N 1. С. 21-25.
11. Лопатина Т.М., Русскевич Е.А. Интеллектуальная собственность и цифровизация: уголовно-правовой взгляд // Вестник Российской правовой академии. 2022. N 3. С. 76-83.
12. Нарыжный Н.А. Механизм защиты интеллектуальной собственности в сфере цифровизации и ее составляющие // Вестник Донецкого национального университета. Сер.: В: Экономика и право. 2020. N 1. С. 114-122.
13. Талачева Э.Ф. Проблемы защиты интеллектуальной собственности в цифровую эпоху // Символ науки. 2025. N 4-2. С. 179-180.
14. Титов С.Н. Уголовно-правовая охрана интеллектуальной собственности в странах Запада // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. T. 19. N 2. С. 41-53.
15. Замосковцев П.В. О многообъектности преступных посягательств // Проблемы борьбы с преступностью. Омск, 1978. С. 3-16.

References

1. Nikiforov B.S. The Object of a Crime under Soviet Criminal Law. Moscow, 1960. 232 p. (In Russ.).
2. Criminal Law. General Part: Textbook for Universities. Moscow, Yurait Publ., 2025. 448 p. (In Russ.).
3. Shchelkonogova E.V. The Importance of the Object of a Crime for the System of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. Law and Order: History, Theory, Practice, 2023, no. 2, pp. 128-133. (In Russ.).
4. Verina G.V. On the Origins of Modern Concepts of the Object of a Crime. Current Issues in Combating Crime, 2016, no. 1, pp. 4-7. (In Russ.).
5. Karabanova E.N. The Concept of the Object of a Crime in Modern Criminal Law. Journal of Russian Law, 2018, no. 6, pp. 69-77. (In Russ.).

6. Novoselov G.P., Fedoseeva L.Yu. The Object of Criminal-Law Protection and the Object of a Crime: Relationship and Criminal-Law Significance. *Russian Law: Education, Practice, Science*, 2019, no. 4, pp. 60-70. (In Russ.).
7. Zatelepin O.K. The Correlation of the Concepts of Criminal-Law Protection and the Object of a Crime in Russian Criminal Law Science. *Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation*, 2017, no. 3, pp. 14-17. (In Russ.).
8. Lebedeva A.A., Skomorokhova M.S. Trends in Defining the Object of Intellectual Property Crimes. *Issues of Russian Justice*, 2024, no. 30, pp. 338-345. (In Russ.).
9. Ulez'ko S.I. Classification of Objects of Crime. *Society and Law*, 2013, no. 4, pp. 70-74. (In Russ.).
10. Zolotov A.I., Stolbina L.V. Actual Problems of Implementation of Criminal-Law Protection of Copyright and Related Rights: New Time of Authorship. *Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin*, 2018, no. 1, pp. 21-25. (In Russ.).
11. Lopatina T.M., Russkevich E.A. Intellectual Property and Digitalization: Criminal-Law View. *Bulletin of the Russian Law Academy*, 2022, no. 3, pp. 76-83. (In Russ.).
12. Naryzhny N.A. The mechanism of intellectual property protection in the field of digitalization and its components. *Bulletin of Donetsk National University. Series: In: Economy and Law*, 2020, no. 1, pp. 114-122. (In Russ.).
13. Talacheva E.F. Problems of intellectual property protection in the digital age. *Symbol of science*, 2025, no. 4-2, pp. 179-180. (In Russ.).
14. Titov S.N. Criminal-legal protection of intellectual property in Western countries. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2023, vol. 19, no. 2, pp. 41-53. (In Russ.).
15. Zamoskovtsev P.V. On the multi-objectivity of criminal attacks. *Problems of combating crime*. Omsk, 1978. Pp. 3-16. (In Russ.).

Раздел 5. Пенитенциарная система

Научная специальность: 5.1.4

Охранительные правоотношения в механизме отбывания уголовных наказаний в виде обязательных и исправительных работ

Дмитрий Владимирович Горбань,

кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний, Пушкин, Россия, gorban.d.v@fsin.gov.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9442-7712>

Аннотация. В статье анализируются сущность и особенности охранительных правоотношений, возникающих в процессе отбывания уголовных наказаний в виде обязательных и исправительных работ на современном этапе развития уголовно-исполнительной политики российского государства. Автором исследовано действующее отечественное уголовное и уголовно-исполнительное законодательство относительно выявления проблемных вопросов и пробелов в указанной области общественных отношений. На основе проведенного анализа законодательства, а также подходов современных ученых к исследуемой в статье проблематике выявлены и обозначены недостатки охранительного механизма рассматриваемых видов уголовных наказаний. В целях повышения потенциала и эффективности реализации охранительных норм для анализируемых видов уголовных наказаний предложено внести изменения в действующее уголовное и уголовно-исполнительное законодательство.

Ключевые слова: альтернативные наказания, исправительные работы, обязательные работы, охранительная норма, уголовное законодательство, уголовно-исполнительное законодательство, злостное уклонение от наказания

Для цитирования: Горбань Д.В. Охранительные правоотношения в механизме отбывания уголовных наказаний в виде обязательных и исправительных работ // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2025. N 4 (74). С. 94-102.

Protective legal relations in the mechanism of serving criminal penalties in the form of compulsory and correctional labour

Dmitry V. Gorban',

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, St. Petersburg University of the Federal Penitentiary Service, Pushkin, Russia, gorban.d.v@fsin.gov.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9442-7712>

Abstract. The article analyzes the nature and specific features of the protective legal relations arising in the course of serving criminal penalties in the form of compulsory and correctional labour at the current stage of development of the Russian penal policy. The author examines the current domestic criminal and penal legislation to identify the problematic issues and gaps in this area of social relations. Based on the analysis of both the legislation and the contemporary scientists' approaches to the issues studied in the article, some deficiencies in the protective mechanism for serving these types of criminal penalties are identified and outlined. In order to improve the potential and effectiveness of implementing the protective provisions for these types of criminal penalties, it is proposed to amend the current criminal and penal legislation.

Keywords: alternative penalties, correctional labour, compulsory labour, protective provision, criminal legislation, penal legislation, malicious evasion of penalty

For citation: Gorban' D.V. Protective legal relations in the mechanism of serving criminal penalties in the form of compulsory and correctional labour // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2025. No. 4 (74). P. 94-102.

Введение

В теории права одной из основополагающих классификаций правовых норм по основанию функционального назначения является их деление на регулятивные и охранительные (Алексеев С.С., 1982).

Функциональное назначение охранительных норм права заключается в охране (защите) общественных отношений от отклоняющегося поведения и правонарушений. Охранительные нормы включаются в механизм правового регулирования в случае вредоносного и опасного поведения субъекта общественных отношений. Они представляют собой реакцию государства на указанное поведение, которая выражается в виде санкций и юридической ответственности за совершенные правонарушения [1, с. 90].

Значимость охранительных норм в механизме правового регулирования не подвергается сомнению, поскольку они направлены на сдерживание субъектов общественных отношений от негативного поведения и негативных действий, а также на поддержание законности и правопорядка в целом.

Охранительные нормы присущи многим отраслям права — гражданскому, административному, уголовному. Моментом начала действия охранительных норм является момент совершения правонарушения (гражданского, административного, уголовного). Далее наступает юридическая ответственность определенного вида (гражданско-правовая, административная, уголовная), в том числе выражающаяся в санкциях. Применяя охранительные нормы в механизме правового регулирования, целесообразно говорить о самостоятельном виде общественных отношений — об охранительных отношениях [2, с. 100].

Охранительные правоотношения реализуют охранительную функцию права. Указанная функция проявляется в конкретном воплощении декларативного заявления государства (угроза применения санкции) в случае, если субъект правоотношений совершает противоправное действие [3, с. 105].

Основная часть

Охранительные нормы и охранительные правоотношения характерны и для отрасли уголовно-исполнительного

права. В указанной отрасли права охранительные нормы защищают правоотношения, возникающие в процессе отбывания (исполнения) уголовных наказаний.

Р.Д. Хритин отмечает, что в сфере реализации охранительных норм в уголовно-исполнительном праве имеется ряд проблемных вопросов, требующих изучения и выработки путей оптимизации. Указанные проблемные вопросы связаны, в частности, с ненадлежащей реализацией охранительных норм уголовно-исполнительного права, которая приводит к следующим негативным последствиям:

- высокий уровень рецидивной преступности;

- высокий уровень нарушений установленного порядка отбывания наказания осужденными и др. [4, с. 370].

На современном этапе развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации приоритетными постепенно становятся наказания, не связанные с лишением свободы. Данная тенденция отражает продолжающуюся гуманизацию карательной политики, а также перестройку общественно-политических отношений [5, с. 215].

По мнению П.В. Ивлиева и О.А. Никитиной, отмечаемый в научной литературе современный тренд на более частое применение альтернативных наказаний связан с рядом преимуществ последних. Во-первых, это более низкие показатели рецидива преступлений. Во-вторых, указанные наказания дают меньшую финансовую нагрузку на государственный бюджет. В-третьих, альтернативные наказания направлены на улучшение экономической составляющей общества. В-четвертых, такие виды наказаний предоставляют больше возможностей осужденным для поддержания социальных и семейных связей [6, с. 336].

Все вышеизложенное актуализирует вопросы научного обращения к проблемам охранительных правоотношений в механизме отбывания уголовных наказаний в виде обязательных и исправительных работ, а также выработке путей их решения.

Сущность охранительных правоотношений при отбывании указанных видов уголовных наказаний заключается в том,

что при уклонении (злостном уклонении) осужденных от отбывания наказаний запускается специфический охранительный механизм, который определяет взаимосвязь охранительной нормы с категорией «злостное уклонение» и предполагает определенную «реакцию» на данное «отклоняющееся» поведение.

Далее следует рассмотреть реализацию охранительных правоотношений в механизме отбывания уголовных наказаний в виде обязательных и исправительных работ.

Обязательные работы

Статья 29 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее — УИК РФ) закрепляет ответственность осужденных к обязательным работам. В случае нарушения осужденным порядка отбывания наказания уголовно-исполнительная инспекция выносит ему предупреждение о недопустимости таких действий и возможной замене отбываемого вида уголовного наказания на более строгий его вид.

Часть 1 ст. 30 УИК РФ предусматривает виды злостных уклонений от отбывания обязательных работ.

Для случаев злостного уклонения осужденных от отбывания рассматриваемого вида уголовного наказания в УИК РФ закреплен охранительный механизм. Данный механизм предусматривает подготовку уголовно-исполнительными инспекциями материалов и их направление в судебные органы для замены наказания в виде обязательных работ на более строгий вид уголовного наказания. В этом случае 8 часов обязательных работ заменяются на 1 день лишения свободы или принудительных работ.

Таким образом, в данном случае максимальный срок лишения свободы или принудительных работ при замене обязательных работ составляет 60 дней. Указанный размер наказаний при их замене практически соответствует положениям ч. 4 ст. 53.1 и ч. 2 ст. 56 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), так как не всегда 60 дней равны двум месяцам.

В научной литературе подвергается критике механизм (формула) замены обязательных работ на более строгий вид уголовного наказания. Ученые именуют ука-

занный механизм льготным и утверждают, что он создает предпосылки для уклонения от рассматриваемого вида уголовного наказания [7, с. 97].

Многие исследователи в качестве выхода из сложившейся ситуации предлагают изменение указанной формулы замены в сторону уменьшения количества часов обязательных работ, засчитываемых за один день более строгого вида уголовного наказания, а также увеличение максимального срока обязательных работ минимум в два раза [8, с. 82; 9, с. 17].

При решении указанной проблемы необходимо обратиться к положениям ст. 91 Трудового кодекса Российской Федерации (далее — ТК РФ), устанавливающей нормальную продолжительность рабочего времени в количестве 40 часов в неделю. Соответственно, при 8-часовом рабочем дне с учетом прибытия на место выполнения обязательных работ они могут начинаться между 17 и 19 часами (в большинстве изученных автором настоящей статьи случаев) и заканчиваться соответственно в период с 21:00 до 23:00 (кроме выходных дней). В связи с этим целесообразнее осуществлять замену обязательных работ на более строгий вид наказания не из расчета 8-ми часов (так как указанный объем невозможно отработать за один день (кроме выходных дней), а из расчета 4-х часов, в том числе с учетом положений ч. 2 ст. 49 УК РФ.

В указанном аспекте также необходимо учитывать положения ч. 2 ст. 27 УИК РФ, регламентирующей порядок исчисления сроков обязательных работ. Согласно обоснованной и справедливой позиции Т.В. Непомнящей, ч. 2 ст. 27 УИК РФ противоречит ч. 1 ст. 49 УК РФ. В соответствии с положениями уголовно-исполнительного законодательства обязательные работы отбываются после окончания работы, службы или учебы. Между тем в рассматриваемой статье УИК РФ отсутствуют положения о том, что они могут отбываться и до начала рабочего, служебного дня или обучения, потому что момент начала рабочего, служебного или учебного дня может быть вынесен во вторую половину дня или даже в ночное время (работа в третью смену или ночное время) (ст.ст. 96 и 103 ТК РФ). Кроме того,

в ч. 2 ст. 27 УИК РФ предусмотрен максимальный размер обязательных работ в рабочие дни в количестве 2 часов, о чем также не упоминается в ч. 1 ст. 49 УК РФ. В связи с этим вышеуказанным автором предлагается привести уголовно-исполнительное законодательство в соответствие с УК РФ и унифицировать регламентацию механизма отбывания наказания в виде обязательных работ [10, с. 82-83].

На основании вышеизложенного к решению сложившейся проблемы необходим комплексный подход, который должен включать как увеличение размера рассматриваемого вида наказания до 960 часов (с увеличением минимального его размера до 240 часов), так и корректировку размера наказания, учитываемого при его замене на лишение свободы или принудительные работы (до 4-х часов вместо 8-ми). Указанные законодательные изменения должны найти отражение в чч. 2 и 3 ст. 49 УК РФ.

Охранительный механизм закреплён в УИК РФ и применительно к злостному уклонению осуждённых, местонахождение которых неизвестно. В указанном случае осуждённый может быть объявлен в розыск и задержан изначально на 48 часов с последующим возможным продлением срока задержания до 30 суток. Речь в данном случае идёт об особом виде охранительных правоотношений — уголовно-исполнительном задержании.

По мнению П.М. Малина, в сфере уголовно-исполнительного задержания имеется ряд проблемных и дискуссионных вопросов, требующих правовой регламентации:

- основания уголовно-исполнительного задержания для различных видов уголовных наказаний;
- указание целей задержания для различных видов уголовных наказаний;
- категории осуждённых, подлежащих задержанию;
- места содержания задержанных осуждённых и др. [11, с. 45].

Представляется, что механизм уголовно-исполнительного задержания необходимо закрепить в УИК РФ с существующей нормативной проработкой и отражением всех изложенных выше проблемных и дискуссионных вопросов.

В рассматриваемой сфере общественных отношений также требует своего совершенствования охранительный механизм отбывания уголовного наказания в виде обязательных работ в отношении несовершеннолетних.

Следует согласиться с мнением С.А. Сторожева о том, что при назначении и исполнении обязательных работ ключевую роль играют такие социально-демографические факторы, как возраст и трудоспособность (состояние здоровья). В значительной степени именно эти критерии влияют на специфику назначения и исполнения наказания в виде обязательных работ и, как следствие, на эффективность применения уголовного наказания в целом, поскольку недостаточное внимание к этим факторам может привести к снижению эффективности самого наказания, которое, скорее всего, будет обусловлено несоответствием между требованиями, предъявляемыми к осуждённым, и их реальными возможностями [12, с. 86].

Отмеченные особенности влияют и на охранительный механизм, установленный уголовно-исполнительным законодательством для указанного вида уголовного наказания в отношении несовершеннолетних.

Как справедливо отмечают Е.В. Ермаков, О.Л. Дегтярева и А.Ш. Габараев, по действующему законодательству в случае злостного уклонения несовершеннолетних осуждённых от отбывания наказания в виде обязательных работ возможна их замена только уголовным наказанием в виде лишения свободы [13, с. 124]. Это связано с тем, что система уголовных наказаний несовершеннолетних, закреплённая в ч. 1 ст. 88 УК РФ, не предусматривает уголовного наказания в виде принудительных работ. Кроме того, в ч. 6 ст. 88 УК РФ закреплёны категории несовершеннолетних осуждённых, которым не может быть назначено наказание в виде лишения свободы:

- лица, не достигшие 16-летнего возраста, совершившие преступление небольшой и средней тяжести впервые;
- все несовершеннолетние осуждённые, совершившие преступление небольшой тяжести впервые.

Таким образом, для категорий осуждённых, перечисленных в ч. 6 ст. 88

УК РФ, в случае злостного уклонения от отбывания обязательных работ данный вид наказания не может быть заменен на принудительные работы, так как оно (наказание) не назначается несовершеннолетним, и на лишение свободы, так как в отношении указанной категории осужденных данный вид наказания не может быть назначен судебными органами.

Выходом из сложившейся ситуации, согласно обоснованной позиции Е.В. Ермасова, О.Л. Дегтяревой и А.Ш. Габараева, является дополнение ст. 88 УК РФ примечанием о том, что положения ч. 6 указанной статьи не распространяются на несовершеннолетних, злостно уклоняющихся от отбывания уголовного наказания в виде обязательных работ [13, с. 125].

Исправительные работы

В системе уголовного правосудия Российской Федерации исправительные работы играют значительную роль. Они представляют собой гуманную альтернативу лишению свободы и направлены на социализацию и реабилитацию как несовершеннолетних, так и взрослых осужденных. Правовые условия назначения и отбывания исправительных работ строго регламентированы и требуют от судебных и исполнительных органов точного следования установленным нормам [14, с. 214].

Как указывает И.В. Пикин, правоприменительный опыт последних лет свидетельствует о востребованности данного вида наказания: количество осужденных к исправительным работам за последние 4 года не превышает 48 тысяч человек в год, а их доля в общем объеме ежегодно осуждаемых лиц составляет около 8,5 %. Вместе с тем, несмотря на многолетний правоприменительный опыт исполнения уголовного наказания в виде исправительных работ, значительную судебную практику, аккумулированную в разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, рассматриваемый вид уголовного наказания, как и любой правовой инструмент, не лишен определенных недостатков и противоречий законодательного и организационного характера. Это препятствует единообразному восприятию сущности, содержания и процедуры реализации данного вида наказания, лежит в основе судебных ошибок [15, с. 465].

В УИК РФ для уголовного наказания в виде исправительных работ, как и для уголовного наказания в виде обязательных работ, закреплен охранительный механизм, который предусматривает:

- ответственность за нарушение порядка и условий отбывания наказания (ч. 2 ст. 46);

- ответственность за случаи злостного уклонения от отбывания наказания (ч. 3 ст. 46);

- механизм розыска и уголовно-исполнительного задержания скрывшегося осужденного (ч. 4 ст. 46);

- механизм замены на более строгий вид наказания (1 день более строгого вида наказания за 3 дня исправительных работ) (ч. 5 ст. 46). Максимальный размер более строгих видов уголовных наказаний при замене и применении формулы незначительно превышает 8 месяцев, минимальный размер составляет менее 1 месяца.

При этом в научной литературе отмечается ряд проблемных вопросов, связанных с реализацией охранительных правоотношений при отбывании рассматриваемого вида уголовного наказания. А.А. Урусов полагает, что данные проблемные вопросы связаны в первую очередь с недостаточно эффективной деятельностью сотрудников уголовно-исполнительных инспекций, а также нежеланием осужденных исполнять возложенные на них уголовным наказанием ограничения. Кроме того, проблемным вопросом является сверхмалый срок более строгого вида уголовного наказания в случае замены на него исправительных работ. По мнению А.А. Урусова, решением указанных проблем может служить внедрение и применение при замене исправительных работ на более строгий вид уголовного наказания принципа пропорциональности, который учитывает пределы санкций статей Особенной части УК РФ [16, с. 203].

Комментируя приведенную позицию А.А. Урусова, следует отметить, что она не лишена логики и здравого смысла. Предлагаемый автором принцип пропорциональности замены уголовного наказания в виде исправительных работ на лишение свободы, во-первых, значительно увеличит сроки уголовного наказания в виде лишения свободы при осуществле-

нии указанной замены и, соответственно, уровень ответственности осужденных (например, по ст. 158 УК РФ срок лишения свободы при замене составляет до 2 лет), во-вторых, в более полной мере позволит судебным органам реализовать принципы индивидуализации уголовной ответственности и экономии репрессии.

А.В. Яшин среди проблемных вопросов исполнения наказания в виде исправительных работ, в том числе влияющих на реализацию охранительного механизма указанного вида уголовного наказания, выделяет следующие:

- невозможность трудоустройства осужденных к исправительным работам, проживающих в сельской местности, удаленной от районных центров;

- отсутствие конкретного перечня организаций, в которых должны отбывать наказание осужденные к исправительным работам.

В целях совершенствования организации деятельности, связанной с исполнением исправительных работ, А.В. Яшиным предлагается предоставить осужденным к исправительным работам право самостоятельного трудоустройства по согласованию с уголовно-исполнительной инспекцией за пределами места проживания. Для этого необходимо внести соответствующие дополнения в ст. 50 УК РФ и ст. 39 УИК РФ. Кроме того, работодателям рекомендуется выделять определенные квоты, исходя из числа рабочих мест, для трудоустройства лиц, которые были осуждены к исправительным работам [17, с. 160].

Рассматривая предложения А.В. Яшина по внесению изменений в действующее законодательство, следует отметить несколько иной по сравнению с позицией А.А. Урусова вектор решения проблемных вопросов, имеющих в сфере исполнения уголовного наказания в виде исправительных работ. При организации трудоустройства осужденных к исправительным работам в настоящее время имеется ряд проблемных вопросов, требующих своего решения, в том числе с помощью правовых мер. Очевидно, что обозначенные проблемы влияют на реализацию охранительного механизма рассматриваемого вида уголовного наказания. Помимо мер, предлагаемых А.В. Яшиным, в дей-

ствующем законодательстве должен быть разработан и закреплен упрощенный порядок выдачи документов, необходимых для трудоустройства осужденных к исправительным работам, а также должно быть предусмотрено стимулирование работодателей к привлечению указанных осужденных через субсидии и другие меры поддержки, в том числе государственного и регионального уровня.

Ю.В. Юрова и К.А. Путренкова в сфере совершенствования охранительного механизма исполнения наказания в виде исправительных работ предлагают реализацию следующих мер:

- более качественную организацию взаимодействия сотрудников уголовно-исполнительных инспекций и представителей органов местного самоуправления;

- наделение органов местного самоуправления полномочиями по включению муниципальных унитарных предприятий в перечень мест отбывания наказания в виде исправительных работ;

- внедрение мер стимулирования работодателей, трудоустраивающих осужденных к исправительным работам;

- расширение категорий лиц, которым исправительные работы не назначаются за совершенное преступное деяние;

- увеличение оснований принятия к осужденным мер профилактического воздействия при их умышленном уклонении от работы.

Внесение предложенных изменений, по мнению указанных авторов, позволит повысить эффективность исполнения наказания в виде исправительных работ, что соответствует современным направлениям уголовно-исполнительной политики [18, с. 107].

Анализ подхода Ю.В. Юровой и К.А. Путренковой к исследуемой проблеме позволяет сделать вывод о его комплексном характере. В данном аспекте необходимо обратить внимание на предлагаемый авторами механизм взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций с органами местного самоуправления, а также в целом на повышение роли органов местного самоуправления в процессе исполнения рассматриваемого вида уголовного наказания. В сфере совершенствования охранительного механизма исполнения

уголовного наказания в виде исправительных работ указанные выше авторы особое внимание уделяют усилению мер профилактического воздействия на осужденных в случае их уклонения от работы, что, несомненно, заслуживает внимания.

Некоторые исследователи обращают внимание на реализацию охранительного механизма исполнения наказания в виде исправительных работ в ряде зарубежных стран — участниц СНГ. В частности, Ш.К. Айтжанов, анализируя Уголовный кодекс Республики Казахстан, выявляет проблему замены уголовного наказания в виде исправительных работ на более строгий вид уголовного наказания. Формулы замены наказаний представляются автору несовершенными. Данное обстоятельство дает возможность осужденным отбывать наказание «на выгодных» для них условиях и создает коррупционные риски. Кроме того, в указанной сфере Ш.К. Айтжанов отмечает некоторое несоответствие размеров (сроков) уголовных наказаний (санкций) между собой, в том числе наказания в виде исправительных работ и лишения свободы [19, с. 83].

Аналогичные проблемные аспекты, по мнению В.С. Шабалы, имеются и в законодательстве Республики Беларусь. Указанный автор полагает, что при осуществлении процедуры замены уголовного наказания на более строгий его вид необходимо максимально исключить из законодательства принцип судейского «усмотрения», вследствие чего появится возможность более широкого использования и применения принципов пробации [20, с. 140].

Исследование зарубежного опыта, осуществленное Ш.К. Айтжановым и В.С. Шабалем, свидетельствует об имеющихся дефектах формулы замены уголовного наказания в виде исправительных работ на лишение свободы в ряде стран — участниц СНГ, в том числе в Республике Казахстан и Республике Беларусь. Рассмотренные позиции Ш.К. Айтжанова и В.С. Шабалы схожи с позицией А.А. Урусова и направлены на совершенствование механизма (формулы) замены уголовного наказания в виде исправительных работ на более строгий вид уголовного наказания в случае злостного уклонения от него осужденного. Кроме того, авторы акцентируют внимание на исключе-

нии коррупционных рисков из рассматриваемой правовой нормы.

Проведенный анализ подходов ученых позволяет определить направления оптимизации охранительного механизма исполнения уголовного наказания в виде исправительных работ:

- совершенствование формулы замены исправительных работ на лишение свободы. При осуществлении замены указанная формула должна предусматривать 1 день исправительных работ за 2 дня более строгого вида уголовного наказания. Также необходимо более подробно изучить вопрос о возможности внесения законодательных изменений, предусматривающих учет «принципа пропорциональности» при осуществлении замены;

- усиление мер профилактического воздействия на осужденных в случае их уклонения от работы. При реализации указанного направления совершенствования охранительного механизма исполнения наказания в виде исправительных работ в ч. 2 ст. 46 УИК РФ необходимо внести изменения об обязательности предупреждения уголовно-исполнительной инспекцией осужденного в случае нарушения им порядка отбывания наказания, а также обязательности установления для него явки в уголовно-исполнительную инспекцию для регистрации не более двух раз в месяц;

- совершенствование механизма трудоустройства осужденных к исправительным работам и организации взаимодействия с органами местного самоуправления. В данном направлении деятельности целесообразно включение в законодательство положений об упрощенном порядке выдачи документов, необходимых для трудоустройства осужденных к исправительным работам, а также законодательное закрепление мер стимулирования работодателей по привлечению указанных осужденных к работе, в том числе предусматривающих субсидии и другие меры поддержки как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Российской Федерации.

Заключение

Рассмотрев охранительные правоотношения в механизме исполнения уголовных наказаний в виде обязательных и исправительных работ, следует отметить,

во-первых, их важность и значимость для деятельности отечественной уголовно-исполнительной системы, во-вторых, необходимость повышения их эффективности, в том числе с помощью внесения соответствующих изменений в действующее уголовное законодательство.

При совершенствовании охранительного механизма исполнения наказания в виде обязательных работ необходим комплексный подход, включающий как увеличение размера рассматриваемого вида наказания до 960 часов (с увеличением его минимального размера до 240 часов), так и корректировку размера наказания, учитываемого при его замене на лишение свободы или принудительные работы до 4-х часов вместо 8-ми. Указанные законодательные изменения должны найти отражение в чч. 2 и 3 ст. 49 УК РФ.

Для совершенствования механизма отбывания наказания в виде обязательных работ также необходимо унифицировать и согласовать содержание ч. 1 ст. 49

УК РФ и ч. 2 ст. 27 УИК РФ, предусмотрев в последней правовой норме возможность отбывания рассматриваемого вида уголовного наказания до начала рабочего, служебного, учебного дня.

Оптимизация охранительного механизма исполнения наказания в виде исправительных работ должна осуществляться в трех основных направлениях:

— совершенствование формулы замены исправительных работ на лишение свободы;

— усиление мер профилактического воздействия на осужденных в случае их уклонения от работы;

— совершенствование механизма трудоустройства осужденных к исправительным работам и организации взаимодействия с органами местного самоуправления.

Реализация каждого из указанных направлений требует внесения предложенных нами изменений в действующее законодательство.

Список источников

1. Безверхов А.Г., Никищенкова М.А. О структуре охранительных норм права // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Право. 2022. N 3. С. 86-93.
2. Мотовиловкер Е.Я. Теория регулятивного и охранительного права. Воронеж, 1990. 136 с.
3. Спиридонов П.Е. Регулятивно-охранительный характер административно-процессуальных правоотношений // Правоприменение. 2024. Т. 8. N 3. С. 102-111.
4. Хритин Р.Д. Проблемы реализации охранительных норм уголовно-исполнительного законодательства и их негативные последствия / Тамбовские правовые чтения имени Ф.Н. Плевако: материалы IV междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. Т. 2. Тамбов, 2020. С. 369-371.
5. Головастова Ю.А., Помошкова Н.В. Сущность системы уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы, при их исполнении // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. N 5. С. 213-219.
6. Ивлиев П.В., Никитина О.А. Перспективы развития и применения наказаний, не связанных с лишением свободы в современной России // Аграрное и земельное право. 2024. N 5. С. 335-337.
7. Урусов А.А. Уголовно-правовая характеристика и проблемы исполнения уголовного наказания в виде обязательных работ // Вестник Омского университета. Сер.: Право. 2024. Т. 21. N 1. С. 96-105.
8. Грушин Ф.В., Боярченкова О.В. Обязательные работы в Российской Федерации: факторы появления, некоторые проблемы и пути их решения // Человек: преступление и наказание. 2016. N 1. С. 80-84.
9. Уткин В.А. Альтернативные санкции в России: состояние, проблемы и перспективы. Москва, 2013. 126 с.
10. Непомнящая Т.В. Проблемы назначения уголовных наказаний, альтернативных лишению свободы // Правоприменение. 2018. Т. 2. N 2. С. 80-89.
11. Малин П.М. Об уголовно-исполнительном задержании // Уголовно-исполнительное право. 2016. N 4. С. 44-48.
12. Сторожев С.А. Значимые социально-демографические характеристики лиц для назначения и исполнения обязательных работ // Вестник Кузбасского института. 2025. N 1. С. 80-91.
13. Ермасов Е.В., Дегтярева О.Л., Габараев А.Ш. Особенности правового регулирования ответственности несовершеннолетних осужденных, злостно уклоняющихся от отбывания наказаний, не связанных с изоляцией от общества // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2015. N 1. С. 123-128.
14. Гусев А.С., Казак И.Б. Особенности исправительных работ в отношении несовершеннолетних осужденных // Аграрное и земельное право. 2024. N 9. С. 214-215.

15. Пикин И.В. Исправительные работы как наиболее перспективное направление в области реализации уголовной политики без обременения осужденного дополнительными обязанностями // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2024. Т. 10. N 3. С. 463-470.

16. Урусов А.А. Принцип пропорциональности при злостном уклонении от отбывания уголовного наказания // Правоприменение в публичном и частном праве: материалы междунар. науч. конф. Омск, 2024. С. 201-207.

17. Яшин А.В. Проблемы исполнения уголовных наказаний в виде исправительных и обязательных работ // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2024. N 2. С. 158-166.

18. Юрова Ю.В., Путренкова К.А. Проблемные аспекты привлечения к труду осужденных к исправительным работам и способы их совершенствования // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2024. N 1. С. 103-111.

19. Айтжанов Ш.К. Актуальные вопросы соразмерности наказаний, не связанных с лишением свободы и их влияние на формирование фонда компенсации потерпевшим // Вестник Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан. 2024. N 2. С. 80-86.

20. Шабаль В.С. Уклонение от отбывания наказания: перспективы совершенствования реализации // Вестник Кузбасского института. 2024. N 3. С. 137-144.

References

1. Bezverkhov A.G., Nikishchenkova M.A. On the structure of protective norms of law. Bulletin of Tver State University. Series: Law, 2022, no. 3, pp. 86-93. (In Russ.).

2. Motovilovker E.Ya. Theory of regulatory and protective law. Voronezh, 1990. 136 p. (In Russ.).

3. Spiridonov P.E. The regulatory and protective nature of administrative and procedural legal relations. Law enforcement, 2024, vol. 8, no. 3, pp. 102-111. (In Russ.).

4. Hritin R.D. Problems of implementation of protective norms of penal enforcement legislation and their negative consequences. Tambov Legal Readings named after F.N. Plevako. In 2 volumes. Vol. 2. Tambov, 2020. Pp. 369-371. (In Russ.).

5. Golovastova Yu.A., Pomoshchikova N.V. The essence of the system of criminal punishments not related to imprisonment in their execution. Bulletin of the Saratov State Law Academy, 2023, no. 5, pp. 213-219. (In Russ.).

6. Ivliev P.V., Nikitina O.A. Prospects for the development and application of non-custodial punishments in modern Russia. Agrarian and Land law, 2024, no. 5, pp. 335-337. (In Russ.).

7. Urusov A.A. Criminal-legal characteristics and problems of execution of criminal punishment in the form of compulsory work. Bulletin of Omsk University. Series: Law, 2024, vol. 21, no. 1, pp. 96-105. (In Russ.).

8. Grushin F.V., Boyarchenkova O.V. Compulsory work in the Russian Federation: factors of occurrence, some problems and ways to solve them. Man: crime and punishment, 2016, no. 1, pp. 80-84. (In Russ.).

9. Utkin V.A. Alternative sanctions in Russia: status, problems and prospects. Moscow, 2013. 126 p. (In Russ.).

10. Nepomnyashchaya T.V. Problems of assigning criminal penalties alternative to imprisonment. Law enforcement, 2018, vol. 2, no. 2, pp. 80-89. (In Russ.).

11. Malin P.M. On penal enforcement detention. Penal enforcement law, 2016, no. 4, pp. 44-48. (In Russ.).

12. Storozhev S.A. Significant socio-demographic characteristics of individuals for the appointment and execution of compulsory works. Bulletin of the Kuzbass Institute, 2025, no. 1, pp. 80-91. (In Russ.).

13. Ermasov E.V., Degtyareva O.L., Gabaraev A.Sh. Features of the legal regulation of the responsibility of juvenile convicts who maliciously evade serving sentences not related to isolation from society. Vector of Science of Tolyatti State University, 2015, no. 1, pp. 123-128. (In Russ.).

14. Gusev A.S., Kazak I.B. Features of correctional work in relation to juvenile convicts. Agrarian and land law, 2024, no. 9, pp. 214-215. (In Russ.).

15. Pikin I.V. Correctional labor as the most promising direction in the implementation of criminal policy without burdening the convicted person with additional obligations. Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal Sciences, 2024, vol. 10, no. 3, pp. 463-470. (In Russ.).

16. Urusov A.A. The principle of proportionality in malicious evasion of serving a criminal sentence. Law enforcement in public and private law. Omsk, 2024. Pp. 201-207. (In Russ.).

17. Yashin A.V. Problems of Executing Criminal Punishments in the Form of Correctional and Compulsory Works. News of Higher Education Institutions. Volga Region. Social Sciences, 2024, no. 2, pp. 158-166. (In Russ.).

18. Yurova Yu.V., Putrenkova K.A. Problematic aspects of the employment of convicts to correctional labor and ways of their improvement. Bulletin of the Tomsk Institute of Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2024, no. 1, pp. 103-111. (In Russ.).

19. Aytzhanov Sh.K. Actual issues of proportionality of punishments not related to imprisonment and their impact on the formation of a compensation fund for victims. Bulletin of the Academy of Law Enforcement Agencies at the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, 2024, no. 2, pp. 80-86. (In Russ.).

20. Shabal' V.S. Evasion from serving a sentence: prospects for improving implementation. Bulletin of the Kuzbass Institute, 2024, no. 3, pp. 137-144. (In Russ.).

Раздел 6. Государственная система и правоохранительная политика

Научная специальность: 5.1.2

Эффективность государственной политики в области безопасности дорожного движения: анализ достижений и актуальных проблем

Виктор Васильевич Денисенко,

доктор юридических наук, профессор, Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, Краснодар, Россия, profdenisenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4704-0774>

Владимир Иванович Майоров,

доктор юридических наук, профессор, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Тюмень, Россия, 1955715@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6490-3546>

Аннотация. В статье исследованы особенности и проблемы современной государственной политики в области обеспечения безопасности дорожного движения в Российской Федерации. Проанализирован ряд соответствующих программных и стратегических документов федерального уровня. Сделан вывод о том, что обеспечение безопасности дорожного движения после достигнутых в предыдущие десятилетия результатов по снижению смертности перестает рассматриваться как самостоятельная масштабная деятельность, требующая разработки отдельной федеральной целевой программы (программно-целевой подход). Отмечается ослабление преемственности государственной политики в указанной области безопасности, отсутствие учета современных вызовов и угроз безопасности дорожного движения. Обосновывается необходимость принятия на основе Стратегии повышения безопасности дорожного движения в Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года новой федеральной целевой программы безопасности дорожного движения.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения, дорожно-транспортное происшествие, государственная политика, стратегическое планирование

Для цитирования: Денисенко В.В., Майоров В.И. Эффективность государственной политики в области безопасности дорожного движения: анализ достижений и актуальных проблем // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2025. N 4 (74). С. 103-112.

Effectiveness of the state road safety policy: analysis of the achievements and urgent problems

Viktor V. Denisenko,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Krasnodar, Russia, profdenisenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4704-0774>

Vladimir I. Mayorov,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Tyumen, Russia, 1955715@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6490-3546>

Abstract. The article examines the features and problems of the current state policy in the field of road safety in the Russian Federation. Some relevant policy and strategic documents are analyzed. It is concluded that ensuring the road safety after some major gains in reducing mortality in previous decades is no longer seen as an independent large-scale activity requiring the development of a separate federal targeted program (a target-oriented approach). The weakening of the continuity of the state policy in this area of safety, as well as the lack of consideration for contemporary road safety challenges and threats are noted. The need to adopt a new federal targeted road safety program

© Денисенко В.В., Майоров В.И., 2025

based on the Strategy for improving the road safety in the Russian Federation up to 2030 and in the long term up to 2036, is substantiated.

Keywords: road safety, road traffic accident, state policy, strategic planning

For citation: Denisenko V.V., Mayorov V.I. Effectiveness of the state road safety policy: analysis of the achievements and urgent problems // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2025. No. 4 (74). P. 103-112.

Значимым событием, определяющим государственную политику в области безопасности дорожного движения до 2030 года и на перспективу до 2036 года, является принятие Стратегии, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 14 ноября 2025 г. N 841* (далее — Стратегия 2025 года). Данный документ не только важный, но и ожидавшийся на протяжении длительного времени, поскольку действие Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018-2024 годы** (далее — Стратегия 2018 года) было продлено до конца 2025 года. Это позволило наиболее полно согласовать поставленные цели и задачи в области безопасности дорожного движения с другими ранее принятыми проектами, определяющими развитие Российской Федерации до 2036 года.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 14 ноября 2025 г. N 841 Правительству Российской Федерации поручено в 6-месячный срок разработать и утвердить план мероприятий по реализации Стратегии 2025 года. Непосредственная работа по созданию Стратегии 2025 года и формированию плана мероприятий входит в компетенцию Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее — МВД России).

Целью настоящей статьи является краткий анализ эффективности государственной политики в указанной области

безопасности за тридцатилетний период, начиная с 1995 года. Эффективность определяется достижениями в соответствии с ранее поставленными целями и задачами. Актуальные проблемы определяют ключевые аспекты планирования на среднесрочную и долгосрочную перспективу. Практическим аспектом является обоснование тезиса о том, что на основе Стратегии 2025 года должна быть принята и новая федеральная целевая программа безопасности дорожного движения.

Государственная политика в области безопасности дорожного движения определена в Федеральном законе от 10 декабря 1995 г. N 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения»*** (далее — Федеральный закон «О безопасности дорожного движения»), закрепляющем ее основные направления и полномочия субъектов. Государственная политика реализуется специально уполномоченными субъектами с помощью системы форм и методов. Ее важным признаком является целевая направленность, выражающаяся для деятельности по обеспечению безопасности дорожного движения в установлении конкретной цели, — сокращение количества погибших и раненых в дорожно-транспортных происшествиях (далее — ДТП)****.

Анализ Федерального закона «О безопасности дорожного движения» позволяет выделить основные направле-

* Стратегия повышения безопасности дорожного движения в Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: утв. Указом Президента Российской Федерации от 14 нояб. 2025 г. N 841 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

** Стратегия безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018-2024 годы: утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 янв. 2018 г. N 1-р // Там же.

*** О безопасности дорожного движения: федер. закон от 10 дек. 1995 г. N 196-ФЗ: ред. от 31 июля 2025 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. N 50. Ст. 4873; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

**** О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. N 309. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ния государственной политики в области обеспечения безопасности дорожного движения:

- обеспечение реализации положений ст. 5 Федерального закона «О безопасности дорожного движения»;

- определение полномочий субъектов реализации государственной политики в области обеспечения безопасности дорожного движения;

- закрепление форм участия общественных объединений в ее реализации;

- организация системы государственного учета основных показателей состояния безопасности дорожного движения;

- разработка программных документов обеспечения безопасности дорожного движения [1, с. 29].

Согласно статистическим данным, в 2005 году в Российской Федерации в ДТП погибли 33 957 человек, что значительно превышало ежегодные показатели «советского периода» [2, с. 10-11]. Это стало одной из причин принятия решения о последовательной реализации двух программ, направленных на снижение смертности в ДТП, — Федеральной целевой программы «Повышение безопасности дорожного движения в 2006-2012 годах»* и Федеральной целевой программы «Повышение безопасности дорожного движения в 2013-2020 годах»**.

Формирование государственной политики в указанной области входит в компетенцию МВД России, которым за основу был взят программно-целевой подход, предусмотренный ст. 3 Федерального закона «О безопасности дорожного движения». В 2020 году количество жертв ДТП по сравнению с 2005 годом сократилось на 50 % (15 788 погибших), статистический показатель смертности составил 10,8 на 100 тыс. населения. Итоговый резуль-

тат реализации указанных выше программ превысил запланированный и имел пролонгированный эффект: в 2021 году статистический показатель смертности в ДТП составил 10,2, а транспортный риск (количество погибших в ДТП на 10 тыс. транспортных средств) сократился в 4 раза. Таким образом, выбранный программно-целевой подход доказал свою эффективность [3, с. 7-8].

Дальнейшее развитие государственной политики в области безопасности дорожного движения связано с риск-ориентированным подходом, в соответствии с которым была разработана Стратегия 2018 года. Документ содержал структурированную оценку достигнутых результатов за предыдущие этапы и информацию о текущем состоянии безопасности дорожного движения. На период с 2021 по 2024 год было запланировано наращивание потенциала (темпов) снижения смертности в ДТП и сокращение статистического показателя смертности до 4,0 к завершению реализации Стратегии 2018 года. Такая цель была поставлена, поскольку в ряде экономически развитых стран с высоким уровнем автомобилизации данный показатель был не только достигнут, но и уменьшен.

Однако при этом, во-первых, не учитывались реальные российские условия (в первую очередь состояние и качество дорог, время, необходимое на их преобразование, и др.), не показана методика расчета указанного выше показателя; во-вторых, было обозначено шесть «классических» направлений повышения безопасности дорожного движения, но не обоснована методика их выбора; в-третьих, только обозначены ключевые риски и угрозы безопасности дорожного движения (также без обоснования их выбора); в-четвертых, по сути, именно будущие приоритеты и перспективы являлись «слабым звеном» Стратегии 2018 года, так как имели фрагментарный характер и обобщенные формулировки («осуществление комплекса мер по обеспечению безопасности детей в ходе их участия в дорожном движении», «оптимизация компетенции органов управления деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения» и др.) [4, с. 30]. Следует отметить, что в Стратегии 2025 года достиже-

* Федеральная целевая программа «Повышение безопасности дорожного движения в 2006-2012 годах»: утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 20 февр. 2006 г. N 100. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** Федеральная целевая программа «Повышение безопасности дорожного движения в 2013-2020 годах»: утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 3 окт. 2013 г. N 864 // Там же.

ние статистического показателя, равного 5,1, отнесено к 2035 году.

Одним из активно преобразующих результатов Стратегии 2018 года являлось совершенствование контрольно-надзорной деятельности в области безопасности дорожного движения на основе риск-ориентированного подхода (в том числе снижение нагрузки на бизнес, оптимизация затрат на проведение проверок, уменьшение количества проверок и др.). Действительно, ранжирование рисков и определение высокой/низкой степени угрозы объекта имеет положительное значение. Однако к настоящему времени, наоборот, сложился целый ряд проблем привлечения к ответственности недобросовестных субъектов (юридических лиц) в сфере дорожного движения [5, с. 195].

Рассматривая иные документы программного и стратегического уровня в области обеспечения безопасности дорожного движения, следует отметить, что в 2024 году завершил свое действие Национальный проект «Безопасные качественные дороги», который включал федеральный проект, направленный на обеспечение безопасности дорожного движения. С 2025 года началась реализация Национального проекта «Инфраструктура для жизни» в части проведения мероприятий по развитию автомобильных дорог и общественного транспорта, обеспечению безопасности дорожного движения*, которые будут способствовать достижению определенной Президентом Российской Федерации национальной цели «Комфортная и безопасная среда для жизни»**.

Федеральный проект «Безопасность дорожного движения» в обновленной редакции сохранил свое действие в составе «Инфраструктуры для жизни». Изменения, которые произошли в последние годы во внешней государственной политике Рос-

сийской Федерации, оказали влияние и на ее внутреннюю политику. Вследствие этого произошло перераспределение торгово-экономических трафиков и увеличилась нагрузка на автодороги южного и дальневосточного направлений. Имеющаяся транспортная инфраструктура указанных регионов не соответствует возросшим требованиям, что усиливает рост потенциальных угроз безопасности дорожного движения. Предусмотрено последовательное осуществление мер, направленных на обновление автотранспортной инфраструктуры в соответствии с современными реалиями.

Важным аспектом Федерального проекта «Безопасность дорожного движения» является формулировка рисков, связанных с его реализацией. Риски разделены на три группы, а именно: 1) дорожно-транспортные, 2) автотранспортные, 3) социальные***. Факт структурирования выделенных рисков следует отметить положительно, поскольку в ранее принимавшихся документах стратегического характера риски и угрозы перечислялись преимущественно в назывном порядке. Также имеет место обращение к трем элементам структуры дорожного движения, включающим транспортное средство, дорогу и участников дорожного движения.

В связи с отсутствием указания на методику или способ выявления перечисленных рисков неясно, опирались ли разработчики проекта на какие-либо нормативные акты, научные источники или фактические данные. Остались не учтенными риски управления обеспечением безопасности дорожного движения, связанные с деятельностью уполномоченных в этой сфере органов власти и организаций. В методических рекомендациях ВНИИ МВД России акцентируется внимание на том, что обеспечение безопасности дорожного движения должно рассматриваться как «общая ответственность». Это отвечает современным перспективам развития российского общества [6, с. 23].

* Инфраструктура для жизни: национальный проект (Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства, 2025 год) // Правительство Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://government.ru/>

** См.: Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. N 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

*** См.: Паспорт федерального проекта «Безопасность дорожного движения» (утв. Министерством транспорта Российской Федерации 24 апреля 2024 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Повышению эффективности государственной политики в области безопасности дорожного движения в значительной степени служит, с одной стороны, разрешение проблемы координации деятельности большого числа участвующих субъектов (на разных уровнях управления), с другой — наоборот, предельно четкое разграничение, что повышает конкретность решения задач и адресную ответственность. Это придаст системный характер деятельности и усилит комплексный подход к решению поставленных задач. Сложившееся положение свидетельствует о наличии разрозненности действий субъектов обеспечения безопасности дорожного движения, об отсутствии видения единой цели и о преследовании узковедомственных интересов.

Действующая модель государственной системы обеспечения безопасности дорожного движения уже длительное время обсуждается учеными-административистами [7, с. 160], однако за последние три десятилетия в ее структуре не произошло кардинальных изменений. Рассмотренные выше проблемы указывают на необходимость модернизации данной модели, особенно координации, согласованности действий, разграничения ответственности и скорости принятия решений.

Представляется необходимым проанализировать согласованность Федерального проекта «Безопасность дорожного движения» с другими документами стратегического планирования национального развития. Основные меры по снижению смертности в ДТП до установленных показателей были сформулированы в Едином плане по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года, утвержденном Правительством Российской Федерации* (далее — Единый план).

Единым планом предусмотрено, что достижение показателя «снижение смертности в ДТП» обеспечивается посредством реализации национальных проектов «Инфраструктура для жизни», «Продолжительная и активная жизнь» и входящих в них

федеральных проектов, государственных программ Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности», «Развитие здравоохранения», а также в результате деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации, финансируемой из региональных бюджетов.

В связи с этим целесообразно обратиться к Государственной программе Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности», утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. N 345**, в которой обозначается проблема обеспечения безопасности дорожного движения. Однако для указанного документа это лишь одна из многих задач, относящихся к сфере деятельности органов внутренних дел.

В 3-м разделе Государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности», содержащем характеристику задач и их решения, безопасности дорожного движения посвящен только один абзац: «Решение задачи “Повышение безопасности участников дорожного движения” (оказывает влияние на следующие национальные цели: сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи, комфортная и безопасная среда для жизни) обеспечивается путем материально-технического укрепления подразделений, осуществляющих контрольные (надзорные) функции в области безопасности дорожного движения, а также организаций, осуществляющих работу по профилактике детского дорожно-транспортного травматизма, информационного обеспечения деятельности подразделений, осуществляющих контрольные (надзорные) функции в области безопасности дорожного движения, формирования и реализации единой информационно-образовательной политики в целях профилактики нарушений норм и правил в области дорожного движения».

Следует констатировать, что подобный узковедомственный набор мер является недостаточным даже для повышения

* Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** Там же.

эффективности деятельности Госавтоинспекции МВД России, а тем более для проведения системной государственной политики в области обеспечения безопасности дорожного движения с использованием программно-целевого подхода. Укрепление материальной базы Госавтоинспекции не гарантирует снижения аварийности, а информационно-образовательная работа не будет результативной без учета необходимости системного воздействия на правоотношения в области дорожного движения. Авторами настоящей статьи неоднократно указывалось на необходимость противодействия административным правонарушениям в области дорожного движения, количество которых ежегодно увеличивается, в то время как установлено, что именно нарушение правил дорожного движения является основной причиной ДТП, в том числе со смертельным исходом [8, с. 16].

Исходя из этого можно сделать вывод о снижении эффективности государственного управления в области безопасности дорожного движения. Положительным шагом является принятие Стратегии 2025 года, но без разработки практических мероприятий она имеет декларативный характер. В то же время набор практических мероприятий без программно-целевого подхода также не будет иметь высокой эффективности. При этом имеющийся Федеральный проект «Безопасность дорожного движения» носит вторичный характер, и если изначально он являлся частью «дорожного» национального проекта, то в настоящее время входит в «социально-инфраструктурный», что еще в большей степени снижает значимость решения задач обеспечения безопасности дорожного движения.

Кроме того, национальные проекты и целевые программы представляют собой различные инструменты проведения государственной политики. «Целевые программы сосредоточены на реализации крупномасштабных, наиболее важных для государства инвестиционных, научно-технических и инновационных проектов, направленных на решение системных проблем, входящих в сферу компетенции федеральных органов исполнительной

власти»*. В свою очередь, национальные проекты направлены на достижение национальных целей развития Российской Федерации, определенных Президентом Российской Федерации.

На недостатки современной государственной политики в области обеспечения безопасности дорожного движения обращается внимание во многих научных работах. П.В. Смолин относит к ним отсутствие эффективной системы планирования и контроля за исполнением нормативных правовых актов, направленность на усиление репрессивно-фискальных мер в ущерб профилактическому воздействию [9, с. 6].

О низком уровне защищенности участников дорожного движения и необходимости продолжения совершенствования организационно-правовых основ обеспечения безопасности дорожного движения свидетельствует также исследование эффективности предпринимаемых мер на основе оценки статистических данных в области дорожно-транспортного травматизма [10, с. 47].

Избранный критерий представляется обоснованным, поскольку цель государственной политики состоит в сокращении смертности в ДТП. Статистические данные показывают, что в 2024 году, несмотря на небольшое (в пределах десятых долей процента) снижение смертности в ДТП, в 33 субъектах Российской Федерации, напротив, произошло значительное увеличение основных показателей аварийности. В 23 субъектах Российской Федерации не были достигнуты установленные региональные показатели транспортного риска**.

* Пункт 1 Порядка разработки и реализации федеральных целевых программ и межгосударственных целевых программ, в осуществлении которых участвует Российская Федерация, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 июня 1995 г. N 594 «О реализации Федерального закона "О поставках продукции для федеральных государственных нужд"». (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

** Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации в 2024 году: информационно-аналитический обзор. М.: НЦ БДД МВД России, 2025. С. 47.

Согласно Единому плану реализация комплекса мер должна осуществляться не только на федеральном, но и на региональном уровне, что позволяет ожидать повышения внимания в субъектах Российской Федерации к разработке и реализации мероприятий по снижению смертности в ДТП. Вместе с тем рост аварийности более чем в 30 % субъектов Российской Федерации – это индикатор кризиса текущей управленческой модели, демонстрирующий необходимость ее замены.

Начальником ГУОБДД МВД России М.Ю. Черниковым, исследовавшим соответствие государственной политики Российской Федерации в области обеспечения безопасности дорожного движения приоритетам, провозглашенным на международном уровне [11], констатируется, что, несмотря на международные соглашения Российской Федерации*, национальное законодательство допускает выпуск в обращение транспортных средств, не имеющих в своем составе перечисленных в соглашениях систем активной и пассивной безопасности.

Как справедливо отмечает М.Ю. Черников, принятие Постановления Правительства Российской Федерации от 12 мая 2022 г. N 855 «Об утверждении Правил применения обязательных требований в отношении отдельных колесных транспортных средств и проведения оценки их соответствия»** только ухудшило ситуацию, упростив требования к сертификации легковых автомобилей, позволяющие выпускать на рынок транспортные средства, не оснащенные необходимыми узлами и агрегатами в связи с их дефицитом, обусловленным санкционными ограничениями [11, с. 8].

* См.: Соглашение о принятии единообразных технических предписаний для колесных транспортных средств, предметов оборудования и частей, которые могут быть установлены и/или использованы на колесных транспортных средствах, и об условиях взаимного признания официальных утверждений, выдаваемых на основе этих предписаний (заключено 20 марта 1958 года в г. Женеве (Швейцария). (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

** Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Международным трендом для стран с высокими темпами экономического роста является строительство технологически современных мегаполисов, что включает принципиально обновленные дорожную инфраструктуру и транспортные средства. Учитывая цели и направления развития Российской Федерации, которые отражены в рассмотренных выше документах стратегического планирования, М.Ю. Черников указывает на складывающееся несоответствие государственной политики в области обеспечения безопасности дорожного движения приоритетам, провозглашенным на международном уровне***, а именно рекомендациям по рассмотрению безопасности дорожного движения в качестве неотъемлемого элемента планирования землепользования, проектирования улиц, транспортной системы и управления с учетом потребностей уязвимых участников дорожного движения в городских и сельских районах [11, с. 8].

В Российской Федерации для реализации указанного выше подхода к безопасности дорожного движения необходим масштабный пересмотр земельного законодательства, законодательства в области градостроительной деятельности, осуществление которого достаточно затруднительно в силу институциональных, экономических и технических барьеров, несмотря на высокий потенциал воздействия на состояние безопасности дорожного движения (особенно за счет снижения смертности пешеходов).

Таким образом, на основе вышеизложенного можно выделить следующие недостатки современной государственной политики в области безопасности дорожного движения:

1. Обеспечение безопасности дорожного движения после достигнутых успехов по снижению смертности постепенно перестает рассматриваться как самостоятельная масштабная деятельность, требующая разработки федеральных целевых программ. Наблюдается ослабление преемственности государственной политики в указанной области безопасности, не учитываются современные вызовы и

*** См.: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 31 авг. 2020 г. N 74/299 // Там же.

угрозы безопасности дорожного движения, а меры находят лишь эпизодическое упоминание в разрабатываемых на государственном уровне документах, которые должным образом не согласованы между собой. Представляется, что на основе Стратегии повышения безопасности дорожного движения в Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года должна быть принята и новая федеральная целевая программа безопасности дорожного движения.

2. Сложившееся положение свидетельствует о наличии большого количества участвующих в обеспечении безопасности дорожного движения субъектов (на трех уровнях управления) и низком уровне координации между ними. Следствием этого является отсутствие реализации ответственности субъектов обеспечения безопасности дорожного движения.

3. Ключевые принципы обеспечения безопасности дорожного движения, установленные Федеральным законом «О безопасности дорожного движения», начинают принимать декларативный характер. Несмотря на провозглашение приоритета ответственности государства за состояние безопасности дорожного движения, в правоприменительной практике наблюдается системное смещение акцента виновности на участников дорожного движения. Данное противоречие обусловлено отсутствием механизмов принудительной реализации декларируемых принципов, сохраняющейся ведомственной разобщенностью, экономической целесообразностью возложения санкций на физических лиц. Следствием становится дисфункция провозглашенного комплексного подхода к безопасности, выражающаяся в превалировании карательных мер над превентивными.

4. Наблюдается минимальный учет региональной специфики при реализации соответствующих мер в субъектах Российской Федерации. Как правило, органы власти субъектов Российской Федерации используют типовые формы при разработке нормативных правовых актов и программ в области обеспечения безопасности дорожного движения. Нередко положения заимствуются и дублируются из федерального законодательства или доку-

ментов стратегического планирования, без анализа их соответствия особенностям дорожно-транспортной сети региона, демографическим и климатическим факторам, структуре транспортных потоков, показателям аварийности. Отсутствие дифференцированного подхода при разработке региональных нормативных актов приводит к следующим негативным последствиям: формальному характеру принимаемых решений; несоответствию применяемых мер реальным проблемам безопасности дорожного движения в субъекте Российской Федерации; снижению эффективности бюджетных расходов; отсутствию значимого влияния на показатели аварийности. Проблема усугубляется недостатком методического обеспечения при разработке региональных программ безопасности дорожного движения, что способствует воспроизводству устоявшихся, но не всегда эффективных практик.

В заключение следует согласиться с мнением А.А. Беженцева о том, что успешная государственная политика в области безопасности дорожного движения должна отвечать ряду требований:

— базироваться на многоуровневой системе планирования, отражающей ключевые замыслы и стратегические направления, интегрированные в структуру государственного социально-экономического развития и представленные в конкретной форме (стратегия, федеральный проект, национальный проект, федеральная целевая программа);

— временные рамки должны включать среднесрочное и долгосрочное планирование, соответственно 5 и 10 лет;

— преследовать конкретные цели и измеримые результаты, позволяющие определить методы и способы достижения, участвующих субъектов, необходимые ресурсы. При этом все перечисленное должно быть созвучно отраслевой проблематике;

— государственная политика в области безопасности дорожного движения должна воплощать комплексный подход, так как разрозненные программы и недостаточная координация задействованных субъектов значительно снижают общую эффективность [12, с. 430].

Таким образом, государственная политика в области обеспечения безопасно-

сти дорожного движения демонстрирует системные недостатки, связанные с декларативностью провозглашенных принципов, отсутствием комплексного подхода, недостаточным учетом современных рисков и угроз. Несмотря на принимаемые меры, ключевые проблемы — устаревшая

инфраструктура, высокий уровень аварийности и слабая профилактика нарушений — остаются нерешенными. Для достижения значимых результатов необходимо перейти от реактивного управления к превентивному и разработать соответствующую правовую базу.

Список источников

1. Майоров В.И. Цель и задачи государственной политики в области обеспечения безопасности дорожного движения: в контексте стратегического планирования // Современная наука. 2024. N 2. С. 28-31.
2. Россинский Б.В. Административные наказания в сфере дорожного движения и аварийность на автомобильном транспорте // Административное право и процесс. 2014. N 5. С. 8-17.
3. Кондратьев В.Д., Лисин В.В. Безопасность дорожного движения – необходимость дальнейших мер // Безопасность дорожного движения. 2022. N 3. С. 5-12.
4. Состояние и тенденции безопасности дорожного движения в Российской Федерации в 2011-2020 годах: аналитический обзор / К.С. Баканов, С.Н. Антонов, П.В. Ляхов [и др.]. Москва: НЦ БДД МВД России, 2022. 368 с.
5. Майоров В.И., Полякова С.В. Влияние стратегического планирования на формирование административно-деликтной политики в области обеспечения безопасности дорожного движения // Правовая политика и правовая жизнь. 2025. N 2. С. 192-203.
6. Участие субъектов Российской Федерации в федеральном проекте «Безопасность дорожного движения» национального проекта «Инфраструктура для жизни»: методические рекомендации / К.С. Баканов, М.М. Исаев, А.С. Айсанов [и др.]. Москва: НЦ БДД МВД России, 2025. 78 с.
7. Затолокин А.А. Государственная система обеспечения безопасности дорожного движения как самостоятельная система и часть системы национальной безопасности России // Общество и право. 2016. N 4. С. 158-160.
8. Денисенко В.В., Майоров В.И. Возвращаясь к вопросу об общественной опасности административных правонарушений в области дорожного движения // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. N 4. С. 16-24.
9. Смолин П.В. Административно-правовое обеспечение безопасности дорожного движения в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2024. 530 с.
10. Кокорина А.И., Никулин Е.Д. Анализ основных показателей аварийности, как оценка действующей государственной политики в области обеспечения безопасности дорожного движения на территории России // Образование и право. 2024. N 8. С. 43-47.
11. Черников М.Ю. О соответствии государственной политики Российской Федерации в области обеспечения безопасности дорожного движения приоритетам, провозглашенным на международном уровне // Безопасность дорожного движения. 2024. N 2. С. 6-10.
12. Беженцев А.А. Избранные очерки. Часть II. Мысли о теории права и государства, административном праве и процессе, уголовном праве, правоохранительной деятельности: сборник избранных научных трудов за 2023-2024 годы: монография. Санкт-Петербург: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Президентская академия) (РАНХиГС); Р-КОПИ, 2025. 610 с.

References

1. Mayorov V.I. The Goal and Objectives of State Policy in the Field of Ensuring Road Safety: in the Context of Strategic Planning. Modern Science, 2024, no. 2, pp. 28-31. (In Russ.).
2. Rossinsky B.V. Administrative Penalties in the Sphere of Road Traffic and Accidents in Motor Transport. Administrative Law and Process, 2014, no. 5, pp. 8-17. (In Russ.).
3. Kondrat'ev V.D., Lisin V.V. Road Safety: The Need for Further Measures. Road Safety, 2022, no. 3, pp. 5-12. (In Russ.).
4. Bakanov K.S., Antonov S.N., Lyahov P.V. [i dr.]. The State and Trends of Road Safety in the Russian Federation in 2011-2020: An Analytical Review. Moscow, 2022. 368 p. (In Russ.).
5. Mayorov V.I., Polyakova S.V. The Impact of Strategic Planning on the Formation of Administrative-Torrent Policy in the Field of Ensuring Road Safety. Legal Policy and Legal Life, 2025, no. 2, pp. 192-203. (In Russ.).
6. Bakanov K.S., Isaev M.M., Aysanov A.S. [i dr.]. Participation of Subjects of the Russian Federation in the Federal Project "Road Safety" of the National Project "Infrastructure for Life". Moscow, 2025. 78 p. (In Russ.).

7. Zatolokin A.A. The State System of Ensuring Road Safety as an Independent System and Part of the National Security System of Russia. *Society and Law*, 2016, no. 4, pp. 158-160. (In Russ.).

8. Denisenko V.V., Mayorov V.I. Returning to the issue of public danger of the administrative offences in the sphere of road traffic. *Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2022, no. 4, pp. 16-24. (In Russ.).

9. Smolin P.V. Administrative and Legal Support of Road Safety in the Russian Federation. Doct. Diss. Moscow, 2024. 530 p. (In Russ.).

10. Kokorina A.I., Nikulin E.D. Analysis of the Main Accident Indicators as an Assessment of the Current State Policy in the Field of Ensuring Road Safety in Russia. *Education and Law*, 2024, no. 8, pp. 43-47. (In Russ.).

11. Chernikov M.Yu. On the Conformity of the State Policy of the Russian Federation in the Field of Ensuring Road Safety with the Priorities Proclaimed at the International Level. *Road Safety*, 2024, no. 2, pp. 6-10. (In Russ.).

12. Bezhentsev A.A. Selected Essays. Part II. Thoughts on the Theory of Law and State, Administrative Law and Procedure, Criminal Law, and Law Enforcement: A Collection of Selected Scientific Papers for 2023-2024. St. Petersburg, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA); R-KOPI Publ., 2025. 610 p. (In Russ.).

Вклад авторов:

Денисенко В.В. – идея проведения исследования, определение основных направлений исследования, разработка теоретических предпосылок исследования, написание текста и научное редактирование статьи;

Майоров В.И. – концепция и методологическая основа исследования, анализ научных источников и нормативных правовых актов по теме исследования, написание текста статьи, формулирование проблем и основных выводов.

Contribution of the authors:

Denisenko V.V. – idea of the study and determining its main directions, developing the theoretical assumptions, writing the text and scientific editing of the article;

Mayorov V.I. – concept of the study and its methodological basis, analyzing the scientific sources and regulatory legal acts on the research topic, writing the text, formulating the problems and main conclusions of the study.

Раздел 7. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

Научная специальность: 5.1.1

К вопросу о понятии кодекса в современной юридической доктрине

Дмитрий Александрович Кошелев,

Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Екатеринбург, Россия, koshelev-dima1249@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4542-0426>

Аннотация. В статье осуществляется комплексный анализ понятия кодекса, занимающего центральное место в структуре современного законодательства. Автор не ограничивается перечислением характерных черт данного нормативного правового акта, а подвергает критическому осмыслению устоявшиеся в юридической науке дефиниции. В работе обосновывается, что сущность кодекса раскрывается через совокупность его фундаментальных признаков, таких как всеобъемлющий, системный характер регулирования определенной сферы общественных отношений, внутренняя логическая целостность и верховенствующая позиция в иерархии нормативных правовых актов соответствующей отрасли. Подчеркивается, что кодекс возникает не только вследствие количественного накопления норм, но и в результате выбора оптимальной правовой модели, устраняющей противоречия и дублирование.

Ключевые слова: кодекс, кодификация, юридическая техника, системность, модель правового регулирования

Для цитирования: Кошелев Д.А. К вопросу о понятии кодекса в современной юридической доктрине // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2025. N 4 (74). С. 113-120.

On the concept of a code in the modern legal doctrine

Dmitry A. Koshelev,

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Yekaterinburg, Russia, koshelev-dima1249@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4542-0426>

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of the concept of a code, which is central to the structure of modern legislation. The author does not merely list the characteristic features of this legal act, but also critically examines the definitions established in the legal science. It is argued that the essence of a code is revealed through the combination of its fundamental characteristics, such as: comprehensive, systemic nature of regulating a specific area of social relations, internal logical integrity and its overriding position in the hierarchy of regulatory legal acts of the relevant branch of law. It is emphasized that a code arises not only from the quantitative accumulation of legal norms, but also as a result of selecting the optimal legal model that eliminates the contradictions and duplications.

Keywords: code, codification, juridical techniques, systematicity, model of legal regulation

For citation: Koshelev D.A. On the concept of a code in the modern legal doctrine // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2025. No. 4 (74). P. 113-120.

На первый взгляд, подобный вопрос может показаться лишенным оснований, поскольку существует целый ряд убедительных и общепризнанных ответов, с исчерпывающей полнотой раскрывающих всю смысловую глубину, заложенную в понятие «кодекс». Эти трактовки носят настолько авторитетный и всеобъемлющий характер, что их признают достаточными как для формирования правопонимания в целом, так и для решения прикладных задач юридической техники [1, с. 15]. Однако именно в разрешении этой фундаментальной дихотомии, возможно, и заключается подлинная суть подхода к построению всей системы законодательства. Вопрос сводится к тому, является ли кодекс сакральным источником права, несущим в себе философско-правовые идеи и выступающим основой для понимания права, или же он представляет собой всего лишь продукт высококачественной технической обработки уже существующих юридических текстов, скомпилированных исключительно для удобства извлечения необходимой правовой информации.

Безусловная ценность и преимущества кодификации как метода систематизации права не вызывают сомнений. Данный процесс выполняет фундаментальную роль в укреплении правовой системы, поскольку гарантирует преемственность юридических норм, обеспечивая тем самым их стабильность и предсказуемость. Благодаря своей упорядочивающей и системообразующей функции кодификация придает праву стройную структуру, выстраивая его в четкую иерархическую систему [2, с. 52]. Это, в свою очередь, позволяет установить ясные и однозначные границы дозволенного поведения для всех участников общественных отношений, что ведет к существенному снижению уровня правовой неопределенности и способствует укреплению законности [3, с. 6].

В.В. Кожевников определяет кодекс как крупный сводный нормативный правовой акт, детально регламентирующий определенную сферу общественных отношений, «...его отличает, во-первых, полнота регулирования отношений в какой-либо сфере, во-вторых, единообразие регулирования, в-третьих, — закрепление основных юридических принципов, по-

нятий и конструкций, в-четвертых, — отражение крупных юридических теорий и концепций, в-пятых, — лидирующее место среди иных законов и особое воздействие на все правовые акты и процесс правоприменения» [4, с. 14]. Вышеизложенное мнение заслуживает внимания, но вместе с тем каждый из приведенных признаков, во-первых, требует содержательного уточнения, а во-вторых, понятия формируют замкнутый логический круг, создавая ситуацию взаимной обусловленности. В рамках этой системы каждый из терминов становится неопределимым без обращения к другому, который, в свою очередь, отсылает к первоначальному, что делает их концептуальное разграничение невозможным и блокирует путь к их независимому пониманию.

Проводя критический анализ существующих в юридической науке подходов к определению таких фундаментальных понятий, как «кодекс» и «кодификация», В.В. Кожевников предлагает систематизированную совокупность ключевых признаков данного правового феномена. Согласно его позиции, сущность кодификации заключается прежде всего в глубокой и всеобъемлющей переработке действующего законодательного массива. Этот процесс носит не косметический, а коренной, преобразующий характер, конечным продуктом которого становится создание принципиально нового единого акта. Данный акт должен отвечать строгим критериям логической целостности, внутренней согласованности и компактности. При этом автор выделяет и факультативные, но крайне важные задачи кодификации: это «очистка» нормативного поля от устаревших и неэффективных предписаний, а также решение комплекса юридико-технических проблем, таких как устранение правовых пробелов, дублирующих и противоречащих друг другу положений.

Ранее В.В. Ксенофонов называл кодекс правовым актом со следующими чертами: содержит нормы, регулирующие наиболее важные, принципиальные вопросы общественной жизни; регулирует значительную и достаточно обширную сферу отношений; является единым, внутренне связанным документом, включающим в себя проверенные жизнью, обще-

ственной практикой действующие нормы; предусматривает создание более устойчивых, стабильных норм, рассчитанных на длительный срок их действия; возглавляет систему взаимосвязанных нормативных актов, образующих определенную отрасль, подотрасль или отдельный институт законодательства; значителен по объему, имеет сложную структуру [5, с. 16]. Представляется, что лишь последний из выделенных признаков носит выверенный и объективный характер, но многословие документа вряд ли может свидетельствовать о коренном преобразовании правового регулирования в какой-либо области общественных отношений.

В конечном счете современные тенденции в законодательной практике привели к возникновению парадоксальной ситуации: кодексы нередко создаются не в силу их особого, выдающегося статуса в системе права, а по сугубо прагматичному и техническому основанию — из-за количественного роста разрозненных норм и предписаний, регулирующих одну и ту же сферу отношений. Их объединение в единое издание продиктовано в первую очередь необходимостью упростить навигацию в запутанном информационном массиве. Однако подобный подход, по сути, подменяет подлинную кодификацию, предполагающую глубокую переработку и системное преобразование права, простой компиляцией, результатом которой становятся скорее технические руководства или сводные наставления. Эти документы носят инструктивный характер и лишены тех системообразующих, фундаментальных качеств, которые придают авторитетный характер классическому кодексу.

В связи с этим представляется слабым и аргумент о необходимости отказа от множественности законов со ссылкой на исторический опыт кодификации [6, с. 39], поскольку такая отсылка остается скорее благим пожеланием или констатацией идеала. Она не предлагает ни конкретного рецепта, ни четкого методологического руководства к действию, оставляя открытым вопрос о том, как именно и необходимо ли в принципе проводить повсеместную кодификационную работу в современных условиях, требующую глубокого теоретического и методологического обоснования.

В частности, высказывается точка зрения о принятии Миграционного кодекса Российской Федерации в целях обеспечения единообразного подхода к проблеме формирования миграционного права в качестве структурного образования в системе права [7, с. 82], хотя на самом деле решение поставленной задачи реализуется на уровне концептуализации, но не кодификации, то есть требуется принятие соответствующего акта стратегического планирования, а не простое переложение множества административных регламентов, разъяснений, инструкций и т.д. в единый документ.

Или предлагается иной вариант, когда достаточным основанием для принятия кодекса выступает единая область общественных отношений, и при этом необходимо ввести правило непротиворечивости иных правовых актов, принимаемых в данной области, в целях достижения единой тенденции правопонимания, заложенной в другом, более объемном акте [8, с. 9]. Очевидно, что для этого не надо принимать документ со специфическим названием, достаточно одной статьи (ее части), чтобы исключить такие противоречия.

Предлагается следующий довод — транспортные кодексы можно соединить, так как это упростит систему документооборота и позволит ввести одинаковые регуляторы во всех отраслях транспортного процесса во взаимосвязи с международно-правовыми актами. Однако сами по себе «транспортные кодексы» — это не юридические акты в «чистом» виде, а технологические карты, отражающие механизмы менеджмента, управления транспортным комплексом по направлениям деятельности [9, с. 43]. Не исключено, что сразу же возникнет физико-техническая невозможность реализации положений единого кодекса вследствие дифференциации принципов и правил организации транспортных процессов. Аналогичные проблемы появятся и у правоприменителей Кодекса искусственного интеллекта [10, с. 248], в котором много «техники», но мало юриспруденции.

Возникновение кодекса, устава или уложения как нормативного правового акта высшего порядка, по всей видимости, обусловлено не столько увеличением

количества разрозненных предписаний в определенной сфере, что иногда приводит к парадоксу, когда сам кодекс «обрастает» множеством специальных законов (как это произошло с Гражданским кодексом Российской Федерации и федеральными законами, регулирующими статус отдельных юридических лиц или видов сделок), сколько необходимостью концептуального выбора. Суть этого выбора заключается в отборе из множества возможных нормативных вариантов одной, наиболее оптимальной модели правового регулирования. При этом основания для признания данной модели преобладающей могут быть самыми разными — от объективных требований технологического или экономического характера до субъективных идеологических установок или даже волюнтаристских решений, что подчеркивает системообразующую, а не просто техническую роль подлинной кодификации в структурировании правового поля.

Иначе говоря, объективная потребность в создании Кодекса возникает тогда, когда необходимо: 1) соотнести несколько правовых моделей, конкурирующих или по-разному регулирующих одни и те же вопросы в рамках одной области общественных отношений (в этом плане проблематично создание Военного кодекса Российской Федерации [11, с. 121], так как тысячелетняя история военной организации различных обществ показала отсутствие конкурирующих моделей в руководстве вооруженными формированиями, если они сосуществуют одновременно, то такие сообщества нежизнеспособны); 2) исключить множественность повторяющихся правил, разнящихся лишь лексически, чего, например, настоятельно требует социальное законодательство [12, с. 29]; 3) возникает ситуация, когда в рамках существующего правового поля отдельные модели продемонстрировали свою неэффективность, и появляется потребность в замене их на деятельностные, а не имитационные нормы, которые обладают реальным регулятивным потенциалом без подмены иных правовых предписаний. Например, излишней является кодификация спортивных правил на уровне нормативного правового акта [13, с. 125].

В связи с этим при характеристике любого кодифицированного акта, наряду с общепризнанными системными признаками*, необходимо акцентировать внимание на его уникальных, сущностных характеристиках:

1) представляет собой целостный, внутренне единый текст, обладающий однородным юридическим содержанием. Целостность проявляется не только в единстве предмета регулирования, но и в скрупулезно выдержанной формально-языковой структуре. Речь идет о сознательном использовании единой юридической лексики, последовательной стилистике, унифицированных речевых оборотах и четкой, непротиворечивой логике изложения всего нормативного материала. Совокупность данных признаков формирует стройный, самодостаточный документ, который отличается от простого собрания разрозненных норм своим концептуальным единством и лингвистической целостностью, что значительно облегчает его толкование и применение на практике.

Не исключено, что идеальным вариантом кодификации в таком плане выступает Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. N 190-ФЗ, так как принцип организации текста в данном случае основывается на взаимоувязанной системе градостроительной документации, от наиболее общих положений в части схем размещения объектов капитального строительства, генеральных и комплексных планов застройки и развития территорий до требований к конкретным постройкам на основе современного опыта технологий строительства, экологии, социально-культурного развития, технического регулирования и иных факторов, — архитектура на территории сочетается с архитектуроникой в тексте закона;

* Кодекс — это систематизированный, внутренне согласованный законодательный акт, объединяющий в определенном порядке обновленные нормы права, регулирующие однородную группу общественных отношений (см.: Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / авт.-сост. М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева, под ред. и с предисл. Б.А. Ларина [т. I]. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986. С. 275).

2) отвечает признакам кодированной информации, а именно: а) имеется соотношение между означающим и означаемым; б) имеется репертуар символов, которые соотносятся с определенными явлениями; в) представляет собой систему вероятностей; г) установлены правила их сочетания; д) вносит в физическую систему некий порядок, е) предстает как смыслопорождающая форма, производитель смыслов, исполняющийся множеством значений и созначений; ж) является моделью — результатом ряда условных упрощений, производимых ради того, чтобы обеспечить возможность передачи тех или иных сообщений; з) имеется набор известных символов, из которых осуществляется выбор при комбинировании их согласно известным правилам; и) структура представлена в виде модели, выступающей как основополагающее правило при формировании ряда конкретных сообщений*.

Такой особый код кодифицированных актов административного и административно-процессуального законодательства заключается в том, чтобы не только разрешить конкретную ситуацию сиюминутно, дискретно и формально, но в рамках технологий управления и администрирования конкретными видами деятельности способствовать соотношению регулятивной и регламентарной практики, возможности сочетать превенцию и наказание и т.д.

Иные случаи не отвечают признакам административной кодификации. Например, не нужны Лицензионный кодекс [14, с. 28] или Кодекс технического регулирования [15, с. 9]. Следует отметить, что доктринальные позиции их внедрения не получили поддержки на законодательном уровне.

Очевидно, что административная (административно-процессуальная кодификация) потребуется постольку, поскольку возникает необходимость формирования единообразной, взаимоувязанной технологии администрирования, когда ведомственные регламенты (инструкции, методики, алгоритмы и иные документы,

выработанные в реальной административной практике функционирования различных ведомств) разнообразны, а заложенные в них подходы препятствуют результативному и эффективному, прежде всего, непрерывному руководству и управлению отдельными видами деятельности;

3) кодекс представляет собой строго организованное и внутренне гармоничное структурное единство, формирующее замкнутую систему, в основе которой лежит комплекс типовых юридических моделей и предусмотренных законодателем вариантов их модификации. Этот универсальный инструментарий, являющийся своего рода стандартизированным «языком» для регулирования, обладает свойством воспроизводимости и может быть эффективно применен к самым разным группам общественных отношений и видам деятельности. Ключевое достоинство этого набора заключается в его алгоритмической природе: он предоставляет всем участникам правоотношений четкую, последовательную схему действий, которая позволяет безукоризненно квалифицировать любые возникающие юридические факты, обеспечивая тем самым единообразное понимание и применение правовых норм, минимизируя произвольное толкование и правовую неопределенность.

Одно из предназначений кодификации — разрешение множественности коллизий в юридической практике [16, с. 205]. Следует признать, что ключевой задачей выступает формирование оптимальной унифицированной модели регулирования, способной обеспечить последовательное и непротиворечивое нормативное регулирование в соответствующей сфере общественных отношений;

4) методологическая организация кодифицированного текста представляет собой изложение материала по принципу от общего к частному, от абстрактного к конкретному, от проекта — к его реализации, однако при этом специальные (исключительные) аспекты некоторых категорий юридических дел не повлекут создание отдельного кодекса [17, с. 151];

5) изложение текста любого процессуального кодекса, с одной стороны, выступает как набор юридических средств, относительно автономных, позволяющих ре-

* Эко, Умберто. Отсутствующая структура. М.: Петрополис, 1998. С. 36, 37, 44-46, 47, 56, 57, 66, 67.

ализовать деятельностное усмотрение [18, с. 159] в ходе правоприменения путем их комбинаторики и рекомбинаторики (операции с доказательствами, мерами обеспечения, вызовами и извещениями и пр.). С другой стороны, производство по делу основано на правилах логической причинности, следования и транзитивности [19, с. 152], когда начатое производство по делу должно быть доведено до финального акта (решения), а правила перехода от стадии к стадии, от этапа к этапу, от действия к действию построены как процессуальный алгоритм, при этом материалы предыдущего действия (процедуры) достаточны и необходимы для принятия последующих решений и совершения действий;

б) в отличие от многих иных актов уникальность организации текста какого-либо административно-процессуального кодекса заключается в том, что он основан на построении технологической картины административной деятельности [20, с. 10], при этом одновременно учитываются, во-первых, регулятивные аспекты подведомственной деятельности, во-вторых, регламентарные нормы администрирования в указанной сфере, то есть такой кодекс оперирует процедурами создания административных документов (протоколов), придающих официальный стиль и статус подведомственным социальным институтам, а также рядом юридических производств, позволяющих принимать административные акты (постановления и иные распорядительные акты), управляющие подведомственными сферами деятельности;

7) представляется, что кодекс, содержащий административно-процессуальные нормы, должен включать правила заимствования и преобразования иных отраслевых юридических конструкций, присоединения текстовой части любых правовых актов, юридических и иных документов для достижения целей и реализации задач административной практики, как это сделано в Федеральном законе от 31 июля 2020 г. N 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»*, — он более претендует в своевременных условиях на роль административно-процессуального кодекса, чем ныне действующий КоАП РФ.

Федеральный закон от 31 июля 2020 г. N 248-ФЗ содержит весь необходимый и достаточный инструментарий с адекватными механизмами достижения результатов путем гибкого применения средств профилактики и контроля (надзора), пресечения и правоохранительной реакции, чем разрозненный текст действующего юрисдикционного кодекса, ориентированный на разную аудиторию и субъектов правоприменения, правовые позиции которых существенно отличаются (например, административные органы и судьи, представители органов исполнительной власти и государственных корпораций, учреждений).

* Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru>

Список источников

1. Цымбалюк В.С. О систематизации институтов информационного права при кодификации информационного законодательства в СНГ // Информационное право. 2013. N 4. С. 15-18.
2. Рахманина Т.Н. Кодификация законодательства. Москва: Юрист, 2005. 141 с.
3. Пашенцев Д.А. Кодификация как инструмент конструирования системы законодательства в начальный период советского государства (к 100-летию первых советских кодексов) // Журнал российского права. 2018. N 11. С. 5-13.
4. Кожевников В.В. Кодекс как продукт систематизации нормативно-правовых актов в Российской Федерации // Право и образование. 2021. N 8. С. 13-16.
5. Ксенофонтов В.В. Проблемы и пути совершенствования законодательства // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2003. N 1. С. 15-17.
6. Тимофеева А.А., Павлова А.Д. Кодификация законодательства в России: исторический и практический аспекты // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. N 1. С. 38-45.
7. Жеребцов А.Н., Малышев Е.А. Миграционное право в системе административного права Российской Федерации: место и значение // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2020. N 4. С. 81-90.

8. Босова Е.Н. Система, систематизация законодательства в Российской Федерации: перспективы развития // Вестник ВЭГУ. 2010. N 5. С. 7-13.
9. Бажина М.А. К вопросу о систематизации транспортного законодательства Российской Федерации // Транспортное право и безопасность. 2021. N 2. С. 42-52.
10. Мишина Н.В. Теоретические аспекты правового регулирования искусственного интеллекта // Современный ученый. 2020. N 5. С. 247-253.
11. Манжула Е.В. Проблемы совершенствования военного законодательства в Российской Федерации // Матрица научного познания. 2022. N 4-1. С. 120-123.
12. Первалова С.А. О систематизации современного российского законодательства в сфере социального обеспечения // Студент. Аспирант. Исследователь. 2017. N 3. С. 28-31.
13. Соловьев А.А. Аризонская модель систематизации спортивного законодательства // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Юридические науки. 2011. N 3. С. 124-130.
14. Стандзонь Л.В. Развитие законодательства, устанавливающего административную ответственность в лицензионно-разрешительной сфере в свете концепции нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. N 12. С. 27-32.
15. Панова А.С. О некоторых проблемах современного законодательства в области технического регулирования // Предпринимательское право. 2009. N 4. С. 8-14.
16. Ерпылева Н.Ю., Гетьман-Павлова И.В., Касаткина А.С. Внутриотраслевой способ кодификации международного частного права (на примере стран Латинской Америки) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. N 2. С. 204-235.
17. Обухова Г.Н. Некоторые проблемы систематизации процессуальных норм в трудовом праве // Вестник Омского университета. Сер.: Право. 2019. Т. 16. N 1. С. 150-155.
18. Шерстобоев О.Н. Теория административного усмотрения: этапы формирования // Сибирское юридическое обозрение. 2023. Т. 20. N 2. С. 158-173.
19. Зиновьев А.А. Логика науки. Москва: Мысль, 1971. 278 с.
20. Осинцев Д.В. Юридические техники и юридические технологии: очерк альтернативного правоупотребления // Российский юридический журнал. 2018. N 4. С. 9-21.

References

1. Tsymbalyuk V.S. On the systematization of information law institutions in the codification of information legislation in the CIS. Information Law, 2013, no. 4, pp. 15-18. (In Russ.).
2. Rachmanina T.N. Codification of legislation. Moscow, Yurist Publ., 2005. 141 p. (In Russ.).
3. Pashentsev D.A. Codification as a tool for constructing a system of legislation in the early period of the Soviet state (to mark the 100th anniversary of the first Soviet codes). Journal of Russian Law, 2018, no. 11, pp. 5-13. (In Russ.).
4. Kozhevnikov V.V. The Code as a product of systematization of normative legal acts in the Russian Federation. Law and education, 2021, no. 8, pp. 13-16. (In Russ.).
5. Ksenofontov V.V. Problems and ways of improving legislation. Representative government – XXI century: legislation, comments, problems, 2003, no. 1, pp. 15-17. (In Russ.).
6. Timofeeva A.A., Pavlova A.D. Codification of legislation in Russia: historical and practical aspects. Law and order: history, theory, practice, 2023, no. 1, pp. 38-45. (In Russ.).
7. Zherebtsov A.N., Malyshev E.A. Migration law in the system of administrative law of the Russian Federation: place and significance. Law Bulletin of Kuban State University, 2020, no. 4, pp. 81-90. (In Russ.).
8. Bosova E.N. System, systematization of legislation in the Russian Federation: development prospects. Bulletin of the VEG, 2010, no. 5, pp. 7-13. (In Russ.).
9. Bazhina M.A. On the issue of systematization of transport legislation of the Russian Federation. Transport law and safety, 2021, no. 2, pp. 42-52. (In Russ.).
10. Mishina N.V. Theoretical aspects of legal regulation of artificial intelligence. A modern scientist, 2020, no. 5, pp. 247-253. (In Russ.).
11. Manzhula E.V. Problems of improving military legislation in the Russian Federation. Matrix of scientific knowledge, 2022, no. 4-1, pp. 120-123. (In Russ.).
12. Perevalova S.A. On the systematization of modern Russian legislation in the field of social security. Student. Graduate student. Researcher, 2017, no. 3, pp. 28-31. (In Russ.).
13. Solov'ev A.A. The Arizona model of systematization of sports legislation. Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences, 2011, no. 3, pp. 124-130. (In Russ.).
14. Standzon' L.V. Development of legislation establishing administrative responsibility in the licensing and licensing sphere in the light of the concept of the new Code of Administrative Offences of the Russian Federation. Laws of Russia: experience, analysis, practice, 2019, no. 12, pp. 27-32. (In Russ.).
15. Panova A.S. On some problems of modern legislation in the field of technical regulation. Business law, 2009, no. 4, pp. 8-14. (In Russ.).

16. Erpyleva N.Yu., Get'man-Pavlova I.V., Kasatkina A.S. The intra-industry method of codification of private international law (on the example of Latin American countries). Law. Journal of the Higher School of Economics, 2021, no. 2, pp. 204-235. (In Russ.).
17. Obukhova G.N. Some problems of systematization of procedural norms in labor law. Bulletin of Omsk University. Series: Law, 2019, vol. 16, no. 1, pp. 150-155. (In Russ.).
18. Sherstoboev O.N. Theory of administrative discretion: stages of formation. Siberian Legal Review, 2023, vol. 20, no. 2, pp. 158-173. (In Russ.).
19. Zinov'ev A.A. Logic of science. Moscow, Mysl' Publ., 1971. 278 p. (In Russ.).
20. Osintsev D.V. Legal techniques and legal technologies: an essay on alternative legal understanding. Russian Law Journal, 2018, no. 4, pp. 9-21. (In Russ.).

Научная специальность: 5.1.2

Основы конституционного строя как правовая гарантия обеспечения трудовых прав граждан

Юлия Алексеевна Прокопчик,

Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Россия, yu.devyaterikova@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0007-9374-7144>

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу роли основ конституционного строя Российской Федерации в системе правового обеспечения трудовых прав граждан. Исследуемая тема актуализируется ростом трудовых споров и необходимостью совершенствования механизмов защиты трудовых прав в условиях цифровой трансформации экономики. Автор рассматривает основы конституционного строя как системообразующий элемент правового регулирования трудовых отношений, формирующий нормативную матрицу для развития отраслевого законодательства. Проанализированы ключевые конституционные принципы и их отраслевая спецификация. Сделан вывод о необходимости дальнейшего совершенствования конституционно-правовых механизмов защиты трудовых прав в направлении адаптации к новым формам трудовых отношений, усиления коллективных гарантий и развития регионального компонента трудовых прав.

Ключевые слова: конституционный строй, трудовые права, правовые гарантии, Конституция Российской Федерации, социальное государство, судебная защита, трудовое законодательство

Для цитирования: Прокопчик Ю.А. Основы конституционного строя как правовая гарантия обеспечения трудовых прав граждан // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2025. N 4 (74). С. 121-131.

Foundations of the constitutional system as a legal guarantee of ensuring the labor rights of citizens

Julia A. Prokopchik,

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia, yu.devyaterikova@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0007-9374-7144>

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of the role of the foundations of the constitutional system of the Russian Federation in the system of legal support of citizens' labor rights. The relevance of the study is associated with the growing number of labor disputes and the need to improve the mechanisms for protecting labor rights in the context of digital transformation of the economy. The foundations of the constitutional system are considered as a system-forming element of legal regulation of labor relations, which forms a regulatory matrix for developing the sectoral legislation. The key constitutional principles and their sectoral specification are analyzed. The author concludes that there is a need to further improve the constitutional and legal mechanisms for protecting labor rights in order to adapt them to new forms of labor relations, to strengthen collective guarantees and develop the regional component of labor rights.

Keywords: constitutional system, labor rights, legal guarantees, Constitution of the Russian Federation, welfare state, judicial protection, labor legislation

For citation: Prokopchik Ju.A. Foundations of the constitutional system as a legal guarantee of ensuring the labor rights of citizens // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2025. No. 4 (74). P. 121-131.

Введение

Трудовые права граждан представляют собой интегральный компонент системы социально-экономических прав, конституционно гарантированных в Российской Федерации. Их эффективная реализация определяется стабильностью конституционного строя, который устанавливает фундаментальные принципы правового регулирования трудовых отношений.

В статье представлен комплексный научный анализ функциональной роли основ конституционного строя Российской Федерации в качестве системообразующего механизма правовых гарантий обеспечения трудовых прав граждан при современных тенденциях социально-экономического развития государства.

Актуальность темы определяется значением трудовых прав в системе конституционных прав человека и гражданина, а также необходимостью совершенствования механизмов их гарантирования в контексте развития цифровой экономики и трансформации трудовых отношений. Согласно данным Росстата, в августе 2025 г. численность рабочей силы в Российской Федерации составила 76,5 млн человек*, что подчеркивает масштаб проблемы обеспечения трудовых прав. Как следует из мониторинга Минэкономразвития России, безработица в Российской Федерации за январь 2025 г. продемонстрировала рост впервые с конца 2023 года**, однако в августе без поправок на сезонность уровень безработицы составил 2,1 %***, что стало новым историческим минимумом. Современная правоприменительная практика свидетельствует о возрастающем количестве споров, связанных с наруше-

нием трудовых прав. По данным судебной статистики, в 2024 году суды общей юрисдикции рассмотрели свыше 260 тысяч трудовых споров****, что на 17 тысяч больше, чем в 2023 году. Это актуализирует вопрос эффективности конституционных гарантий в сфере труда.

Основная часть

В современной российской конституционно-правовой науке особую актуальность приобретает исследование механизмов реализации конституционных принципов в различных сферах общественных отношений, включая трудовую сферу. Как справедливо подчеркивает Н.П. Сидоренко, «...именно государство должно создавать все необходимые условия для защиты прав и свобод, что, в свою очередь, образует цепь взаимосвязей между государством и личностью» [1, с. 85]. Данное положение приобретает особое значение при анализе воздействия основополагающих конституционных институтов на регулирование трудовых отношений, поскольку именно через систему конституционного строя обеспечивается комплексная защита трудовых прав граждан и формируется институциональная основа для их эффективной реализации.

Категории «конституционный строй» и «основы конституционного строя» характеризуются относительной новизной в контексте российской конституционно-правовой доктрины и отечественной нормативной базы. По определению С.А. Авакьяна, основы конституционного строя представляют собой устои, закрепленные в Конституции Российской Федерации (далее — Конституция РФ), которые определяют конституционный строй общества и государства и раскрывают характер государства, общества и общественных отношений, власти, статуса личности, политического режима, собственности и форм хозяйствования [2, с. 326]. Данная категория выступает основополагающим элементом конституционно-правовой доктрины, обеспечивающим концептуальную целостность и иерархическую структуру

* Социально-экономическое положение России. Январь — август 2025 года // Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: <http://ssl.rosstat.gov.ru/>

** О текущей ситуации в российской экономике. Январь 2025 года // Министерство экономического развития Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://www.economy.gov.ru/>

*** Социально-экономическое положение России. Январь — август 2025 года // Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: <http://ssl.rosstat.gov.ru/>

**** Количество поступающих в суды гражданских и административных дел растет // Адвокатская газета. 2025. 28 мая. URL: <https://www.advgazeta.ru/>

конституционного регулирования. Сущность основ конституционного строя заключается в их функции системообразующих элементов, которые определяют природу государственной власти, механизмы ее организации и пределы осуществления. Они образуют нормативную матрицу, в рамках которой происходит структурирование иных конституционно-правовых институтов и отношений. Каждый из этих принципов представляет ценность и одновременно находится в системной взаимосвязи с другими элементами конституционного строя.

Конституционно-правовая природа трудовых прав характеризуется их двойственной юридической сущностью, проявляющейся в одновременном существовании на конституционном и отраслевом уровнях правового регулирования. Трудовые права обладают статусом основных прав человека, что обуславливает их непосредственное закрепление в конституционных актах и придает им характер высшей юридической силы. Такие права функционируют как конституционные принципы, определяющие векторы развития всей системы трудового законодательства. Конституционное измерение трудовых прав предполагает их рассмотрение через призму основных правовых категорий — свободы, равенства и справедливости. основополагающие принципы конституционного строя, консолидированные в главе 1 Конституции РФ*, создают нормативную правовую основу обеспечения трудовых прав граждан, функционируя в качестве базисных детерминантов всей системы правового регулирования трудовых отношений. Указанные конституционные принципы обладают универсальным характером и определяют содержательную направленность отраслевого нормативного массива, включая комплекс норм трудового права.

Трудовые права выступают механизмом конституционного обеспечения соци-

ально-экономических гарантий личности, формируя правовую основу для реализации принципа социального государства. Данную мысль развивают С.В. Колобова и Ю.С. Сергеенко, подчеркивая, что нормам и принципам трудового права отведена важная миссия — быть гарантом осуществления широкого комплекса провозглашенных в Конституции РФ социально-экономических прав и свобод, которыми наделен человек как участник трудового процесса [3, с. 10].

Итак, принцип социального государства, закрепленный в ст. 7 Конституции РФ, означает обязанность государства по формированию институциональных условий, обеспечивающих достойный уровень жизнедеятельности и свободное развитие личности, что находится в непосредственной корреляции с гарантированием права на трудовую деятельность и справедливые условия ее осуществления. Рассматриваемый принцип характеризуется полиаспектным содержанием в рамках регулирования трудовых правоотношений. Первое направление заключается в возложении на государство обязанности по реализации активной политики занятости, ориентированной на достижение полной, продуктивной и свободно избранной занятости населения. Данное конституционное требование находит нормативное отражение в Федеральном законе от 12 декабря 2023 г. N 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации»**, который формализует систему государственных гарантий в сфере трудовой занятости.

Второе направление предполагает установление справедливых параметров оплаты труда как императивного требования социального государства. Конституционный Суд Российской Федерации (далее — Конституционный Суд РФ) в постановлении от 27 июня 2023 г. N 35-П сформулировал правовую позицию, согласно которой «...справедливая оплата труда должна обеспечивать достойное человека существование для него самого и

* Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Рос. газ. 1993. 25 дек.; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

** О занятости населения в Российской Федерации: федер. закон от 12 дек. 2023 г. N 565-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

его семьи»*. Практическая реализация данного конституционного требования осуществляется посредством института минимального размера оплаты труда, функциональное назначение которого состоит в гарантировании прожиточного минимума трудоспособного населения.

Третье направление характеризуется формированием комплексной системы социального страхования работников, охватывающей страховую защиту от производственного травматизма, временной утраты трудоспособности и безработицы. Федеральный закон от 24 июля 1998 г. N 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний»** представляет непосредственную институциональную форму воплощения рассматриваемого конституционного принципа.

Конституционный институт гражданства тесно взаимосвязан с трудовыми отношениями через систему дифференцированного правового регулирования, которая определяет объем трудовых прав и обязанностей различных категорий лиц в зависимости от их правового статуса. Как указывают Ю.А. Михайленко, А.И. Парубов и С.В. Шаханина, «...субъективные основания дифференциации могут быть обусловлены помимо физиологических качеств работника, наличием либо отсутствием гражданства» [4, с. 155]. Согласно действующему законодательству гражданство выступает критерием для замещения государственных должностей, представляющего исключительное право граждан Российской Федерации, работы в органах безопасности и правопорядка, доступа к

государственной тайне, а также осуществления отдельных видов предпринимательской деятельности. Для иностранных граждан и лиц без гражданства установлены специальные процедурные требования трудоустройства.

Взаимосвязь «гражданства» и «трудовых отношений» реализуется через конституционный принцип равенства перед законом, который закреплен в ст. 19 Конституции РФ, в части равенства трудовых прав в пределах правового статуса, права на труд согласно ст. 37 Конституции РФ с дифференцированной реализацией в зависимости от гражданства и через конституционный принцип государственного суверенитета, предоставляющего государству право регулировать доступ к трудовой деятельности на своей территории. Таким образом, конституционный институт гражданства выступает системообразующим элементом дифференциации правового регулирования трудовых отношений, обеспечивая баланс между реализацией трудовых прав человека и защитой национальных интересов государства в сфере трудовой миграции и занятости, создавая правовую основу для установления различных режимов трудовой деятельности в зависимости от гражданско-правового статуса субъектов трудовых отношений.

Республиканская форма правления (ст. 1 Конституции РФ) представляет собой основу организации государственной власти, которая оказывает системное воздействие на регулирование трудовых отношений через механизмы демократической легитимации, подотчетности и разделения властей. Республиканская форма правления предполагает выборность высших органов государственной власти, их временный характер и подотчетность народу, что создает институциональные предпосылки для демократического формирования трудовой политики государства и обеспечения эффективной защиты трудовых прав граждан. В контексте трудовых отношений республиканская форма правления реализуется через систему представительной демократии, обеспечивающую участие граждан в формировании трудового законодательства посредством избираемых представительных органов власти.

* По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 152 Трудового кодекса Российской Федерации и абзаца второго Постановления Правительства Российской Федерации «О минимальном размере повышения оплаты труда за работу в ночное время» в связи с жалобой гражданина С.А. Иванченко: постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2023 г. N 35-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. N 27. Ст. 5140.

** Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний: федер. закон от 24 июля 1998 г. N 125-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. N 31. Ст. 3803.

По мнению С.А. Авакьяна, «...республиканская форма правления основывается на том, что властные функции вправе осуществлять и народ непосредственно. Сами органы появляются именно в результате оформления воли народа посредством выборов» [5, с. 349].

Система разделения властей, являющаяся неотъемлемым элементом республиканской формы правления, обеспечивает сбалансированное регулирование трудовых отношений через взаимодействие законодательной, исполнительной и судебной власти. По утверждению М.В. Баглая, «...принцип разделения властей имеет законодательную природу происхождения, а система сдержек и противовесов позволяет воплотить принцип разделения властей в жизнь» [6, с. 147].

Республиканская форма правления обуславливает периодическую «обновляемость» органов власти через избирательный процесс, что создает механизм общественного контроля за эффективностью трудовой политики государства. Избиратели имеют возможность оценить результативность деятельности органов власти в сфере обеспечения трудовых прав и выразить свое отношение к проводимой политике через участие в выборах, что стимулирует органы власти к ответственному подходу к формированию и реализации трудовой политики. Конкуренция между различными политическими силами способствует выработке альтернативных подходов к решению проблем в сфере труда и обеспечивает представительство интересов различных социальных групп в процессе формирования государственной трудовой политики. Таким образом, республиканская форма правления выступает системообразующим фактором демократического регулирования трудовых отношений, обеспечивая легитимность трудового законодательства через представительную демократию, подотчетность органов власти в реализации трудовой политики, защиту трудовых прав через систему разделения властей и адаптивность правового регулирования к изменяющимся социально-экономическим условиям через механизмы политической конкуренции и федеративного устройства государства.

Федеративное устройство государства (ст. 5 Конституции РФ) создает основу для разграничения полномочий между федеральными органами власти и органами власти субъектов Российской Федерации в сфере трудового права. Согласно п. «к» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ трудовое законодательство находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, что создает двухуровневую систему правового регулирования трудовых отношений. На федеральном уровне принимаются основополагающие нормативные правовые акты, определяющие общие принципы и стандарты трудового права. К ним относятся Трудовой кодекс Российской Федерации (далее — ТК РФ), федеральные законы о минимальном размере оплаты труда, о профессиональных союзах, о специальной оценке условий труда и другие.

Субъекты Российской Федерации в рамках своих полномочий принимают законы и иные нормативные правовые акты, содержащие нормы трудового права, при условии их соответствия федеральному законодательству. В.И. Миронов выделяет «нормы, предусматривающие дополнительные в сравнении с общим законодательством о труде льготы», подобные нормы могут появляться на различных уровнях правовой регламентации труда, в том числе и на региональном [7, с. 21]. Региональное регулирование может устанавливать дополнительные льготы и гарантии для работников. Например, во многих субъектах Российской Федерации установлены региональные доплаты к минимальному размеру оплаты труда, дополнительные социальные гарантии для отдельных категорий работников. Правовую основу составляют региональные законы о социальной поддержке, отраслевые соглашения, коллективные договоры организаций с государственным участием, а финансирование осуществляется из региональных бюджетов, внебюджетных фондов субъектов Российской Федерации, средств работодателей по соглашениям социального партнерства.

Статья 133.1 ТК РФ предусматривает право субъектов Российской Федерации устанавливать размер минимальной заработной платы в субъекте Россий-

ской Федерации. При этом размер минимальной заработной платы в субъекте Российской Федерации не может быть ниже минимального размера оплаты труда, установленного федеральным законом. Данные доплаты дифференцируются в зависимости от уровня социально-экономического развития региона; стоимости жизни и потребительской корзины; климатических условий и географического положения; состояния регионального бюджета. Механизм реализации осуществляется через региональные соглашения между органами государственной власти субъекта Российской Федерации, объединениями работодателей и профсоюзами. Таким образом, указанная правовая норма является институциональным выражением принципа федерализма применительно к регулированию трудовых отношений.

Конституционный принцип народовластия, закрепленный в ст. 3 Конституции РФ, является основополагающим принципом демократической организации государственной власти, который оказывает системное воздействие на формирование и реализацию государственной политики в сфере трудовых отношений через механизмы представительной и непосредственной демократии. Согласно концепции процедурной демократии Й. Шумпетера [8, с. 326], участие граждан в формировании государственной политики через институты представительной демократии обеспечивает легитимность принимаемых решений в сфере труда. Принцип народовластия обеспечивает легитимацию трудового законодательства посредством участия народа в его формировании через избираемые органы государственной власти и создает институциональные предпосылки для учета интересов трудящихся при принятии решений, затрагивающих их трудовые права и социально-экономическое положение. Народовластие в контексте трудовых отношений реализуется через систему представительной демократии, а Федеральное Собрание Российской Федерации как выражение воли народа осуществляет законодательное регулирование трудовой сферы, принимая федеральные законы на основе демократических процедур обсуждения и голосования, что обеспечивает соответствие принимаемых

решений общественным интересам и потребностям работающего населения.

Принцип народовластия находит свое выражение в институте социального партнерства, который, по мнению М.В. Лушниковой, «...является производным от трудового правоотношения» [9, с. 232], выступает формой непосредственной демократии в трудовой сфере, обеспечивая участие представителей трудящихся в формировании условий труда, систем оплаты и стимулирования, социальных гарантий через механизмы коллективно-договорного регулирования на федеральном, отраслевом, региональном и локальном уровнях.

Кроме того, народовластие в трудовой сфере проявляется через деятельность профессиональных союзов как массовых общественных организаций, объединяющих граждан, связанных общими производственными, профессиональными интересами по роду их деятельности, для защиты трудовых, социально-экономических прав и интересов. Профсоюзы выступают институциональным механизмом реализации народовластия, обеспечивая представительство интересов работников в отношениях с работодателями и органами государственной власти, осуществляя общественный контроль за соблюдением трудового законодательства, участвуя в разработке и реализации государственной политики в области социально-трудовых отношений.

Таким образом, конституционный принцип народовластия выступает основой демократического регулирования трудовых отношений, обеспечивая участие граждан и их представителей в формировании трудового законодательства, контроле за его реализацией и защите трудовых прав через систему представительной демократии, социального партнерства и общественного контроля.

Конституционный принцип правового государства, закрепленный в ст. 1 Конституции РФ, детерминирует специфику государственного регулирования трудовых правоотношений и систему гарантий обеспечения трудовых прав граждан. Данный принцип предусматривает приоритет правовых норм, юридическую связанность государственной власти правовыми предпи-

саниями, а также взаимные обязательства государства и личности. В сфере трудовых отношений принцип правового государства проявляется в следующих аспектах:

- верховенство закона в трудовых отношениях. Все субъекты трудового права — работники, работодатели, государственные органы — связаны требованиями трудового законодательства. Статья 5 ТК РФ определяет, что в случае «...противоречий между настоящим Кодексом и иным федеральным законом, содержащим нормы трудового права, применяется настоящий Кодекс»;

- государственный контроль за соблюдением трудового законодательства. Статья 353 ТК РФ устанавливает систему государственного контроля (надзора) за соблюдением трудового законодательства, осуществляемого федеральной инспекцией труда, что обеспечивает реальность правовых норм и их практическое применение;

- судебная защита трудовых прав. Статья 352 ТК РФ гарантирует каждому право на защиту трудовых прав и свобод всеми не запрещенными законом способами, включая судебную защиту.

Таким образом, конституционный принцип правового государства находит свое системное воплощение в механизме правового регулирования трудовых отношений в Российской Федерации. Триада правовых механизмов образует целостную систему обеспечения законности в трудовых правоотношениях, что свидетельствует о том, что принцип правового государства не является декларативной нормой, а получает конкретное нормативное закрепление и институциональное обеспечение в российском трудовом праве. Это подтверждает системный характер конституционных принципов и их определяющую роль в формировании отраслевого законодательства.

Конституционный принцип идеологического и политического плюрализма (ст. 13 Конституции РФ) формирует правовую базу для осуществления трудовых прав граждан на ассоциацию, в том числе на учреждение профессиональных объединений в целях защиты профессиональных интересов. Идеологический и политический плюрализм в трудовой

сфере проявляется через деятельность профессиональных союзов, объединений работодателей и иных общественных организаций, что соответствует концепции корпоративизма в трудовых отношениях и способствует формированию многообразных подходов к трудовому регулированию [10, с. 101]. Данный принцип препятствует установлению какой-либо идеологической доктрины в статусе государственной или императивно обязательной, создавая тем самым институциональные предпосылки для плюралистического представительства интересов в трудовой сфере. В аспекте регулирования трудовых правоотношений рассматриваемый принцип обеспечивает:

- автономию создания и функционирования профессиональных союзов;

- вариативность механизмов представительства интересов трудящихся;

- право работодателей на формирование корпоративных объединений для отстаивания собственных интересов;

- недопустимость принуждения к членству в общественных организациях любого характера.

Конкретизацией данного конституционного принципа выступает ст. 30 Конституции РФ, провозглашающая неотъемлемое право граждан на ассоциацию, включая возможность образования профессиональных объединений для отстаивания своих законных интересов. Федеральный закон от 12 января 1996 г. N 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности»* представляет практическую реализацию данного конституционного права, формируя нормативно-правовую базу для учреждения профессиональных союзов, определения их правомочий и обеспечения гарантий их функционирования.

Свобода экономической деятельности и равенства форм собственности, закрепленная в ст. 8 Конституции РФ, представляет собой взаимосвязанные основы функционирования рыночной экономики, которые оказывают системное воздействие на регулирование трудовых отношений через обеспечение свободы предпри-

* О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности: федер. закон от 12 янв. 1996 г. N 10-ФЗ: ред. от 21 дек. 2021 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. N 3. Ст. 148; 2021. N 52 (ч. II). Ст. 8981.

нимательства, конкуренции и равенства правового статуса субъектов трудовых отношений независимо от форм собственности. Данные принципы создают правовую основу для автономии воли участников трудовых отношений при определении условий труда в рамках, установленных законодательством, и обеспечивают баланс между государственным регулированием трудовой сферы и экономической свободой хозяйствующих субъектов различных форм собственности.

Свобода экономической деятельности в контексте трудовых отношений реализуется через право работодателей самостоятельно определять организационную структуру предприятия, численность персонала, систему оплаты труда и стимулирования работников в соответствии с экономической целесообразностью и рыночными условиями. При этом принцип равенства форм собственности гарантирует применение единых трудовых стандартов ко всем работодателям независимо от их организационно-правового статуса. Экономическая свобода обеспечивает дифференциацию трудовых условий в зависимости от экономической эффективности предприятий, стимулируя повышение производительности труда и инновационное развитие через систему материального стимулирования работников. Это происходит в условиях равной правовой защиты трудовых отношений в государственном, муниципальном и частном секторах экономики, что соответствует концепции смешанной экономики [11, с. 156].

Равенство форм собственности в трудовой сфере реализуется через механизм государственного контроля за соблюдением трудового законодательства, который осуществляется в отношении всех работодателей независимо от их организационно-правовой формы. При этом учитывается специфика отдельных категорий работников посредством законодательно установленных особенностей правового регулирования труда государственных и муниципальных служащих, что обусловлено публично-правовым характером их деятельности.

Рассматриваемые конституционные принципы создают институциональную основу для развития нестандартных форм

занятости, включая дистанционную работу, гибкие графики трудовой деятельности, проектную занятость и фриланс, что отражает адаптацию трудового права к условиям цифровой экономики и изменяющимся потребностям рынка труда при сохранении единого правового пространства в сфере труда. Принципы экономической свободы и равенства форм собственности обеспечивают право работников на свободный выбор рода деятельности и профессии, смену места работы, что стимулирует мобильность трудовых ресурсов и способствует эффективному распределению рабочей силы в соответствии с рыночным спросом независимо от сектора экономики. Реализация данных принципов в трудовых отношениях ограничивается императивными нормами трудового законодательства, устанавливающими минимальные трудовые стандарты, гарантии безопасности труда и социальной защиты работников, что обеспечивает баланс между экономической эффективностью и социальной справедливостью через унификацию трудовых прав и гарантий работникам, занятым в организациях различных форм собственности.

Таким образом, конституционные принципы свободы экономической деятельности и равенства форм собственности выступают факторами формирования справедливой и эффективной системы трудовых отношений, обеспечивая оптимальное сочетание государственных гарантий трудовых прав с экономической целесообразностью и конкурентоспособностью хозяйствующих субъектов различных форм собственности, что создает условия для устойчивого развития многоукладной экономики и защиты трудовых прав всех категорий работников.

Конституционный принцип светского государства, закрепленный в ст. 14 Конституции РФ, представляет собой основу обеспечения равенства трудовых прав независимо от религиозных убеждений субъектов трудовых отношений и выступает гарантией недискриминационного подхода в сфере труда. Данный принцип предполагает религиозный нейтралитет государства в правовом регулировании общественных отношений. В частности, А.А. Безуглов и С.А. Солдатов отмечают: «...государство и

религиозные объединения отделены друг от друга, а следовательно, не вмешиваются в дела друг друга» [12, с. 340], что в контексте трудовой сферы означает недопустимость установления преференций или ограничений в зависимости от конфессиональной принадлежности работников и работодателей. Реализация принципа светскости в трудовых отношениях обеспечивает единообразное применение норм трудового законодательства ко всем категориям граждан, исключая возможность дискриминации по религиозному признаку при заключении трудовых договоров, определении условий труда, продвижении по службе и прекращении трудовых отношений.

Светский характер государства корреспондирует с международными стандартами трудовых прав, установленными Конвенцией Международной организации труда N 111 «О дискриминации в области труда и занятий», которая относит религиозные убеждения к числу недопустимых оснований для различного обращения в трудовой сфере*. В практическом аспекте данный принцип реализуется через запрет работодателям требовать от соискателей и работников информации о религиозных убеждениях, за исключением случаев, когда религиозная принадлежность является существенным профессиональным требованием для выполнения трудовых функций в религиозных организациях. Принцип светского государства также предполагает учет религиозных потребностей работников в организации трудового процесса при условии, что такой учет не противоречит производственной необходимости и не нарушает права других работников. Это находит выражение в возможности предоставления отпусков для участия в религиозных обрядах, создании условий для отправления религиозных потребностей в рамках трудового распорядка, установлении гибкого графика работы с учетом религиозных праздников различных конфессий.

* Конвенция N 111 Международной организации труда «О дискриминации в области труда и занятий» (принята в г. Женеве 25 июня 1958 г. на 42-й сессии Генеральной конференции МОТ). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Вместе с тем принцип светскости включает принуждение работников к участию в религиозных мероприятиях или выражению определенных религиозных взглядов как условия трудоустройства или сохранения трудовых отношений, что обеспечивает защиту свободы совести в трудовой сфере и способствует формированию толерантной рабочей среды, основанной на взаимном уважении различных мировоззренческих позиций. Как следствие, принцип светскости обеспечивает единство правового пространства в сфере трудовых отношений.

Признание и гарантированность прав и свобод человека и гражданина (ст. 2 Конституции РФ) является основой правового регулирования трудовых отношений, определяющей человека, его права и свободы в качестве высшей ценности и возлагающей на государство обязанность по их соблюдению и защите. Данный принцип оказывает системное воздействие на все аспекты трудовых отношений, обеспечивая приоритет человеческого достоинства и личности работника над экономическими интересами работодателя и создавая правовую основу для формирования гуманистической модели трудового права. Признание прав и свобод человека высшей ценностью в контексте трудовых отношений означает, что все нормы трудового законодательства должны быть направлены на обеспечение достойных условий труда, защиту трудовых прав работников и создание условий для всестороннего развития личности в процессе трудовой деятельности. Конституционная гарантированность прав и свобод человека в трудовой сфере реализуется через систему основных трудовых прав, включающих право на свободный выбор рода деятельности и профессии, право на справедливые и благоприятные условия труда, право на равную оплату за равный труд без какой-либо дискриминации, право на создание профессиональных союзов для защиты своих интересов и право на забастовку.

Гарантированность трудовых прав обеспечивается через механизм их судебной защиты, предоставляющий работникам право на обращение в суд за восстановлением нарушенных трудовых

прав с возмещением морального вреда и упущенной выгоды. Принцип признания прав человека высшей ценностью предполагает приоритетную защиту интересов более слабой стороны трудовых отношений — работника, что находит выражение в презумпции правоты работника при рассмотрении индивидуальных трудовых споров, возложении бремени доказывания на работодателя при обосновании правомерности увольнения, установлении сокращенных сроков исковой давности по трудовым спорам и освобождении работников от уплаты государственной пошлины при обращении в суд по трудовым делам. Таким образом, конституционный принцип признания и гарантированности прав и свобод человека и гражданина выступает аксиологической основой современного трудового права, определяющей гуманистическую направленность правового регулирования трудовых отношений и обеспечивающей приоритет человеческого достоинства, социальной справедливости и солидарности в сфере труда над узкокорпоративными экономическими интересами.

Заключение

На основании вышеизложенного сформулированы следующие выводы:

1. Анализ статистических данных (рост количества трудовых споров на 17 тысяч в 2024 году, рост безработицы в январе 2025 г.) актуализирует необходимость совершенствования механизмов конституционного обеспечения трудовых прав в условиях развития цифровой экономики и трансформации трудовых отношений.

2. Основы конституционного строя Российской Федерации выполняют системообразующую функцию в механизме правового обеспечения трудовых прав граждан. Конституционные принципы, закрепленные в главе 1 Конституции РФ, формируют нормативную матрицу, определяющую содержательные параметры и векторы развития всей системы трудового законодательства.

3. Каждый из основополагающих конституционных принципов находит специфическое воплощение в системе трудового права.

4. Основы конституционного строя функционируют в качестве взаимосвязанной системы правовых гарантий трудовых прав, обеспечивающей через синергетическое взаимодействие конституционных принципов формирование эффективного механизма защиты трудовых прав граждан, адаптивного к современным социально-экономическим условиям и соответствующего международным стандартам в сфере труда, что подтверждает гипотезу исследования о системообразующей роли основ конституционного строя в обеспечении трудовых прав граждан Российской Федерации.

5. Выявлена необходимость дальнейшего развития конституционно-правовых механизмов обеспечения трудовых прав в направлениях: адаптации к новым формам трудовых отношений в условиях цифровизации, усиления защиты коллективных трудовых прав, совершенствования процедурных гарантий защиты трудовых прав, развития регионального компонента в системе трудовых гарантий.

Список источников

1. Сидоренко Н.П. Конституционные основы защиты трудовых прав граждан: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. Махачкала, 2006. 217 с.
2. Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. 2-е изд. Москва: РЮИД, 2000. 528 с.
3. Колобова С.В., Сергеев Ю.С. Трудовое право России: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Юстицинформ, 2018. 404 с.
4. Михайленко Ю.А., Парубов А.И., Шаханина С.В. Теоретические подходы к основаниям дифференциации в трудовом праве // Правоприменение. 2023. Т. 7. N 2. С. 153-162.
5. Авакьян С.А. Конституционное право России. Учебный курс: учебное пособие. 5-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2017. 863 с.
6. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. 6-е изд., изм. и доп. Москва: Норма, 2017. 783 с.
7. Миронов В.И. Трудовое право России: учебник. Москва: Управление персоналом, 2005. 1149 с.
8. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. Москва: Экономика, 1995. 539 с.

9. Лушникова М.В. Социальное партнерство как институт демократизации правотворчества: сравнительно-правовой анализ // Юридическая техника. 2014. N 8. С. 229-236.
10. Schmitter P. C. Still the Century of Corporatism? // The Review of Politics. 1974. Vol. 36. No. 1. P. 85-131.
11. Самуэльсон Пол А. Экономика: [в 2 кн.: перевод]. Т. 1. Москва: Прогресс, 1997. 331 с.
12. Безуглов А.А., Солдатов С.А. Конституционное право России: в 3 т. Т. 2. Москва: Профобразование, 2001. 831 с.

References

1. Sidorenko N.P. Constitutional Foundations of Protecting the Labor Rights of Citizens. Cand. Diss. Makhachkala, 2006. 217 p. (In Russ.).
2. Avak'yan S.A. Constitution of Russia: nature, evolution, modernity. Moscow, 2000. 528 p. (In Russ.).
3. Kolobova S.V., Sergeenko Yu.S. Labor law of Russia. Moscow, Yustitsinform Publ., 2018. 404 p. (In Russ.).
4. Mihaylenko Yu.A., Parubov A.I., Shahanina S.V. Theoretical approaches to the foundations of differentiation in labor law. Law enforcement, 2023, vol. 7, no. 2, pp. 153-162. (In Russ.).
5. Avak'yan S.A. Constitutional law of Russia. Training course. Moscow, Norma: INFRA-M Publ., 2017. 863 p. (In Russ.).
6. Baglay M.V. Constitutional Law of the Russian Federation. Moscow, Norma Publ., 2017. 783 p. (In Russ.).
7. Mironov V.I. Labor Law of Russia. Moscow, Upravlenie personalom Publ., 2005. 1149 p. (In Russ.).
8. Shumpeter Y. Capitalism, socialism and democracy. Moscow, Ekonomika Publ., 1995. 539 p. (In Russ.).
9. Lushnikova M.V. Social partnership as an institution for the democratization of lawmaking: a comparative legal analysis. Legal technique, 2014, no. 8, pp. 229-236. (In Russ.).
10. Schmitter P. C. Still the Century of Corporatism? The Review of Politics, 1974, vol. 36, no. 1, pp. 85-131. (In Russ.).
11. Samuel'son P. Economics. [In 2 books]. Vol. 1. Moscow, Progress Publ., 1997. 331 p. (In Russ.).
12. Bezuglov A.A., Soldatov S.A. Constitutional law of Russia. In 3 volumes. Vol. 2. Moscow, Profobrazovanie Publ., 2001. 831 p. (In Russ.).

Научная специальность: 5.1.2

Обеспечение в процессе охраны и конвоирования подозреваемых и обвиняемых прав находящихся при них детей

Ирина Викторовна Чепик,

Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Тюмень, Россия, barkovairinav@mail.ru

Аннотация. В статье освещены проблемы, связанные с осуществлением охраны и конвоирования женщин, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления, имеющих при себе детей в возрасте до четырех лет. Обосновывается необходимость временной передачи таких детей родственникам, в детское учреждение в целях обеспечения их безопасности и нормального развития во время участия матери в судебных заседаниях. Обращается внимание на отсутствие необходимых условий нахождения ребенка в возрасте до четырех лет в конвойном помещении, а также в оперативно-служебном автомобиле для перевозки подозреваемых и обвиняемых типа «АЗ», что затрудняет процесс обеспечения его прав и законных интересов. Автором предлагаются меры по совершенствованию соответствующих норм российского законодательства, а также деятельности сотрудников охранно-конвойных подразделений полиции в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: права ребенка, законные интересы ребенка, охранно-конвойные подразделения полиции, содержание под стражей, конвоирование, подозреваемые, обвиняемые

Для цитирования: Чепик И.В. Обеспечение в процессе охраны и конвоирования подозреваемых и обвиняемых прав находящихся при них детей // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2025. N 4 (74). С. 132-140.

Ensuring the rights of children accompanying the suspects and accused persons during the process of their guarding and escorting

Irina V. Chepik,

Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Tyumen, Russia, barkovairinav@mail.ru

Abstract. This article highlights the issues associated with guarding and escorting the women suspected or accused of committing a crime, who have children under the age of four. The need to temporarily transfer such children to relatives or to a childcare facility in order to ensure their safety and normal development while their mother is attending the court hearings, is substantiated. Attention is drawn to the lack of necessary conditions for children under the age of four to remain in the convoy premises, as well as in the operational and service vehicle of AZ type for transporting suspects and accused persons, which complicates the process of ensuring the children's rights and interests. The author proposes some measures to improve both the relevant provisions of the Russian legislation and the activities of police convoy and security units in this area.

Keywords: children's rights, children's legitimate interests, police convoy and security units, detention, escorting, suspects, accused persons

For citation: Chepik I.V. Ensuring the rights of children accompanying the suspects and accused persons during the process of their guarding and escorting // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2025. No. 4 (74). P. 132-140.

Соблюдение и защита прав и законных интересов детей — актуальная и важная задача для любого государства, особенно в ситуации, когда ребенок вместе с матерью находится в местах принудительного содержания. При этом он может оказаться в беспомощном состоянии, а его права — под угрозой нарушения.

Следует отметить, что, несмотря на актуальность рассматриваемой темы, она не находит должного отражения в научной литературе. В связи с этим представляется необходимым выявить проблемные аспекты в деятельности охранно-конвойных подразделений полиции, связанные с отсутствием правового регулирования обеспечения прав и законных интересов детей, матери которых имеют статус подозреваемых и обвиняемых, при осуществлении охраны, а также конвоирования, и предложить возможные пути их разрешения.

Выполняя свои служебные обязанности, сотрудники охранно-конвойных подразделений полиции в соответствии со ст.ст. 28 и 30 Федерального закона от 15 июля 1995 г. N 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»* (далее — Федеральный закон «О содержании под стражей») осуществляют конвоирование подозреваемых, обвиняемых женщин, находящихся в месте содержания под стражей совместно с детьми в возрасте до четырех лет, для обеспечения их участия в судебном заседании (ст. 247 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ)).

Деятельность охранно-конвойных подразделений полиции должна осуществляться в соответствии с Конституцией Российской Федерации, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, общепризнанными нормами международного права и на основе принципов, предписывающих

должное поведение как в целом сотрудникам полиции (соблюдение и уважение прав и свобод человека и гражданина, законность, беспристрастность)**; так и непосредственно полицейским, исполняющим обязанности по охране, содержанию и конвоированию подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений (законность, справедливость, презумпция невиновности, равенство всех граждан перед законом, гуманизм, уважение человеческого достоинства)***.

Основополагающим правовым принципом в деятельности сотрудников полиции является принцип законности (ст. 6 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции»). По мнению С.В. Алешина, «...проблема обеспечения законности — одна из центральных в деятельности МВД России» [1, с. 104]. Сотрудники полиции, в том числе охранно-конвойных подразделений, обязаны соблюдать нормативные правовые акты, регламентирующие их деятельность, а отсутствие нормативного закрепления каких-либо ее аспектов приводит к проблемам в правоприменении.

Е.С. Жидяева обоснованно считает, что «...в Российской Федерации продолжают действовать нормативные правовые акты, которые далеки от гармонии и согласованности, и их реализация остается одной из наиболее острых проблем российского общества» [2, с. 206]. В связи с этим следует отметить, что правовая регламентация любой деятельности не должна быть «односторонней», то есть при реализации прав и законных интересов одних субъектов не должны нарушаться права и законные интересы других.

В соответствии со ст. 2 Федерального закона «О содержании под стражей» для достижения его целей используются понятия «подозреваемый», «обвиняемый», «лица, которые в соответствии с

* О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: федер. закон от 15 июля 1995 г. N 103-ФЗ: ред. от 31 июля 2025 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. N 29. Ст. 2759; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

** Статьи 5-7 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции» (см.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 7. Ст. 900; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>).

*** Статья 4 Федерального закона «О содержании под стражей».

УПК РФ задержаны по подозрению в совершении преступления либо в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу».

Кроме того, используется такой термин, как «осужденный». Например, в ст. 33 Федерального закона «О содержании под стражей», закрепляющей порядок размещения подозреваемых и обвиняемых в камерах, вводится понятие «осужденный». Иными словами, находясь в местах содержания под стражей лица с таким правовым статусом могут, но внимание этому при раскрытии понятий, используемых в целях рассматриваемого закона, не уделено.

Как правило, осужденные после вступления в законную силу приговора суда и получения администрацией следственного изолятора информации об этом в десятидневный срок должны убывать к месту исполнения наказания (ст. 75 Уголовно-исполнительного кодекса (далее — УИК РФ)). Статьей 77 УИК РФ предусмотрена возможность оставления осужденных к лишению свободы в следственном изоляторе для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию. Следует отметить, что на основании ст. 7 Федерального закона «О содержании под стражей» следственный изолятор является местом содержания под стражей, которое может выполнять функции исправительных учреждений в отношении некоторых осужденных (ст. 74 УИК РФ).

Таким образом, осужденный может находиться в изоляторе временного содержания наряду с подозреваемыми и обвиняемыми. Например, если такое лицо проходит по иному уголовному делу в качестве подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или свидетеля и ежедневное доставление его из следственного изолятора невозможно, то оно может быть этапировано в изолятор временного содержания на срок до 10 суток в месяц (ст. 13 Федерального закона «О содержании под стражей»).

В изоляторе временного содержания «...к задержанным — осужденным применяется режим, соответствующий правовому статусу неосужденных лиц» [3, с. 119], следовательно, к ним применяется более мягкий режим пребывания

по сравнению с местом отбывания наказания. В связи с этим следует отметить, что осужденные стремятся к увеличению продолжительности этого периода, поскольку время нахождения в указанном учреждении засчитывается в срок уже назначенного наказания.

Таким образом, к категории подозреваемых и обвиняемых, которые находятся в местах содержания под стражей, могут относиться и осужденные к лишению свободы при приобретении ими этого правового статуса в рамках иного уголовного дела или помещения в изолятор временного содержания по перечисленным выше основаниям.

В местах принудительного содержания, и в частности в местах содержания под стражей, могут содержаться несовершеннолетние с четырнадцатилетнего или шестнадцатилетнего возраста в качестве подозреваемых, обвиняемых в совершении ими преступления (ст. 20 УК РФ), а также до четырехлетнего возраста совместно с матерью, которая является подозреваемой, обвиняемой в совершении преступления (ст. 30 Федерального закона «О содержании под стражей»). Для несовершеннолетних в местах содержания под стражей создаются улучшенные условия с целью соблюдения их прав, например раздельное и отдельное размещение (ст. 33 Федерального закона «О содержании под стражей»). Тем не менее содержание ребенка с матерью в камерах в условиях изоляции от общества остается спорным вопросом.

Отчасти следует согласиться с мнением Н.К. Трусовой, исследовавшей совместное содержание в изоляции от общества матери и ребенка в возрасте до четырех лет: «...данная мера, с одной стороны, направлена на то, чтобы ребенок находился с матерью, поскольку это очень важный в его жизни период, когда необходимо получить тепло и заботу от своего самого первого человека в жизни, данный контакт обеспечивает психологическое здоровье как матери, так и ребенка... именно в этом возрасте закладывается фундамент всей последующей жизни человека, эта эмоциональная взаимосвязь с матерью также будет влиять на развитие ребенка» [4, с. 385].

Однако следует отметить, что благоприятное влияние на ребенка и его мать от их совместного пребывания будет оказано в случае, если они будут находиться на одном месте постоянно. Если же рассмотреть ежедневное конвоирование матери и ребенка из следственного изолятора или изолятора временного содержания в суд, особенно на значительное расстояние, то ни о каком положительном влиянии на ребенка и его мать речи быть не может.

В связи с тем, что заранее не известна продолжительность нахождения за пределами места содержания под стражей, может не хватить средств гигиены или питания для ребенка, а их перевозка в больших объемах затруднительна. Дополнительные трудности при следовании женщины с ребенком в суд могут быть связаны с тем, что камеры временного содержания конвойного помещения здания суда не приспособлены для ухода за ребенком. Исчерпывающий перечень оборудования камер установлен Правилами проектирования зданий федеральных судов*.

Также следует отметить, что в процессе конвоирования подозреваемой, обвиняемой с ребенком из следственного изолятора или изолятора временного содержания ее право на прогулку не реализуется, поскольку нормативно не закреплено в связи с отсутствием для этого специальных условий, невозможностью обеспечения охраны имеющимися сотрудниками полиции.

На соблюдение прав данной категории лиц, находящихся в изоляции от общества, могла бы положительно повлиять норма, ограничивающая продолжительность судебного заседания. Однако в таком случае увеличится количество выездов, может затянуться разбирательство по делу. Кроме того, если место содержания под стражей находится на значительном расстоянии от суда, то может возникнуть проблема оперативного конвоирования подозреваемой, обвиняемой

с ребенком в следственный изолятор или изолятор временного содержания по причине занятости конвоя в иных заседаниях.

Выделение отдельного автомобиля для конвоирования подозреваемой и обвиняемой с ребенком в такой ситуации значительно упростило бы задачу, однако имеющиеся проблемы со штатной численностью личного состава делает это практически невозможным. Кроме того, перевозка подозреваемой и обвиняемой с ребенком не предусмотрена конструкцией оперативно-служебного автомобиля для перевозки подозреваемых и обвиняемых типа «АЗ», поэтому при конвоировании подозреваемой, обвиняемой с ребенком следует уделить особое внимание безопасности последнего.

В настоящее время действуют технические требования СТО-13105-5-113-2024 «Автомобили оперативно-служебные для перевозки подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (далее — Требования), которые распространяются на все конструктивные особенности таких автомобилей**. В соответствии с подп. 5.5.1 Требования предусмотрено оборудование сидений для конвоя следующим образом: «...сиденья должны быть мягкими или полумягкими, могут быть многоместными и одноместными стационарными, одноместными откидными, должны быть оборудованы спинками, ремнями безопасности, откидными подлокотниками, установленными между сиденьями и сбоку от них». Подпунктом 5.5.2 предъявляются требования к сиденьям для спецконтингента: «...сиденья должны быть стационарными, жесткой конструкции, на металлическом каркасе, с полумягкими накладками на сиденьях и спинках», а подп. 5.5.2.4 предусматривается обязательность наличия поручней для держания: «...на многоместных сиденьях должны быть установлены поручни для удержания во время движения, одновременно обозначающие границы посадочных мест».

* Подпункт 8.11 Свода правил 152.13330.2018 «Здания федеральных судов. Правила проектирования», утвержденных приказом Минстроя России от 15 августа 2018 г. N 524 (см.: Справ.-правовая система «КонсультантПлюс»).

** СТО-13105-5-113-2024 «Автомобили оперативно-служебные для перевозки подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений». М.: НПО «СТиС» МВД России, 2024. 50 с.

Отсутствие ремней безопасности также связано с тем, что, используя их, подозреваемые, обвиняемые могут совершить суицид или членовредительство. Тем не менее при отсутствии ремней безопасности, как представляется, нарушается право на безопасное передвижение в транспорте в целом. Применительно к теме настоящей статьи следует отметить, что невозможность фиксации ребенка во время движения транспортного средства приводит к несоблюдению принципов обеспечения безопасности дорожного движения, препятствует выполнению задач, предусмотренных соответственно ст. 3 и ст. 1 Федерального закона от 10 декабря 1995 г. N 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения»*.

Целесообразно рассмотреть возможность конвоирования подозреваемой, обвиняемой с ребенком в легковом автотранспорте. «Конвоирование подозреваемых и обвиняемых на легковых автомобилях осуществляется в исключительных случаях, при отсутствии специальных автомобилей, невозможности либо нецелесообразности их использования под усиленным конвоем на небольшие расстояния в пределах субъекта Российской Федерации, административно-территориального района и только с письменного разрешения начальника территориального органа МВД России или командира подразделения охраны и конвоирования» [5, с. 19].

Оснащение служебных автомобилей автолюльками и детскими автокреслами не предусмотрено, а поскольку конструкция таких транспортных средств предусматривает наличие ремня безопасности, то перевозка детей в возрасте младше семи лет должна осуществляться с использованием детских удерживающих систем (устройств), соответствующих весу и росту ребенка**.

* О безопасности дорожного движения: федер. закон от 10 дек. 1995 г. N 196-ФЗ: ред. от 31 июля 2025 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. N 50. Ст. 4873; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

** Пункт 22.9 Правил дорожного движения Российской Федерации, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. N 1090 (см.: Собр. актов Президента и Правительства Рос. Федерации. 1993. N 47. Ст. 4531).

При рассмотрении комфорта и безопасности матери и ребенка, наличия детского удерживающего устройства в качестве приоритетных конвоирование указанных лиц на легковом автотранспорте можно было бы признать исключительным случаем. Однако при этом неизбежно нарушается порядок охраны конвоируемого лица, что является недопустимым в деятельности охранно-конвойных подразделений полиции. При нахождении ребенка на руках у подозреваемой, обвиняемой во время движения автомобиля, не будут соблюдаться Правила дорожного движения Российской Федерации.

Таким образом, конвоирование женщины с ребенком в автомобиле не предусмотрено какой-либо специальной правовой нормой и, соответственно, находится вне правового поля. Кроме того, в соответствии с принципом гуманизма конвоирование подозреваемой и обвиняемой с ребенком в зимнее время года нежелательно, поскольку имеется риск переохлаждения ребенка.

Тем не менее ежегодно осуществляется конвоирование женщин с находящимися при них детьми для обеспечения их участия в судебных заседаниях. В представленной ниже таблице содержатся статистические данные относительно осужденных женщин с находящимися при них детьми, а также беременных женщин, подтверждающие необходимость исследования рассматриваемой темы и выработки возможных путей решения вопроса, связанного с их участием совместно с детьми в процессуальных действиях.

Учитывая статистические данные, представляется целесообразной работа психологов и медицинских работников с находящимися в местах принудительного содержания беременными женщинами для подготовки последних к трудностям, которые могут возникнуть впоследствии при их конвоировании с детьми из мест содержания под стражей по распоряжению судей, органов предварительного расследования.

Таблица*

Год	Общее количество осужденных	Количество осужденных женщин		
		общее количество осужденных женщин	в том числе беременных	в том числе имеющих ребенка в возрасте до трех лет
2015	734 581	102 964	1454	6472
2016	741 329	98 623	1721	6352
2017	697 054	94 157	1276	5227
2018	658 291	90 951	1160	4640
2019	597 441	83 586	1072	4186
2020	530 998	73 325	913	3413
2021	565 317	80 919	980	3166
2022	578 774	84 861	939	3372
2023	555 742	84 927	900	3563
2024	512 845	85 799	913	3446
2015-2024	6 172 372	880 112	11 328	43 837

В связи с этим следует отметить как представляющую интерес программу сопровождения беременных женщин и женщин, ставших матерями в местах принудительного содержания, которая была реализована психологами и медицинскими работниками СИЗО-2 ГУФСИН России по Свердловской области. При помощи указанной программы «...происходит изменение мотивации с “достижения выгоды” на желание “стать хорошей матерью”; достигается определенный психологический комфорт, внутреннее психологическое равновесие» [6, с. 19]. Можно предположить, что прохождение всех этапов сопровождения вызывает у женщины переоценку происходящего, внутреннюю борьбу с собой. Кроме того, ребенок не получает

необходимой социализации и общения с другими детьми своего возраста, которые были бы ему доступны при посещении детского дошкольного учреждения, во время встреч с иными родственниками, прогулок, игр на детских площадках, посещения развивающих занятий и др. На состоянии ребенка могут негативно сказаться и общие условия, характерные для мест содержания под стражей (шум, нарушение режима сна и др.).

Если подозреваемая или обвиняемая имеет положительно характеризующихся близких родственников, которые готовы взять опеку над ее ребенком на время судебного разбирательства, то выбор необходимо сделать в пользу нахождения ребенка с ними. При отсутствии такой возможности не исключено, что временное помещение ребенка в детское учреждение благоприятнее скажется на его развитии, чем конвоирование. В любом случае каждая ситуация индивидуальна. Для вынесения такого решения в месте содержания под стражей должен быть создан соответствующий коллегиальный орган, в состав которого следует включить лиц, чья деятельность связана с предоставлением, защитой, поддержанием, гарантией социального обеспечения материнства и детства, прав, законных интересов ребенка, психического и физического здоровья,

* По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2015-2024 годы (см.: Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://cdep.ru>). Следует отметить, что поправка, касающаяся увеличения с трех до четырех лет возраста ребенка, которого при себе может иметь женщина, являющаяся подозреваемой (обвиняемой), была внесена Федеральным законом от 13 июня 2023 г. N 211-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон “О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений”».

а также заинтересованных в его нормальном развитии, состоящих с ним в родственных отношениях, являющихся его законными представителями.

О.А. Платошкиной было выявлено следующее: «...при проведении исследования многие сотрудники следственных изоляторов отметили тот факт, что некоторые подследственные женщины курят в камерах в присутствии своих малолетних детей». При этом просьбы сотрудников о прекращении курения во время прогулки во избежание нанесения вреда детскому организму игнорировались, что указывает на безразличное отношение этих женщин к своим детям [7, с. 125]. В настоящее время ситуация не изменилась, кроме того, находясь в конвойном помещении здания суда, такие же «матери» могут курить (несмотря на запрет курения в здании суда*) в присутствии своего ребенка в непроветриваемом помещении.

Нередко подозреваемые и обвиняемые в совершении преступлений женщины, а также осужденные оставляют с собой ребенка в местах содержания под стражей в целях создания улучшенных материально-бытовых условий.

Тем не менее во время охраны и конвоирования женщины с ребенком должны условия не обеспечиваются, в том числе в связи с отсутствием законодательного механизма урегулирования этих отношений (при конвоировании в транспорте). Не обеспечиваются элементарные требования безопасности для ребенка. В случае серьезной аварии удар о металлические конструкции камеры оперативно-служебного автомобиля для перевозки подозреваемых и обвиняемых типа «АЗ» может привести к травмам находящихся там людей, в том числе малолетних детей, вплоть до летального исхода.

Для того чтобы избежать таких негативных последствий, в период проведения судебного следствия (при необходимости и предварительного следствия), когда тре-

буется частое доставление подсудимой с находящимся при ней ребенком в здание суда (иное место), рекомендуется применять соответствующую норму, содержащуюся в ст. 30 Федерального закона «О содержании под стражей»: «...в случае необходимости администрация места содержания под стражей может возбуждать в установленном законом порядке ходатайство о временной передаче ребенка родственникам или иным лицам либо в детское учреждение».

В.А. Гончарова обращает внимание на то, что «...в настоящее время нормативно не установлен даже примерный перечень случаев, при которых администрация места содержания под стражей могла бы поставить вопрос о передаче ребенка другим лицам» [8, с. 26]. Представляется, что следование в необорудованном автомобиле, нарушающее безопасность ребенка, является примером такой необходимости, возникновение которой могло бы помочь реализовать меру по временной передаче ребенка родственникам или иным лицам. Данная мера является оправданной и реализуемой в интересах ребенка. Ряд авторов, и в частности В.А. Гончарова, рассматривают также этическую сторону присутствия несовершеннолетнего во время судебного заседания и приводят примеры нежелательности и даже недопустимости присутствия несовершеннолетних в судебном процессе [8, с. 27] в целях сохранения и поддержания их психического здоровья. Проблема присутствия ребенка на судебном заседании совместно с матерью, являющейся подозреваемой или обвиняемой, не нашла законодательного разрешения.

К эффективным мерам по недопущению нарушения прав, свобод и интересов ребенка следует отнести в данном случае проведение судебного заседания посредством видео-конференц-связи. В настоящее время многие следственные изоляторы обеспечены видео-конференц-связью с судами, уже имеется положительный опыт применения данной технологии в изоляторе временного содержания при продлении меры пресечения в виде заключения под стражу. В рассмотренной ситуации использование видео-конференц-связи было бы альтернативой передаче ребенка родственникам обвиняемой или в детское

* Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции: федер. закон от 23 февр. 2013 г. N 15-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

учреждение с обязательным получением письменного согласия обвиняемой на дистанционное обеспечение ее присутствия на судебных заседаниях.

В качестве третьей меры по соблюдению прав, свобод и интересов малолетних детей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления следует указать на необходимость дополнительно оборудовать специальный автомобиль, в котором осуществляется конвоирование женщин с находящимися при них детьми, для обеспечения безопасности последних. Одним из вариантов может стать внедрение камеры для маломобильных пассажиров, имеющей удерживающие устройства.

На основании проведенного анализа предлагается дополнить ст. 30 Федерального закона от 15 июля 1995 г. N 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» примечанием следующего содержания: «Решение о передаче ребенка в возрасте до четырех лет его родственникам или иным лицам либо в детское учреждение принимается коллегиальным органом». При этом положение о коллегиальном органе и его состав должны быть

утверждены локальным нормативным актом места содержания под стражей.

В состав коллегиального органа целесообразно включать:

1) председателя — начальника места содержания под стражей либо лицо, его замещающее;

2) заместителя председателя — представителя подразделения по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации (комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав);

3) членов коллегиального органа:
— уполномоченного по правам ребенка*;
— медицинского работника (педиатра);
— психолога (при необходимости психиатра);
— представителя органа опеки;
— законных представителей ребенка, его родственников.

* В соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 14 Федерального закона от 27 декабря 2018 г. N 501-ФЗ «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

Список источников

1. Алешин С.В. О сущности законности и ее роли в деятельности полиции // Образование и право. 2023. N 9. С. 104-107.
2. Жидяева Е.С. Законность – фундаментальная категория юридической науки и практики // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. N 1-1. С. 205-208.
3. Шурухнов Н.Г., Гришин Д.А. Особенности реализации заключения под стражу в отношении осужденных (подозреваемых, обвиняемых), совершивших преступления в период отбывания наказания в виде лишения свободы // Человек: преступление и наказание. 2017. N 1. С. 118-123.
4. Трусова Н.К. Защита несовершеннолетних, содержащихся в местах содержания под стражей органов внутренних дел, от негативного воздействия // Административно-правовое регулирование охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности: проблемы и пути их решения: материалы ежегодной межвузовской науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 20 сентября 2024 г. Санкт-Петербург: С.-Петерб. ун-т МВД России, 2024. С. 382-390.
5. Актуальные вопросы деятельности охранно-конвойных подразделений полиции и специальных учреждений полиции: учебное пособие / Е.В. Сухарева, М.В. Соловейчик, А.А. Ушенин [и др.]. Санкт-Петербург: С.-Петерб. ун-т МВД России, 2022. 80 с.
6. Гусарова Н.И. Женщина – преступница и мать: психологическая подготовка к материнству подозреваемых, обвиняемых на этапе предварительного заключения под стражу в СИЗО // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2012. N 6. С. 16-19.
7. Платошина О.А. К вопросу о необходимости совершенствования норм, регулирующих содержание женщин в следственных изоляторах // Теория и практика общественного развития. 2015. N 18. С. 124-126.
8. Гончарова В.А. Проблемы обеспечения прав несовершеннолетних при разлучении с родителями, заключенными под стражу // Вестник Самарского юридического института. 2022. N 4. С. 25-30.

References

1. Alyoshin S.V. On the essence of legality and its role in police activities. Education and Law, 2023, no. 9, pp. 104-107. (In Russ.).

2. Zhidyayeva E.S. Legality is a fundamental category of legal science and practice. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2025, no. 1-1, pp. 205-208. (In Russ.).
3. Shurukhnov N.G., Grishin D.A. Features of the implementation of detention in relation to convicts (suspects, accused) who committed crimes while serving a sentence of imprisonment. *Man: crime and punishment*, 2017, no. 1, pp. 118-123. (In Russ.).
4. Trusova N.K. Protection of minors held in places of detention of internal affairs bodies from negative effects. *Administrative and legal regulation of public order and public safety: problems and ways to solve them*. St. Petersburg, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024. pp. 382-390. (In Russ.).
5. Suhareva E.V., Soloveychik M.V., Ushenin A.A. [i dr.]. Actual issues of the activities of security and convoy police units and special police institutions. St. Petersburg, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022. 80 p. (In Russ.).
6. Gusarova N.I. A criminal woman and a mother: psychological preparation for motherhood of suspects accused at the stage of pre-trial detention in a pre-trial detention center. *News of the penal system*, 2012, no. 6, pp. 16-19. (In Russ.).
7. Platoshina O.A. On the need to improve the standards governing the detention of women in pre-trial detention facilities. *Theory and practice of social development*, 2015, no. 18, pp. 124-126. (In Russ.).
8. Goncharova V.A. Problems of ensuring the rights of minors during separation from parents in custody. *Bulletin of the Samara Law Institute*, 2022, no. 4, pp. 25-30. (In Russ.).

Научная специальность: 5.1.4

Проблемы квалификации дорожно-транспортных преступлений с участием транспортных средств, оснащенных автоматизированной системой управления

Наталья Андреевна Каменова,

Казанский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Казань, Россия, kamenova.nat@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы нормативно-правового регулирования эксплуатации транспортных средств, оснащенных автоматизированными системами управления. Анализируется применимость статьи 264 Уголовного кодекса Российской Федерации к правоотношениям, возникающим при управлении указанными транспортными средствами. Методологическую основу составили логический метод и метод системного анализа. Установлено, что отсутствие четкого определения субъекта преступления в действующих нормативных правовых актах в будущем может создать трудности для применения уголовного закона и породить коллизию между традиционным представлением о водителе и современными технологическими реалиями. Обосновывается необходимость уточнения дефиниции «водитель», закрепленной в Правилах дорожного движения Российской Федерации. Отмечена значимость внесения изменений в статью 264 Уголовного кодекса Российской Федерации для обеспечения единообразной практики и устранения правовых пробелов в перспективе распространения автономного транспорта.

Ключевые слова: транспортное средство, автоматизированная система управления, высокоавтоматизированное транспортное средство, беспилотное транспортное средство, дорожно-транспортное происшествие, безопасность дорожного движения, уголовная ответственность

Для цитирования: Каменова Н.А. Проблемы квалификации дорожно-транспортных преступлений с участием транспортных средств, оснащенных автоматизированной системой управления // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2025. N 4 (74). С. 141-148.

Problems of qualifying the road traffic crimes involving the vehicles equipped with automated control system

Natalia A. Kamenova,

Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Kazan, Russia, kamenova.nat@mail.ru

Abstract. This article discusses some topical issues on legal regulation of operating the vehicles equipped with automated control systems. The applicability of Article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation to legal relations arising when operating these vehicles, is analyzed. The study is conducted with the use of the logical method and method of system analysis. It is established that the lack of a clear definition of the crime subject in the current regulatory legal acts may create challenges in the future application of criminal law and lead to a conflict between the traditional concept of a driver and modern technological realities. The need to clarify the definition of a driver, enshrined in the Traffic Regulations of the Russian Federation, is substantiated. The need to amend Article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation in order to ensure the uniform practice and to eliminate legal gaps in perspective of autonomous transport dissemination, is noted.

Keywords: vehicle, automated control system, highly automated vehicle, unmanned vehicle, road traffic accident, road traffic safety, criminal liability

For citation: Kamenova N.A. Problems of qualifying the road traffic crimes involving the vehicles equipped with automated control system // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2025. No. 4 (74). P. 141-148.

Введение

Развитие и внедрение автоматизированных систем управления в автомобильном транспорте знаменует собой революционный сдвиг в инженерной практике XXI века, характеризующийся переходом от этапа теоретических исследований к фазе активной интеграции и апробации инновационных технологий. Данный процесс, начавшийся в конце XX века с разработки отдельных систем помощи водителю, таких как антиблокировочная система (ABS) и система контроля тяги (TCS), в настоящее время достиг стадии тестирования транспортных средств, способных осуществлять движение в различных дорожных условиях без непосредственного участия человека. В настоящее время происходит внедрение данных технологий в рамках пилотных проектов в различных городах Российской Федерации, таких как Москва, Санкт-Петербург, Иннополис. Это свидетельствует о значительном прогрессе в сфере управления транспортными средствами и приближении к будущему, в котором применение автоматизированных систем управления в автотранспорте станет повсеместным.

Вместе с тем, учитывая непрерывный прогресс в области автоматизации управления транспортными средствами, характеризующийся постоянным совершенствованием алгоритмов, сенсорных и электромеханических систем, закономерно возникает потребность в неотложном нормативном закреплении правовых и этических аспектов. Как справедливо отмечают А.И. Чучаев и С.В. Маликов, «...внедрение беспилотников в повседневную жизнь требует опережающей разработки решений в области криминологии и права, учитывающих специфику взаимодействия человека и искусственного интеллекта в ситуациях ДТП» [1, с. 167]. Этот аспект становится особенно важным вследствие необходимости защиты прав и законных интересов всех участников дорожного движения в контексте потенциального причинения вреда жизни и здоровью участников дорожного движения при эксплуатации транспортных средств, оснащенных автоматизированными системами управления.

В связи с этим, несмотря на отсутствие в Российской Федерации официаль-

но зарегистрированных подобных случаев дорожно-транспортных происшествий, масштабность и темпы внедрения данных технологий определяют необходимость проактивного правового регулирования. В частности, подтверждением этого служит статистика: согласно данным Министерства экономического развития Российской Федерации, в период с апреля 2022 по ноябрь 2024 года в рамках эксперимента по использованию автоматизированных транспортных средств было зарегистрировано 36 дорожно-транспортных происшествий с их участием. В двух случаях установлена вина беспилотного транспортного средства, в остальных случаях ответственность возложена на других участников дорожного движения. 26 дорожно-транспортных происшествий зафиксированы в режиме автоматизированного управления, с возможностью вмешательства водителя, остальные 10 — в режиме ручного управления*.

Анализ данных Национального управления безопасностью дорожного движения США о дорожно-транспортных происшествиях с участием автопилота Tesla (не менее 17 летальных случаев в период с 2019 по 2023 год)** подчеркивает необходимость всестороннего анализа рисков, связанных с использованием транспортных средств, оснащенных автоматизированной системой управления. Таким образом, расширение сферы применения рассматриваемых транспортных средств не исключает вероятность дорожно-транспортных происшествий с трагическими последствиями, что, в свою очередь, обуславливает потребность в разработке эффективных правовых механизмов, определяющих ответственность за причиненный вред.

Результаты исследования

В контексте правового регулирования особую важность приобретает четкое определение терминологии, используемой для обозначения транспортных средств, оснащенных автоматизированными системами управления.

* Минэк назвал число ДТП с участием экспериментальных беспилотных авто // РБК: сайт. URL: <https://www.rbc.ru/>

** WP сообщила о 17 погибших с участием автопилота Tesla с 2019 года // Там же.

В Российской Федерации нормативно-правовое регулирование эксплуатации транспортных средств, оснащенных автоматизированными системами управления, находится на стадии формирования, что обуславливает фрагментарность и некоторую противоречивость существующей нормативной базы. Данная особенность проявляется, в частности, в отсутствии унифицированного подхода к дефиниции ключевых понятий, используемых для обозначения указанных транспортных средств. В связи с этим необходимо отметить, что в российском законодательстве для обозначения транспортных средств, оснащенных автоматизированной системой управления, закреплены термины «высокоавтоматизированное транспортное средство» и «беспилотное транспортное средство».

В Концепции обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования, утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 25 марта 2020 г. N 724-р (далее также — Концепция), содержатся следующие определения:

— высокоавтоматизированное транспортное средство — транспортное средство, оснащенное автоматизированной системой вождения, действующей в пределах конкретной среды штатной эксплуатации применительно к некоторым или всем поездкам без необходимости вмешательства человека в качестве запасного варианта обеспечения безопасности дорожного движения;

— беспилотное транспортное средство — высоко- или полностью автоматизированное транспортное средство, функционирующее без вмешательства человека (в беспилотном режиме)*.

В то же время в Программе экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по предоставлению транспортных услуг с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств на территориях отдельных субъектов Российской Федерации, утвержден-

ной Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2022 г. N 2495 (далее также — Программа), содержится иное определение: «высокоавтоматизированное транспортное средство — колесное транспортное средство, оснащенное автоматизированной системой управления при его изготовлении или путем внесения изменений в его конструкцию, осуществляющее движение в автоматизированном режиме управления»**.

Анализ приведенных определений позволяет заключить, что понятие «высокоавтоматизированное транспортное средство», используемое в Концепции, предполагает более высокий уровень автономности транспортного средства по сравнению с определением указанного понятия, содержащимся в Программе. Кроме того, дефиниция, представленная в Программе, ограничивает сферу применения термина «высокоавтоматизированное транспортное средство» исключительно колесными транспортными средствами и акцентирует внимание на необходимости оснащения автоматизированной системой управления на этапе производства или внесения конструктивных изменений.

Рассматривая соотношение понятий «высокоавтоматизированное транспортное средство» и «беспилотное транспортное средство», следует отметить, что второе из них представляет собой частный случай первого. Иными словами, беспилотное транспортное средство — это всегда высокоавтоматизированное транспортное средство, обладающее дополнительным квалифицирующим признаком, который заключается в отсутствии необходимости вмешательства человека в процесс управления транспортным средством.

Кроме того, в научной литературе и технических стандартах используются

** Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по предоставлению транспортных услуг с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств на территориях отдельных субъектов Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 29 дек. 2022 г. N 2495: ред. от 21 сент. 2024 г. // Там же.

* Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

и иные понятия для обозначения транспортных средств, оснащенных автоматизированными системами управления, — «автономный автомобиль», «автоматизированное транспортное средство». Однако данные понятия не имеют четкого правового статуса, что создает определенные сложности в правовом регулировании, а также риск неоднозначной интерпретации нормативных актов и затрудняет установление четких критериев для оценки безопасности и соответствия требованиям.

В частности, Л.П. Лобачева и С.П. Сальников отмечают, что «...автоматизированные транспортные средства — это те, которые используют бортовое оборудование для автоматического выполнения одной или нескольких задач вождения» [2, с. 54]. Следует констатировать наличие в ряде источников тенденции к синонимичному употреблению терминов «автоматизированный» и «автономный» в контексте описания транспортных средств, что представляется не вполне корректным. А.С. Королев и Д.В. Рязанов справедливо подчеркивают: «...автоматизация сама по себе не приводит к автономности» [3, с. 111]. Это связано с тем, что, как отмечается в литературе, «...автоматизация используется для характеристики возможностей системы управления реализовывать те функции, которые до этого реализовывались человеком» [4, с. 230].

Вместе с тем важно учитывать, что транспортные средства, оснащенные автоматизированными системами управления, различаются по степени автоматизации. При этом анализ нормативно-правовой базы показывает, что в сфере регулирования эксплуатации транспортных средств, оснащенных автоматизированными системами управления, существует значительная вариативность в подходах к классификации уровней автоматизации. Данное обстоятельство обусловлено применением различных классификационных систем, отличающихся степенью детализации и критериями оценки. Для иллюстрации указанной вариативности следует рассмотреть несколько ключевых нормативных актов и стандартов.

1. SAE J3016_202104 — общепризнанный международный стандарт, раз-

работанный обществом автомобильных инженеров*. Стандарт определяет уровни автоматизации транспортных средств, оснащенных автоматизированными системами управления, предлагая шестиступенчатую шкалу, варьирующуюся от 0 (отсутствие автоматизации) до 5 (полная автоматизация). Данная модель подробно регламентирует распределение функциональных обязанностей между водителем и автоматизированной системой управления, закрепляя критерии перехода между уровнями на основе степени вмешательства автоматизированных систем в управление транспортным средством. Стандарт SAE J3016_202104 зарекомендовал себя как детальный и всеобъемлющий инструмент для категоризации транспортных средств, оснащенных автоматизированными системами управления.

2. Концепция обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования, утвержденная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 25 марта 2020 г. N 724-р. В Концепции выделяется 5 уровней автоматизации, однако, в отличие от Международного стандарта SAE J3016_202104, предлагается несколько иное описание каждого уровня и не содержится прямая корреляция с международным стандартом. Это может приводить к расхождениям в понимании функциональности автоматизированных систем, определяемых как соответствующие определенному уровню. Отсутствие в Концепции четких дефиниций создает потенциальную неопределенность при применении нормативных актов, касающихся транспортных средств, оснащенных автоматизированными системами управления, и может затруднить оценку соответствия транспортных средств требованиям безопасности.

3. Экспериментальные правовые режимы и упрощенная классификация высокоавтоматизированных транспортных средств. Программа экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по предоставлению транспортных услуг с использованием высокоавтома-

* URL: <https://saemobilus.sae.org/>

тизированных транспортных средств на территориях отдельных субъектов Российской Федерации, утвержденная Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2022 г. N 2495, вводит две категории высокоавтоматизированных транспортных средств — 1 категория (с водителем-испытателем) и 2 категория (без водителя в салоне). Данный подход, безусловно, упрощает процесс регулирования в рамках экспериментальных правовых режимов, позволяя гибко адаптироваться к инновационным технологиям. Вместе с тем такое упрощение при сопоставлении с детализированной классификацией, представленной в Международном стандарте SAE J3016_202104, может затруднить оценку степени риска, разработку адекватных мер безопасности и объективное сравнение различных типов высокоавтоматизированных транспортных средств, находящихся в рамках экспериментальных режимов. Использование двух категорий высокоавтоматизированных транспортных средств, безусловно, оптимально для целей эксперимента, но ограничивает возможности для более тонкой градации и оценки различных технологических решений.

Следует отметить, что, несмотря на предпринимаемые усилия по созданию нормативной базы, остаются нерешенными ключевые вопросы, связанные с юридической ответственностью за причинение вреда жизни и здоровью участников дорожного движения в результате дорожно-транспортного происшествия с участием транспортных средств, оснащенных автоматизированными системами управления.

Анализ действующего законодательства свидетельствует о том, что уголовно-правовое регулирование, в частности ст. 264 УК РФ, ограничено привлечением к ответственности вменяемых физических лиц, достигших возраста 16 лет и управляющих механическими транспортными средствами. Вместе с тем в случае дорожно-транспортного происшествия с участием транспортного средства, оснащенного автоматизированной системой управления, функционирующего на третьем (условная автоматизация), четвертом (высокая автоматизация) или пятом (полная автоматизация) уровнях по классификации, пред-

ставленной в Международном стандарте SAE J3016_202104, повлекшего смерть человека, установление лица, непосредственно виновного в причинении вреда, с точки зрения установления виновности, представляет значительную сложность.

В сложившейся ситуации необходимо обратиться к ключевому понятию «водитель» и уточнить его признаки в контексте развития технологий автоматизированного транспорта. Понятие «водитель» закреплено в п. 1.2 Правил дорожного движения Российской Федерации, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. N 1090 (далее — ПДД РФ), и определяется как «лицо, управляющее каким-либо транспортным средством, погонщик, ведущий по дороге вьючных, верховых животных или стадо. К водителю приравнивается обучающий вождению»*. При этом существующее определение не охватывает ситуацию управления транспортным средством автоматизированной системой, что особенно актуально для транспортных средств с высоким уровнем автоматизации управления. Отсутствие четкой дефиниции субъекта преступления в данном контексте создает правовой вакуум и препятствует эффективному применению норм уголовного закона.

В отличие от гражданско-правовой ответственности владельца источника повышенной опасности, установленной ст. 1079 ГК РФ, вопрос об уголовной ответственности в случае причинения тяжкого вреда или смерти в результате дорожно-транспортного происшествия с участием транспортного средства, оснащенного автоматизированной системой управления, остается открытым и требует законодательного разрешения. По мнению А.И. Коробеева и А.И. Чучаева, дан-

* О Правилах дорожного движения» (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения»): постановление Правительства Российской Федерации от 23 окт. 1993 г. N 1090: ред. от 16 июля 2025 г. // Собр. актов Президента и Правительства Рос. Федерации. 1993. N 47. Ст. 4531; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2025. N 29. Ст. 4304.

ный элемент состава преступления должен включать: 1) персонифицированных разработчиков конкретной компьютерной программы, предназначенной для конкретного беспилотного транспортного средства; 2) лиц, контролирующих безопасную эксплуатацию этих программ; 3) владельцев беспилотных транспортных средств, обязанных осуществлять текущий контроль за безопасными условиями их эксплуатации; 4) лиц, находящихся в беспилотном транспортном средстве и осуществляющих непосредственный контроль за безопасностью его эксплуатации [5, с. 25].

Для определения виновности и установления причин дорожно-транспортного происшествия с участием автоматизированного транспортного средства необходим комплексный подход, включающий следующие этапы:

1) анализ данных системы управления транспортным средством, предполагающий извлечение и всестороннее изучение информации, зафиксированной бортовыми системами, а именно: данных с датчиков (РДС-регистраторы, лидары, радары), отражающих картину, воспринимаемую автомобилем непосредственно перед дорожно-транспортным происшествием; данных о действиях системы управления, позволяющих проследить алгоритм принятия решений и отданные исполнительным механизмам команды; данных о состоянии системы, свидетельствующих о наличии ошибок, предупреждений или сбоев, а также о действиях водителя (если таковой имелся), направленных на вмешательство в управление;

2) проведение экспертизы программного обеспечения системы управления с целью выявления в ней ошибок, которые могли привести к неверным решениям, установления соответствия алгоритмов управления требованиям безопасности и действующим стандартам, а также оценки наличия уязвимостей к кибератакам в случае подозрения на несанкционированное вмешательство;

3) осуществление технической экспертизы транспортного средства, направленной на проверку технического состояния всех систем и исключение влияния технических неисправностей (например, отказ тормозов или неисправность руле-

вого управления) на произошедшее дорожно-транспортное происшествие;

4) анализ действий производителя или разработчика системы управления, включающий оценку соблюдения стандартов безопасности при разработке и тестировании системы, наличия адекватной системы контроля качества, своевременности выпуска обновлений и исправления ошибок, а также полноты предоставления информации пользователям о возможностях и ограничениях системы;

5) анализ действий оператора и (или) владельца транспортного средства (если применимо), включающий оценку соблюдения правил эксплуатации транспортного средства, наличие необходимой квалификации и подготовки (если требуется), своевременность проведения технического обслуживания и отсутствие несанкционированных изменений в конструкции или программном обеспечении;

6) учет фактора «обучаемости» системы, который в случае наличия у системы управления возможности самообучения предполагает оценку адекватности адаптации системы к конкретным дорожным условиям и исключение снижения безопасности в результате «самостоятельной» эволюции алгоритмов;

7) установление факта возможной кибернетической атаки на систему управления (путем проведения оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий) с целью оценки ее влияния на принятие решений в момент дорожно-транспортного происшествия.

Лишь на основе всестороннего анализа указанных факторов возможно установление причин дорожно-транспортного происшествия и определение степени вины каждого причастного лица. Однако даже при наличии полной картины произошедшего ключевым вопросом остается определение субъективной стороны преступления, а именно установление вины в форме умысла или неосторожности. Нельзя не согласиться с мнением А.А. Устименко и А.А. Зорькиной, которые выделяют проблему, связанную с тем, как «...определить наличие умысла при совершении преступления “умным” транспортом, если решение принимает искусственный интеллект, а не человек» [6, с. 459]. Действительно, традиционные кон-

цепции умысла, разработанные для случаев совершения преступления человеком, оказываются неприменимыми в ситуациях, когда решение принимает алгоритм.

Иллюстрацией коллизии правовых норм и технологических инноваций служит инцидент, зафиксированный в г. Казани 10 июня 2024 г., когда сотрудниками Госавтоинспекции было остановлено транспортное средство, осуществлявшее движение без визуально определяемого водителя. Лица, находившиеся в автомобиле, пояснили, что управление транспортным средством осуществлялось через мобильное приложение*. Заявленная находящимися в транспортном средстве лицами роль пассажиров, а не субъектов управления актуализирует вопрос о квалификации ответственности в случае дорожно-транспортного происшествия с летальным исходом, в особенности применительно к положениям ст. 264 УК РФ.

Ключевая проблема заключается в диссонансе между закрепленным в п. 1.2 ПДД РФ определением понятия «водитель» как лица, непосредственно управляющего транспортным средством, и фактическими условиями функционирования автоматизированных систем управления. В ситуациях, когда управление транспортным средством делегировано автоматизированной системе, идентификация субъекта, соответствующего критериям «водителя», становится методологически несостоятельной. В перспективе широкого распространения транспортных средств, оснащенных автоматизированными системами управления, указанное противоречие неизбежно приведет к возникновению сложностей при применении ст. 264 УК РФ, устанавливающей ответственность водителя как лица, непосредственно управляющего транспортным средством.

Правовая неопределенность, выражающаяся в несоответствии дефиниции «водитель», закрепленной в ПДД РФ, реалиям технологического прогресса, создаст препятствия для обеспечения принципа неотвратимости ответственности за нарушения, повлекшие наступление тяжких последствий.

* В МВД рассказали о ситуации с беспилотным автомобилем в Казани // РИА Новости. 2025. 17 июля. URL: <https://ria.ru/>

В действующих редакциях ст. 264 УК РФ и п. 1.2 ПДД РФ не учитывается специфика ситуаций, в которых управление транспортным средством будет осуществляться автоматизированной системой, в том числе без непосредственного участия человека.

Заключение

Проведенный анализ нормативно-правовой базы позволяет высказать предложение о необходимости адаптации действующего законодательства к условиям эксплуатации транспортных средств, оснащенных автоматизированными системами управления. Это обусловлено тем, что существующие нормы не учитывают особенностей управления подобными транспортными средствами и распределения ответственности в случае дорожно-транспортных происшествий, повлекших вред здоровью либо причинение смерти. Для решения этой проблемы представляются целесообразными следующие предложения по совершенствованию законодательства:

1. Внести в п. 1.2 ПДД РФ изменение, изложив определение понятия «водитель» в следующей редакции:

«Водитель — лицо, осуществляющее непосредственное управление транспортным средством или выполняющее функции управления транспортным средством с применением информационно-телекоммуникационных средств, вне зависимости от способа управления и своего местонахождения. К водителю приравниваются обучающий вождению, погонщик, ведущий по дороге вьючных, верховых животных или стадо».

2. Дополнить п. 1.2 ПДД РФ абзацем следующего содержания:

«Транспортное средство, оснащенное автоматизированной системой управления, — транспортное средство, имеющее возможность частичного или полного автоматизированного выполнения функций управления движением, в зависимости от уровня автоматизации, предусмотренного конструкцией транспортного средства».

3. Внести изменения в ч. 1 ст. 264 УК РФ, изложив ее в следующей редакции:

«1. Нарушение лицом, управляющим автомобилем, в том числе оснащенным автоматизированной системой управления, трамваем либо другим механическим

транспортным средством, правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека».

4. Дополнить примечание к ст. 264 УК РФ пунктом 3, изложив его в следующей редакции:

«Нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, повлекшим наступление последствий, предусмотренных настоящей статьей, признается также нарушение правил эксплуатации транспортных средств, оснащенных автоматизированными системами управления, установленных нормативными правовыми актами Российской Федерации, совершенное лицом, на которое возложена обязанность по обеспечению безопасной эксплуатации такого транспортного средства.

При определении лица, на которое возложена обязанность по обеспечению

безопасной эксплуатации транспортного средства, оснащенного автоматизированной системой управления, учитываются: функциональные обязанности разработчика, производителя, владельца и оператора транспортного средства, а также иные обстоятельства, имеющие значение для установления причинно-следственной связи между нарушением правил эксплуатации и наступившими последствиями».

В заключение необходимо подчеркнуть, что развитие транспортных средств, оснащенных автоматизированной системой управления, должно сопровождаться созданием адекватной правовой базы, обеспечивающей баланс между стимулированием инноваций, защитой прав граждан и обеспечением безопасности дорожного движения. Только в этом случае можно будет в полной мере реализовать потенциал новых технологий и избежать негативных последствий их внедрения.

Список источников

1. Чучаев А.И., Маликов С.В. Механизм дорожно-транспортного происшествия с участием беспилотника: постановка проблемы // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. N 6. С. 160-168.
2. Лобачева Л.П., Сальников С.П. Высокоавтоматизированные транспортные средства и безопасность дорожного движения: отдельные вопросы интеграции // Безопасность дорожного движения. 2023. N 4. С. 53-58.
3. Королев А.С., Рязанов Д.В. Современные подходы к осмыслению понятия автономности технических систем // International Journal of Open Information Technologies. 2022. Vol. 10. No. 12. Pp. 110-115.
4. Parasuraman, R., Riley, V. Humans and automation: Use, misuse, disuse, abuse // Human factors. 1997. No. 39(2). Pp. 230-253.
5. Коробеев А.И., Чучаев А.И. Беспилотные транспортные средства: новые вызовы общественной безопасности // Lex Russica (Русский закон). 2019. N 2. С. 9-28.
6. Устименко А.А., Зорькина А.А. Актуальные проблемы уголовного судопроизводства по делам, связанным с «умным» транспортом // Вестник науки. 2024. N 10. Т. 3. С. 453-461.

References

1. Chuchayev A.I., Malikov S.V. The mechanism of a traffic accident involving a drone: problem statement. Actual problems of Russian law, 2020, vol. 15, no. 6, pp. 160-168. (In Russ.).
2. Lobacheva L.P., Sal'nikov S.P. Highly automated vehicles and road safety: selected issues of integration. Road safety, 2023, no. 4, pp. 53-58. (In Russ.).
3. Korolev A.S., Ryazanov D.V. Modern approaches to understanding the concept of autonomy of technical systems. International Journal of Open Information Technologies, 2022, vol. 10, no. 12, pp. 110-115. (In Russ.).
4. Parasuraman, R., Riley, V. Humans and automation: Use, misuse, disuse, abuse. Human factors, 1997, no. 39, pp. 230-253.
5. Korobeev A.I., Chuchayev A.I. Unmanned vehicles: new challenges to public safety. Lex Russica (Russian Law), 2019, no. 2, pp. 9-28. (In Russ.).
6. Ustimenko A.A., Zor'kina A.A. Actual problems of criminal proceedings in cases related to "smart" transport. Bulletin of science, 2024, no. 10, vol. 3, pp. 453-461. (In Russ.).

Раздел 8. Обзоры, рецензии, критика

Научная специальность: 5.1.2

Рецензия на монографию А.А. Беженцева «Избранные очерки. Часть II. Мысли о теории права и государства, административном праве и процессе, уголовном праве, правоохранительной деятельности»*

Владимир Иванович Майоров,

доктор юридических наук, профессор, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Тюмень, Россия, 1955715@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6490-3546>

Аннотация. Рецензентом анализируются изложенные в монографии базовые положения теории государства и права, административного права и процесса, уголовного права и иных отраслей права, а также некоторые мнения о правоохранительной деятельности, высказанные А.А. Беженцевым в 2023-2024 годах. Научные достижения автора раскрываются в пяти разделах (очерках) и отличаются оригинальностью, при этом все суждения опираются на анализ многочисленных российских и зарубежных литературных источников, материалов правоприменительной практики, проведенные им социологические исследования. Отмечается, что практически каждый очерк содержит обоснованные в тексте выводы и рекомендации, которые обладают высокой теоретической и практической значимостью и могут быть использованы как в законопроектной или образовательной деятельности, так и в дальнейших научных исследованиях.

Ключевые слова: административная процедура, административный процесс, административное усмотрение, административная дискреция, обеспечение безопасности дорожного движения, общественный контроль

Для цитирования: Майоров В.И. Рецензия на монографию А.А. Беженцева «Избранные очерки. Часть II. Мысли о теории права и государства, административном праве и процессе, уголовном праве, правоохранительной деятельности» // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2025. N 4 (74). С. 149-155.

Review of the monograph of A.A. Bezhentsev "Selected essays. Part II. Thoughts on the theory of law and state, administrative law and procedure, criminal law and law enforcement activities"

Vladimir I. Mayorov,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Tyumen, Russia, 1955715@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6490-3546>

Abstract. The fundamental provisions of the theory of state and law, administrative law and procedure, criminal law and other branches of law, presented in the monograph under review, as well as some views on law enforcement activities, expressed by A.A. Bezhentsev in 2023-2024, are analyzed. The monograph author's scientific achievements are presented in five sections (essays) and are distinguished by their originality, moreover, all judgments are based on the analysis of numerous Russian and foreign literary sources, law enforcement practice and his own sociological researches. It is noted that almost every essay contains conclusions and recommendations, substantiated in the text, which have high theoretical and practical significance and can be used both in legislative and educational activities, as well as in further scientific researches.

* Беженцев А.А. Избранные очерки. Часть II. Мысли о теории права и государства, административном праве и процессе, уголовном праве, правоохранительной деятельности: сборник избранных научных трудов за 2023-2024 годы: монография. СПб.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Президентская академия) (РАНХиГС); Р-КОПИ, 2025. 610 с.

Keywords: administrative process, administrative procedure, administrative option, administrative discretion, ensuring the road traffic safety, public oversight

For citation: Mayorov V.I. Review of the monograph of A.A. Bezhentsev "Selected essays. Part II. Thoughts on the theory of law and state, administrative law and procedure, criminal law and law enforcement activities" // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2025. No. 4 (74). P. 149-155.

В 2025 году была опубликована новая монография А.А. Беженцева. В научном труде собраны публикации ученого, затрагивающие актуальные проблемы правовой науки и правоприменительной практики. Особый интерес к монографии, несомненно, связан с личностью ее автора — доцента кафедры уголовного права юридического факультета Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, начальника кафедры административной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, полковника полиции, кандидата юридических наук, доцента Александра Анатольевича Беженцева. Из-под его пера вышло множество научных и учебных трудов, а общее количество проиндексированных в базе Российского индекса научного цитирования публикаций — более 450-ти.

Рецензируемая монография посвящена актуальным проблемам правовой науки и включает пять основных разделов:

1. Проблемные очерки о теории государства и права.
2. Проблемные очерки об административном праве и процессе.
3. Проблемные очерки об уголовном праве.
4. Проблемные очерки о правоохранительной деятельности.
5. Проблемные очерки по отдельным отраслям права.

Первый раздел в большей степени является вводным и знакомит читателей с базовыми категориями юриспруденции и деятельности юриста. Автор подчеркивает наличие в науке нескольких методологических подходов и позиций относительно содержания юридической деятельности, которую рассматривают как: а) элемент правовой системы; б) правовую деятель-

ность; в) юридическую практику; г) практическую деятельность юристов (с. 25).

В юридической практической деятельности профессиональный юрист должен руководствоваться определенными принципами, среди которых А.А. Беженцев выделяет: а) законность деяний юриста и его решений; б) равенство субъектов перед правом и законом; в) независимость юриста в ведении дела от собственных интересов и внешнего давления; г) беспристрастность, обоснованность решений; д) профессионализм; е) справедливость, гуманность, демократизм. Отмечается, что принципы юридической практической деятельности закреплены в текстах нормативных актов, а также в актах корпоративного значения, научных разработках (с. 29).

Важный вывод в первом очерке сделан о том, что практическая деятельность юристов как основная форма осуществления юридической деятельности в узком ее понимании по объему совпадает с содержанием понятия юридической практики. Являясь неотъемлемым и интегрирующим фактором общественных отношений, отдельной сферой применения труда юристов, она находится во взаимодействии с такими сферами, как юридическая наука и образование, и вместе с ними составляет единое целое — понятие юридической деятельности. Вместе с этим юридическая практическая деятельность характеризуется чертами профессионализма, законности, формальности, процедурности, обязательности принятых властных решений, а также честности, порядочности, справедливости, которые закрепляются нормативно (с. 33).

Во второй раздел А.А. Беженцев, отдавая должное сложности и многоаспектности проблем науки административного права, включил 15 очерков. Ряд из них посвящены административному процессу и

административным процедурам как ключевым составляющим государственного управления. Административные процедуры приносят надлежащий порядок в организацию и функционирование публичной власти, обеспечивают соблюдение принципа законности, установления гарантий полезности, эффективности и открытости административных действий [1, с. 142].

Вместе с тем в Российской Федерации отсутствует институт административных процедур, а органы исполнительной власти обладают широтой административного усмотрения при принятии своих решений. Административное усмотрение в рецензируемой монографии определено как «установленная нормативно правовыми актами свобода предпочтения варианта поведения полномочного субъекта (государственного служащего) на базе его интеллектуально-мыслительной деятельности для осуществления им публичного интереса принять оптимально-конструктивное управленческое решение, произвести действие или сдержаться от его совершения (бездействие) для рациональной реализации своих полномочий» (с. 147).

Проблематика административной дискреции привлекает к себе внимание многих ученых, среди которых особо следует отметить Ю.П. Соловья, на протяжении многих лет исследующего различные проблемные аспекты административного усмотрения, в том числе судебного контроля за административной дискрецией [2; 3]. В монографии А.А. Беженцева сформулированы авторские принципы административного усмотрения (с. 147), которые могут быть использованы при дальнейших научных изысканиях в данном направлении.

Представляет интерес очерк, посвященный контролю и надзору. Данные понятия исследуются с различных сторон, включая прокурорский надзор в сфере государственного управления, общественный контроль, контроль в законодательной власти и государственном управлении, экологический контроль, финансовый контроль, таможенный контроль, контроль за применением законодательства о борьбе с коррупцией.

Ученый делает вывод о том, что систему контролирующих органов образуют:

а) международные организации, их органы и подразделения (Организация Объединенных Наций, Таможенный союз Евразийского экономического союза, СНГ, БРИКС и др.), участником которых является российское государство и предписания которых обязательны для выполнения Правительством Российской Федерации и другими органами государственной власти;

б) государственные органы, наделенные контрольными полномочиями (Федеральное Собрание Российской Федерации, федеральные суды) и осуществляющие общий (иногда и специальный) контроль за сферой государственного управления;

в) специализированные государственные контролирующие органы, реализующие контроль за профессиональными направлениями деятельности (пожарный, санитарный надзор, ветеринарный контроль);

г) негосударственные образования (объединения граждан) (с. 228).

Раздел монографии, посвященный проблемам уголовного права, является небольшим по объему, однако в нем затронуты темы, обладающие актуальностью в современных условиях, — уголовные наказания, формы соучастия в преступлениях, механизм проведения заседания суда с участием присяжных заседателей.

Небезынтересным следует признать анализ зарубежного опыта относительно такой дискуссионной темы, как уголовное наказание в виде смертной казни. Несмотря на политику ООН, направленную на отказ от применения смертной казни и дальнейшее ее упразднение, в ряде стран мира (КНР, Япония, США, Саудовская Аравия и др.) данный вид наказания назначается за особо тяжкие преступления.

Автором высказано предложение о формировании в Российской Федерации нового вида уголовного наказания путем объединения двух статей УК РФ (ст. 57 «Пожизненное лишение свободы» и ст. 59 «Смертная казнь») с образованием новой статьи под названием «Высшая мера наказания». В случае, когда суд выносит решение о применении высшей меры наказания, предлагается предоставлять осужденному возможность самостоятельного выбора наказания между пожизненным лишением свободы и смертной казнью (с. 300).

Учитывая существующий в Российской Федерации мораторий на смертную казнь, а также определение Конституционного Суда Российской Федерации, которым была признана невозможность назначения смертной казни*, предложение можно считать спорным. Однако оно обладает определенной новизной и открывает простор для дальнейшей дискуссии.

Еще одной обширной темой является правоохранительная деятельность. Соответствующий раздел монографии включает шесть подразделов.

Правоохранительная деятельность занимает центральное место в обеспечении национальной безопасности и ее видов. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации система обеспечения национальной безопасности определяется как совокупность осуществляющих реализацию государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности органов публичной власти и находящихся в их распоряжении инструментов**. Органы, осуществляющие правоохранительную деятельность, являются важным элементом данной системы.

А.А. Беженцев рассматривает актуальные направления правоохранительной деятельности в виде борьбы с коррупцией и экстремизмом, профилактики правона-

рушений. Как верно отмечено в монографии, стратегической целью функционирования правоохранительной системы является создание условий для эффективной государственной политики, направленной на обеспечение и предотвращение внутренних и внешних угроз национальной безопасности, борьбу с преступностью, благодаря чему правоохранительная система Российской Федерации должна постоянно совершенствоваться как действенный механизм государства по обеспечению внутренней безопасности (с. 466).

Для модернизации управленческой работы правоохранительных органов предлагается комплекс мер, в том числе включающих: урегулирование организационного построения и исключения дублирования функций; обеспечение максимальной объективности и беспристрастности при принятии управленческих решений правоохранительными органами; обеспечение координации правоохранительных органов посредством надведомственного органа, который может быть создан при Президенте Российской Федерации; переход к сервисной полицейской модели организации деятельности и др. (с. 472-473). Полиция при осуществлении своей деятельности должна обеспечивать общественное доверие к себе и поддержку граждан, формируя тем самым в общественном сознании положительный образ сотрудника полиции.

Проблеме обеспечения безопасности дорожного движения посвящен отдельный подраздел монографии, включающий два очерка, которые характеризуют систему обеспечения безопасности дорожного движения и деятельность Госавтоинспекции МВД России. Значительный материальный, социально-экономический, демографический ущерб, который наносят дорожно-транспортные происшествия и их последствия, предопределяет необходимость разработки комплексных мер по сокращению смертности и травматизма в результате дорожно-транспортных происшествий.

Под безопасностью дорожного движения следует понимать состояние упорядоченных в результате нормотворческого и правореализационного процессов общественных отношений, обеспечиваю-

* О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года N 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации "О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР "О судостроительстве РСФСР", Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 нояб. 2009 г. N 1344-О-Р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. N 48. Ст. 5867.

** Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. N 400 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

щих степень и качество охраны и защиты участников дорожного движения от дорожно-транспортных происшествий и их последствий при осуществлении общественно необходимого перемещения людей, предметов их труда.

Деятельность государственных органов по обеспечению безопасности дорожного движения получает свое отражение в проводимой в этой области государственной политике, включающей меры по обеспечению соблюдения Правил дорожного движения, совершенствованию государственного управления, в том числе осуществления государственного контроля (надзора) в области безопасности дорожного движения, развитию улично-дорожной сети, регулированию механизмов допуска к участию в дорожном движении и др.

Признавая актуальный характер проблемы обеспечения безопасности дорожного движения, А.А. Беженцев на основе проведенного в 2017-2022 годах социологического исследования формулирует некоторые рекомендации по повышению эффективности деятельности в этой сфере на системном уровне (с. 429-433). Не со всеми из них можно согласиться. Например, в части принятия нового федерального закона, который, по мнению автора, должен регулировать множество направлений, связанных с обеспечением безопасности дорожного движения, включая статус субъектов данной деятельности; права и обязанности граждан; «обязательные требования к безопасности дорожной инфраструктуры, транспортных средств, организации движения, осуществлению грузопассажирских перевозок»; «механизмы программирования мер профилактики дорожного травматизма»; «виды юридической ответственности за деликты против безопасности дорожного движения» и др. Практически все пункты уже имеют законодательное регулирование в Федеральном законе от 10 декабря 1995 г. N 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» и иных федеральных законах. Данные нормативные правовые акты не свободны от недостатков, однако объединение всех норм в одном лишь законодательном акте вряд ли решит имеющиеся проблемы и в целом трудноосуществимо.

Кроме того, вызывает возражение позиция о необходимости создания нового органа, реализующего «государственную политику в сфере управления деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения» (с. 433). Данному органу предлагается передать значительный объем полномочий Госавтоинспекции МВД России, реорганизовав ее в «орган дорожного надзора и регулирования движения». К сожалению, в тексте не обоснована причина, по которой Госавтоинспекция не может и далее исполнять свои функции, неоднократно отмечается лишь необходимость повышения эффективности ее работы и увеличения штатной численности сотрудников. Кроме того, создание новых органов исполнительной власти оправданно, если появляются новые сферы, требующие осуществления управленческого воздействия. Однако в рассматриваемом случае существующие полномочия лишь будут перераспределены от одних субъектов к другим. Возможно, более подробное раскрытие предполагаемого статуса нового органа власти показало бы его преимущества, а также помогло бы определить место в структуре федеральных органов исполнительной власти, установленной Указом Президента Российской Федерации от 11 мая 2024 г. N 326 «О структуре федеральных органов исполнительной власти»*.

Тем не менее А.А. Беженцев верно указывает на многие недостатки системы обеспечения безопасности дорожного движения, в том числе ее децентрализацию, коллизии и несогласованность некоторых нормативных правовых актов, отсутствие комплексного подхода при разработке мер в данной области.

Завершают рассматриваемый раздел очерки, посвященные отдельным направлениям правоохранительной деятельности. Особый акцент автор делает на взаимодействии правоохранительных органов с гражданами, институтами гражданского общества, средствами массовой информации. Интересен очерк, раскрывающий проблемы оценки эффективности деятельности полиции со стороны общества,

* Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

поскольку «именно мнение населения зачастую становится определяющим критерием оценки не только деятельности правоохранительных органов, но и уровня развития правовой системы государства и общества в целом» [4, с. 10].

Общественный контроль является одним из ключевых видов контроля, так как, с одной стороны, способствует открытости и гласности деятельности органов внутренних дел, с другой стороны, помогает в борьбе с коррупцией, обеспечивает неукоснительное соблюдение прав граждан при их взаимодействии с сотрудниками полиции.

В рецензируемой монографии предлагается оптимизировать процесс оценки деятельности органов внутренних дел с ориентацией на экспертную оценку и привлечением к обработке результатов Федеральной службы государственной статистики (с. 517). Данные предложения следует принять во внимание, поскольку на современном этапе по-прежнему сильны позиции ведомственной оценки, ориентированной на количественные показатели и обслуживающей ведомственные интересы [5, с. 17].

Финальный раздел научного труда А.А. Беженцева затрагивает проблемы различных отраслей права, которые заинтересовали автора в его исследовательской работе. Отвечающей современным реалиям является проблематика государственного управления в условиях информатизации и цифровизации, которые за последнее десятилетие оказали значительное влияние на общество и государство. Особенно ценно то, что автор рассматривает распространение информационных технологий не только с управленческих, но и с образовательных позиций.

Характеризуя монографию в целом, следует отметить, что она отличается оригинальностью, а ее автор опирается на анализ широкого круга российских и зарубежных литературных источников, материалов правоприменительной практики, собственные социологические исследова-

ния. Практически каждый очерк содержит новые выводы и рекомендации, обобщенные в тексте.

Вызывает уважение значительный объем работы, проведенной А.А. Беженцевым, поскольку в опубликованном труде были собраны результаты научной деятельности за небольшой период (2023-2024 годы).

Безусловно, некоторые затронутые в монографии вопросы носят дискуссионный характер, однако автор в достаточной степени аргументирует свои суждения и выводы, ведет корректную научную полемику. Научная дискуссия является особым жанром научного общения, который предполагает как простой обмен мнениями представителей научной общественности, так и полемическое обсуждение учеными научной проблемы с целью ее решения и доказательства состоятельности той или иной точки зрения. Из этого следует, что научную дискуссию по праву можно назвать значимым способом развития науки, эффективным средством научного поиска.

Рецензируемый труд отличается глубокой проработкой поднятых автором проблем правовой науки и правоприменительной деятельности, а сделанные выводы и разработанные предложения обладают высокой теоретической и практической значимостью и могут быть использованы как в законопроектной или образовательной деятельности, так и в дальнейших научных исследованиях.

Таким образом, монография «Избранные очерки. Часть II. Мысли о теории права и государства, административном праве и процессе, уголовном праве, правоохранительной деятельности» является выполненным на высоком уровне, актуальным научным трудом, знакомство с которым может оказаться полезным широкому кругу читателей, включая ученых-административистов, преподавателей и учащихся юридических вузов, практических работников юридической сферы и всех интересующихся актуальными проблемами права в современной России.

Список источников

1. Майоров В.И. Введение регламентации государственных и муниципальных услуг как механизм совершенствования системы управления в России // Евразийский юридический журнал. 2017. N 4. С. 142-144.
2. Соловей Ю.П. Дискреционный характер административного акта как обстоятельство, исключающее судебную проверку его законности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. N 4. С. 72-99.
3. Соловей Ю.П. Развитие правовых позиций Пленума Верховного Суда Российской Федерации о судебной проверке законности реализации административного усмотрения // Сибирское юридическое обозрение. 2024. N 4. С. 533-560.
4. Майоров В.И. Повышение уровня доверия к деятельности полиции как направление реформы органов внутренних дел // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: материалы ежегодной всерос. науч.-практ. конф., посвященной памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации В.Д. Сорокина: в 2 ч. Ч. 2. Санкт-Петербург, 2012. С. 10-14.
5. Денисенко В.В., Майорова Е.Н. Показатели и методика вневедомственной оценки деятельности органов внутренних дел и условий их функционирования // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. N 1. С. 13-18.

References

1. Mayorov V.I. Introduction of Regulation of Public and Municipal Services as a Mechanism for Improving the Governance System in Russia. Eurasian Law Journal, 2017, no. 4, pp. 142-144. (In Russ.).
2. Solovey Yu.P. Discretionary Nature of an Administrative Act as a Circumstance Precluding Judicial Review of Its Legality. Law. Journal of the Higher School of Economics, 2019, no. 4, pp. 72-99. (In Russ.).
3. Solovey Yu.P. Development of Legal Positions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on Judicial Review of the Legality of the Exercise of Administrative Discretion. Siberian Legal Review, 2024, no. 4, pp. 533-560. (In Russ.).
4. Mayorov V.I. Increasing the Level of Trust in Police Activities as a Direction of Reform of Internal Affairs Bodies. Current Issues of Administrative and Administrative-Procedural Law. In 2 parts. Part 2. St. Petersburg, 2012. Pp. 10-14. (In Russ.).
5. Denisenko V.V., Mayorova E.N. Indicators and methods of non-departmental assessment of the activities of internal affairs bodies and the conditions of their functioning. Law and Order: History, Theory, Practice, 2021, no. 1, pp. 13-18. (In Russ.).

ДЛЯ ЗАМЕТОК